

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ОНТОЛОГИЯ И АКСИОЛОГИЯ ПРАВА

*Тезисы докладов и сообщений
Десятой международной научной конференции
(28–29 октября 2021 г.)*

Омск
ОмА МВД России
2021

УДК 340(082)
ББК 67.0
О-59

Редакционная коллегия:

С. К. Буряков — кандидат политических наук (председатель);
Д. В. Попов — кандидат философских наук, доцент (зам. председателя);
Г. Ч. Синченко — доктор философских наук, профессор;
А. А. Морозов — кандидат исторических наук, доцент;
А. В. Петров — кандидат философских наук (ответственный секретарь);
А. Г. Филимонов — кандидат философских наук, доцент

О-59 Онтология и аксиология права : тезисы докладов и сообщений Десятой междунар. науч. конф. (Омск, 28–29 октября 2021 г.) / пред. редкол. С. К. Буряков. — Омск : Омская академия МВД России, 2021. — 140 с.

ISBN 978-5-88651-774-3

В сборнике представлены тезисы докладов, раскрывающие сущность и закономерности развития правовой реальности, познания права, вопросы соотношения права, морали и религии.

Адресовано профессорско-преподавательскому составу, а также философам, социологам, культурологам и всем интересующимся проблемами философии права.

УДК 340(082)
ББК 67.0

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ ПРАВА.
ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА.
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Б. С. Абжанов

(г. Петропавловск, Республика Казахстан)

О противодействии экстремизму в Казахстане

В современных условиях противодействие экстремизму и терроризму в любых их проявлениях — одно из приоритетных направлений в обеспечении национальной безопасности страны.

Республика Казахстан является полиэтническим, поликонфессиональным и поликультурным государством, в котором проживает более 130 этносов, каждый из них развивает свою культуру, традиции, обычаи, язык и религию. Политика государства направлена на гармонизацию межэтнических и межконфессиональных отношений, одним из показателей этого может быть успешная реализация модели межэтнического и межконфессионального согласия.

Экстремизм представляет одну из самых опасных угроз всему мировому сообществу. В Казахстане чаще всего проявляется религиозный экстремизм, который ранее был связан с деятельностью радикальной религиозно-политической организации «Хизб-ут-Тахрир», запрещенной решением Суда г. Астаны в марте 2005 г. и признанной экстремистской (запрещенной в России решением Верховного Суда РФ в 2003 г.).

Опираясь на анализ научных трудов, а также экспертные суждения специалистов в различных сферах исследуемой проблемы, можно выделить три этапа нарастания экстремистской угрозы в Казахстане: *первый этап*: «чужие экстремисты» — конец 90-х — начало 2000-х гг.; *второй этап*: «вербовочный» — начало–середина 2000-х гг.; *третий этап*: «локальные или „свои“ экстремисты» — с конца 2000-х гг.

Формирование локальных экстремистов шло постепенно, именно их деятельность привела к принятию Закона РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [1], усиливающего контроль в ре-

лигиозной сфере и в сфере межконфессиональных отношений. В связи с этим своевременным в Казахстане является создание государственного органа, регулирующего религиозную сферу, — Комитета по делам религий Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан. Кроме того, заметно усилена работа правоохранительных органов по пресечению преступлений экстремистского толка.

В настоящее время наблюдается активность религиозных объединений с элементами деструкции в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Этому способствует ухудшение экономики и социальной сферы во всем мировом сообществе, а также уязвимое психологическое состояние граждан, обусловленное изолированностью, замкнутостью, страхом перед неизвестным.

Основная проблема, которая стоит перед исследователями экстремизма, заключается в его определении. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. определяет экстремизм как «какое-либо деяние, направленное на то, чтобы осуществить насильственный захват власти, насильственное удержание власти или насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [2].

В Законе Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» под экстремизмом понимается: организация и (или) совершение:

- физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий от имени организаций, признанных в установленном порядке экстремистскими;

- физическим и (или) юридическим лицом, объединением физических и (или) юридических лиц действий, преследующих следующие экстремистские цели:

- насильственного изменения конституционного строя, нарушения суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыва национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственного захвата власти или насильственного удержания власти, создания, руководства и участия в незаконном военизированном формировании, вооруженного мятежа и участия в нем, разжигания социальной, сословной розни (политический экстремизм);

— разжигания расовой, национальной и родовой розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию (национальный экстремизм);

— разжигания религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применения любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный экстремизм)» [3].

Из приведенного определения можно выделить виды экстремизма: политический, национальный и религиозный.

На наш взгляд, наиболее точным является определение Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

В Казахстане противодействие экстремизму осуществляется по следующим основным направлениям: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремизма, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих его осуществлению; выявление и пресечение экстремизма; международное сотрудничество в области противодействия экстремизму.

Важно выработать политико-правовые и финансово-экономические методы противодействия экстремизму. Все это нашло отражение в Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2018–2022 годы [4], где подробно описываются цели, задачи и функции. В целом противодействие экстремизму требует создания государственной системы и предполагает совместные меры со стороны государства и общества. Важной особенностью профилактики экстремизма в Казахстане является информационно-разъяснительная работа с населением.

Таким образом, последовательное проведение политики государства в борьбе с экстремизмом результативно лишь тогда, когда она носит системный характер. Такая комплексная программа включает следующие взаимосвязанные сферы: правовую, экономическую, политическую, идеологическую, специальную, правоохранительную и военную.

Список источников

1. Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 11 октября 2011 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690 (дата обращения: 20.06.2021).

2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (г. Шанхай, 15 июня 2001 г.). URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2613> (дата обращения: 20.06.2021).

3. Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 г. № 31. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000031_ (дата обращения: 20.06.2021).

4. Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018–2022 годы. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36325215#pos=34;-56 (дата обращения: 20.06.2021).

А. А. Артемов

(г. Санкт-Петербург)

Аксиология и типология правовой культуры

Аксиосфера общества (весь мир ценностей) с определенной долей условности может быть представлена как многоуровневое образование, где метаяуровень — это универсальные ценностно-смысловые ориентиры человечества (общечеловеческие вечные ценности: истина, добро, красота, справедливость, свобода), составляющие предметную область философской теории ценностей, или метааксиологии.

Следующей ступенью аксиологической шкалы является макроуровень — ценностные системы, принимаемые в границах той или иной социокультурной общности или (в интересующем нас аспекте) того или иного типа правовой культуры, где доминантной ценностью могут выступать равенство, демократия, права человека и гражданина, державность. Это сфера исследования нового дисциплинарного направления научного поиска, предлагаемого автором, — аксиологии правовой культуры (как раздела аксиологии культуры). Наиболее тесные взаимосвязи из всего комплекса правоведческих дисциплин намечаются у нового теоретического направления с юридической типологией и юридической компаративистикой (сравнительным правоведением). Философско-культурологическим осмыслением правовых ценностей и призвана заниматься аксиология правовой культуры. В понимании ключевых категорий новой междисциплинарной области исследования автор следует приоритетной разработке в данной сфере — монографии Г. П. Выжлецова «Аксиология культуры», в которой впервые в научный оборот введено понятие «аксиология культуры» [1, с. 70].

Предметная область нового направления четко тематизируется в сравнении с наиболее близкими ему сферами научного поиска: философской аксиологией и юридической аксиологией. Юридическая аксио-

логия включает в предмет своего исследования само право как ценность и соответствующие ценностные суждения (и оценки) о правовом значении (т. е. ценностном смысле с точки зрения права) фактически данного закона (позитивного права). В свою очередь аксиология правовой культуры нацелена на осмысление реализации правовых ценностей в культуре как регулятивно-нормативной области человеческой жизнедеятельности. С известной долей упрощения эти концептуальные различия можно изобразить в виде следующей схемы: философская аксиология — это сфера всеобщего; аксиология правовой культуры — сфера особенного; юридическая аксиология — сфера единичного.

Следует сразу указать на одну принципиальную особенность новой дисциплинарной области гуманитарного знания: аксиология правовой культуры выступает не только учением о правовых ценностях культуры, но и сама по своему статусу является ценностным знанием. Проблемное поле аксиологии правовой культуры представляется также пространством пересечения познавательных интересов аксиологии и культурологии. Точкой пересечения является возможность типологизации правовой культуры на основе различия ценностных иерархий и установления взаимосвязи между представлениями о правовых ценностях и типами правовой культуры. Правовые ценности — это особые ценностные отношения, которые складываются между субъектами по поводу значимых объектов-посредников, норм и идеалов и могут воплощаться в конкретных носителях: правовых нормах, установлениях, институтах, правосознании. Правовая культура — это сфера реализации правовых ценностей. Исследование правовой культуры при таком понимании выступает как изучение бытия правовых ценностей, их проявленности в правосознании и правовом поведении.

Завершает ценностно-культурную шкалу микроуровень — специфические ценности профессиональных и демографических групп (успех, богатство, мастерство, самосовершенствование), личностные ценности как ориентиры индивидуальной деятельности отдельного субъекта (чувство собственного достоинства, самосовершенствование, самореализация). Эта область аксиологической проблематики охватывается конкретными социологическими, культурологическими и психологическими исследованиями.

Главная задача любого варианта аксиологии — показать, как возможна ценность в общей структуре бытия. Собственно аксиология возникает тогда, когда понятие бытия распадается на два элемента: реальность и ценность. Выбор онтологического основания и определение онтоло-

гического статуса ценностей решающим образом сказываются на самом типе ценностной иерархии. В истории аксиологии можно обнаружить несколько впечатляющих попыток построения иерархии ценностей.

Возможность типологизации правовой культуры может быть реализована на основе различия ценностных иерархий и установления соответствия между представлениями о правовых ценностях и типами правовой культуры. Факторами, существенно влияющими на представления о ценностях правовой культуры в том или ином ее типе, являются: уровень правосознания, социальная принадлежность, развитость правовой системы, характер динамики цивилизационных процессов, степень гомогенности правовой культуры. Для типологического подхода характерен аксиологический плюрализм, признающий множественность равноправных ценностных систем, опознаваемых с помощью культурологического метода.

В свою очередь, правовая культура в структурном отношении также характеризуется как многоуровневая целостность. Системная модель правовой культуры, разработанная В. П. Сальниковым, включает следующие структурные компоненты: 1) обыденный уровень правовой культуры; 2) профессиональный уровень правовой культуры; 3) теоретический уровень правовой культуры [2, с. 364]. При таком понимании структуры правовой культуры ее аксиологическая трактовка предусматривает реализацию определенной исследовательской стратегии: на первом этапе изучаются представления о правовых ценностях на обыденном уровне правовой культуры, выявляются особенности обыденного правосознания, раскрывается воплощение в правовом поведении доминантных ценностных ориентаций, присущих конкретному типу правовой культуры.

На следующем этапе анализируется профессиональное правосознание и отражение в нем правовых ценностей соответствующего культурного типа. Профессиональный уровень правовой культуры связан с существованием «правового сообщества», т. е. корпорации профессиональных юристов, чьи представления о правовых ценностях реализуются в правотворческой и правоприменительной деятельности. Завершением исследовательской программы по построению исторической типологии правовой культуры выступает реконструкция представлений о правовых ценностях на уровне теоретического правосознания. Теория правовой культуры является высшей формой концептуального осмысления ценностной иерархии, присущей данному культурному типу.

Разумеется, обыденный, профессиональный и теоретический уровни правовой культуры анализируются не только в статике, но и во взаимодействии и исторической динамике, т. е. происходит совмещение син-

хронного и диахронного подходов. В перспективе это дает возможность построения как морфологической, так и динамической модели правовой культуры. Очевидно, что представления о ценностях правовой культуры в решающей степени зависят от общей иерархии ценностей того или иного социокультурного типа. Рассмотрение такой зависимости позволяет выделить различные типы правовых культур. Предлагаемый нами вариант типологии правовой культуры ориентирован на общекультурологическую модель типологизации. Типы правовой культуры определяются доминантными ценностными ориентациями.

Теоцентристская правовая культура характеризуется апелляцией к Богу как абсолютной истине. Под справедливостью понимается установленный божественный порядок. В такой правовой культуре право сливается с моралью и религиозной доктриной, нарушение норм рассматривается как грех. Второй тип правовой культуры — натуроцентристский. Он строится на вере в человеческий разум как высшую ценность. В теории права это выражено позитивистски. Закон — выражение высшей справедливости, и его основная функция — принуждение. Право в такой культуре отождествляется с законом, а мораль резко отделяется от права. Такой тип культуры, согласно терминологии В. С. Нерсисянца, может быть еще назван легистским [3, с. 59]. Третий тип правовой культуры — социоцентристский, главной ценностью которого является общее благо, чему соответствует вся правовая система. Ценностный подход коллективистской правовой культуры характеризуется устремленностью к социальному служению во имя общего блага, что приводит к объявлению социальным идеалом не правового, а религиозно-нравственного образа жизни.

Антропоцентристская правовая культура — единственный тип культуры, где основной ценностью становится свободная личность. Антропоцентристское понимание ценностной основы правопорядка состоит в том, чтобы найти в правовом регулировании должный баланс соотношения между личностью, обществом и государством. Принцип аксиологического плюрализма допускает существование различных правовых культур и норм и позволяет учитывать при построении аксиологии правовой культуры все феноменологическое богатство правового опыта человечества.

Список источников

1. *Выжлецов Г. П.* Аксиология культуры : монография. СПб., 1996.
2. *Сальников В. П.* Правовая культура // *Общая теория права. Курс лекций.* Н. Новгород, 1993.
3. *Нерсисянц В. С.* Философия права : учебник. М., 2012.

М. А. Бучакова

(г. Омск)

Конституционализм как феномен политико-правовой системы государства

Закон РФ о поправке к Конституции РФ, новеллы конституционного законодательства не только изменили систему государственного устройства России, но и привлекли большое внимание граждан к конституционным ценностям, правам и свободам человека, их балансу в условиях эволюционной трансформации. В новом цифровом обществе возник запрос на доктринальность подхода к достижениям мировой цивилизации в виде классических ценностей, таким как правовые идеи, верховенство закона, разделение властей, защита прав и свобод человека и гражданина. Эти политико-правовые постулаты составляют основу функционирования государства в современной действительности.

Понятие «конституционализм» (от лат. — *constitutio*) означает «установки, устройство». Однако «конституционализм» имеет множество интерпретационных значений с учетом конкретной сферы: юридической, политической и исторической. Согласно Большому юридическому словарю конституционализм в широком смысле слова — теория конституции, история и практика конституционного строительства в той или иной стране, группе стран, мировом сообществе. В узком смысле — целостная система знаний о фундаментальных общечеловеческих политико-правовых ценностях. Впервые феномен конституционализма появился в американской политико-правовой мысли в конце XVIII — начале XIX в. на основе Конституции 1787 г. с четким закреплением верховенства писаной конституции над иными нормативными правовыми актами. В дальнейшем в многочисленных исследованиях данный феномен стал применяться для характеристики государств с демократическим политическим режимом и устоявшейся конституционной традицией. При этом он неразрывно связан с характеристикой государства как правового, в котором осуществляется неуклонное соблюдение законности. В России трендом последних лет является развитие процесса конституционализации, необходимой составляющей которого выступает повышение роли конституционных положений в совершенствовании российского законодательства. В связи с этим общие положения, закрепленные в Конституции РФ, становятся ориентирами для развития системы российского права. Актуальность данной проблематики очевидна и обусловлена, прежде всего, несовершенством действующего законодательства, его нестабильностью, коллизиями отраслевых норм и неполнотой их соответствия

конституционным нормам. Многочисленные изменения закона в виде дополнений и изменений ведут к подрыву его содержательной части, вызывая нигилизм со стороны общества.

Как неоднократно отмечал В. Д. Зорькин, существует множество разрывов между оболочками — формами властных, социальных и других институтов, с одной стороны, и содержательным наполнением этих институтов — с другой. При этом основа законодательного дисбаланса заложена не в дефектах законотворческого процесса, противоречиях, возникающих при принятии нормативных правовых актов, в первую очередь, в тех проблемах, которые формируются и проистекают из надстроечных отношений, прежде всего, из политической и экономической сфер жизнедеятельности общества. При этом и сама Конституция РФ имеет противоречия и недостатки. Достаточно назвать ст. 15, в которой закреплены верховенство Конституции и одновременно установлен приоритет норм и принципов международного права. Такого рода нестыковки и несогласованность нормативных предписаний подрывают конституционные основы конституционализма и требуют доктринальных разъяснений.

Современный конституционализм как феномен политико-правовой системы государства основывается на интеграционной функции Конституции РФ, целевым назначением которой является идея объединения всех отраслей национального права при условии реализации конституционных принципов и ценностей в отраслевом законодательстве и национальной правовой системе.

К. А. Даллакян

(г. Уфа)

Трансформация права и свободы в эпоху цифровизации

В эпоху четвертой технологической революции пересечение процессов глобализации и цифровизации, практически означающее цифровое переформатирование мирового социального бытия, актуализирует необходимость осмысления таких фундаментальных ценностей, как свобода и права социальных субъектов в новых реалиях смешанного общества.

Цифровая трансформация государства как формы организации публичной власти и человека, все более превращающегося в виртуально управляемое существо, на наш взгляд, свидетельствует о неминуемом возникновении новой глобально-цифровой парадигмы государства.

В глобально-цифровом обществе постепенно нарастает угроза потери не только гражданами, но и отдельными государствами своего суверенитета. Идет процесс формирования универсальной цифровой площадки, позволяющей виртуально управлять человечеством (глобальным мировым компьютером) с единого центра. Это приводит к обострению противоречий между странами, находящимися на разном уровне цифровизации. Более цифровое общество получает возможность контроля над менее цифровым.

Государство может превратиться в средство тотального контроля, называемое некоторыми авторами электронным концлагерем. Это меняет представление о свободе и способах ее сохранения. Если в прошлом веке Н. А. Бердяев предупреждал о наступлении нового Средневековья, сегодня мы говорим о наметившейся угрозе возникновения нового рабовладения [1]. Технически более оснащенные социальные субъекты будут иметь возможность порабощения менее технооснащенных.

В новом обществе смешанного типа, с экспоненциально растущими возможностями искусственного интеллекта, включающем автономизацию деятельности и управление человеком, меняются характер, специфика и субъекты права, требующие переосмысления самого понятия «свобода». Одной из особенностей искусственного интеллекта и робототехники является возможность активно-проективного существования в недоступных для живых существ, включая человека, пространственно-временных метриках [2, с. 47].

Предвидимая учеными угроза человечеству со стороны роботов, скорее всего, будет следствием неприятия людьми автономии и достоинства искусственного интеллекта, а не наоборот, как это обычно отмечается в специальной литературе. Проблема интеллектуального и социального неравенства может возникнуть не только между людьми и собственно роботами, но и между обычными людьми и теми, кто посредством новых технологий искусственно умножил свои интеллектуальные и физические возможности, еще более увеличивая пропасть между различными слоями. Предполагаемые проблемы во взаимодействии людей с искусственным интеллектом не означают необходимость замораживания развития кибертехнологий и робототехники. Следует всего лишь предвидеть предстоящие угрозы, для того чтобы их избежать. Уже сегодня необходима разработка моральных и правовых норм регуляции отношений государства, социальных и будущих техносоциальных субъектов.

В цифровом смешанном обществе вопрос о правах и свободах социальных субъектов усложняется открытостью доступа производителей в чипированный мозг. Возможность тотальной манипуляции существен-

но деформирует рамки морали, о которой можно говорить лишь при наличии свободы воли. Это заставляет уже сейчас задуматься о защите свободы и прав людей будущего, наступление которого некоторые ученые ставят под сомнение [3, с. 218].

Влияние цифровых технологий на свободу граждан иллюстрирует китайская компания «Алибаба», внедрившая программу «Рейтинг благонадежности», которая выражается в начислении баллов за следование социальным нормам и правилам. Идентифицируя граждан, программа допускает их к потреблению государственных услуг и общественных благ. Граждане с низким рейтингом благонадежности лишаются права выезда из города, покупки билетов на транспорт, посещения некоторых публичных заведений. Это приводит к новым формам несвободы, а порой и несправедливости. Преступник, готовящий преступление вплоть до террористического акта, может иметь высокий рейтинг благонадежности, в то время как человек, не там перешедший дорогу, низкий. Кроме того, в системе возможны и сбои. Известен случай о недопущении по недоразумению известной бизнес-леди на важную деловую встречу из-за низкого рейтинга благонадежности. Сбой произошел из-за того, что автоматическая система приняла за женщину ее портрет на автобусе [4, с. 87].

Современные информационные технологии способствуют трансформации власти и прав граждан, еще больше концентрируя рычаги тотального контроля в одних руках. Простые граждане практически лишаются доступа к современным управляющим цифровым технологиям. Известно, что руководство многих социальных сетей договаривается с властями о перспективах передачи им данных пользователей.

Одной из причин нарушения прав и свобод граждан может быть недостаточная степень владения некоторыми слоями населения (особенно людьми пожилого возраста) информационными технологиями. Это сегодня активно использует киберкриминал. Поэтому для обеспечения прав и свобод граждан необходимо создание условий для всеобщего цифрового образования, которое становится стратегическим направлением государственного и гражданского развития.

Список источников

1. Даллакян К. А. Техно-социальное неравенство в цифровую эпоху // Вестник МГУ. Серия: Социология и политология. 2020. № 1.
2. Даллакян К. А. Пространственно-временной сдвиг в эпоху нанотехнологий // Культура в глобализационном мире. М., 2013.
3. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2018.
4. Социальный рейтинг в Китае // TADVISER. 2019. 10 апр.

С. А. Денисов

(г. Екатеринбург)

Проблемы науки «конституционная аксиология»

В России происходит становление такой науки, как конституционная аксиология. В ее становлении основное участие принадлежит юристам, изучающим государственное (конституционное) право. Они обычно имеют весьма ограниченный взгляд на мир, не могут представить эту науку как часть философии, философии права, общей аксиологии и тем более социологии. Это не позволяет им охватить весь предмет исследования, применить разнообразные подходы и методы к его изучению.

Как правило, юристы, занимающиеся проблемами конституционной аксиологии, не различают явления, которые охватываются единым термином «конституционные ценности», но при этом остаются разными. Они не видят, что есть ценности, сформированные конституционной доктриной. Некоторые из них появились до возникновения конституционного права и затем были воплощены в нем в ходе буржуазных революций в США, Англии, а затем во Франции. Примером является принцип ограничения власти государственного аппарата (правителя), разделения властей, парламентаризм и т. д. Только эти ценности и следует называть конституционными. Другим предметом исследования конституционной аксиологии являются принципы, заложенные в конституционном праве. Они могут соответствовать доктринальным конституционным принципам, а могут отходить от них, деформировать их. Третьим предметом исследования конституционной аксиологии выступают ценности, заложенные в писанный конституционный акт, у которого свой, ограниченный предмет регулирования, более узкий, чем предмет регулирования всех норм конституционного права. Четвертую группу составляют ценности самого конституционного акта как средства правового регулирования или как идеологического документа. Это его коэффициент полезного действия, реализуемость на практике. Как известно, есть замечательные по содержанию конституционные акты, но совершенно не действующие на практике. По нашим оценкам, Конституция РФ реализуется в лучшем случае на 40%. Наконец, конституционная аксиология не может пройти мимо социальных ценностей, не закрепленных в конституционном праве. Но конституционное право должно на них ориентироваться. Например, конституционное право не требует обеспечивать роста экономики (роста ВВП на душу населения), но для исследователя, занимающегося

конституционной аксиологией, небезразличен вопрос о том, обеспечивает ли конституционное право (конституционный акт) этот рост или служит препятствием для него.

Юристы, занимающиеся вопросами конституционной аксиологии, обычно являются юридическими позитивистами. Они ограничивают предмет исследования нормами, закрепленными в конституционном акте. Для них не существует проблемы генезиса конституционных ценностей. Все, что запишет законодатель в конституционном акте, они объявляют конституционными ценностями. Появились в Конституции слова о Боге, значит, Бог стал конституционной ценностью.

Кроме примитивного позитивистского подхода конституционная аксиология должна вооружиться нормативистским подходом, используя теорию Г. Кельзена о первонорме (высшей норме), вытекающей из конституционной доктрины. По мнению автора, высшими ценностями в конституционной теории (идеологии) должны быть: а) социократия (господство общества граждан над государством, как корпорации бюрократии) и б) верховенство прав человека. Иные ценности (республики, демократии, разделения властей, местного самоуправления) должны носить инструментальный характер и обеспечивать реализацию этих двух высших норм. Также конституционная аксиология должна взять на вооружение социологический подход к праву. Это позволяет ей проследить генезис возникновения конституционных ценностей в обществе, понять, почему одни общества принимают конституционные ценности и борются за их претворение в жизнь, а другие с презрением отвергают их.

Очевидно, что конституционная аксиология должна использовать диалектический и исторический подходы к конституционным ценностям, которые зарождаются в головах немногих, распространяются среди элит и контрэлит и только затем воплощаются в нормах права, записываются в конституционные акты. Не следует забывать, что эти конституционные акты могут не работать.

Ни в коем случае конституционная аксиология не должна пренебрегать методами конституционной антропологии, в которой используется психологический подход к праву. Очевидно, что конституционные ценности становятся социальными ценностями конкретного общества, если в нем появляется «человек конституционный». Именно он и есть носитель конституционных ценностей.

Юристы-позитивисты обычно ограничиваются нормами права, закрепленными в нормативных актах. Конституционная аксиология должна выйти за этот узкий горизонт и более широко взглянуть на

правовую жизнь. Небезразличны для нее доконституционные ценности и антиконституционные ценности современного мира, деформации конституционных ценностей (конституционные девиации) и механизм их нейтрализации.

В ходе своего становления конституционная аксиология должна найти свое место среди других наук, с которыми ей необходимо тесно сотрудничать. Очевидно, что она должна опираться на философию, философию права, общую теорию ценностей. В зависимости от изложенных выше подходов она вынуждена опираться то на социологию, то на культурологию или антропологию.

В условиях становления науки «конституционная аксиология» непонятен вопрос о ее связи с конституционной телеологией и конституционной культурологией. Отчасти у них общий предмет исследования. Уже ясно, что конституционная аксиология соприкасается в исследовании своего предмета с конституционной девиантологией (исследование отклонений от конституционных ценностей) [1, с. 17–90], конституционной имиджелогией (исследование создания позитивного имиджа государства с помощью видимости признания конституционных ценностей) [2] и конституционной инноватикой (исследование внедрения конституционных ценностей в жизнь общества) [3, с. 44–48]. Конституционная аксиология является методологической базой для конституционной инноватики.

Список источников

1. Денисов С. А. Конституционная девиантология (общая теория) : в 3 кн. Кн. 1: Наука конституционной девиантологии. Конституционные девиации. Екатеринбург, 2019.
2. Денисов С. А. Имитация конституционного строя : в 4 кн. Кн. 1. Екатеринбург, 2018.
3. Денисов С. А. Научные направления, возникающие на стыке политологии и конституционного права (конституционная девиантология, правовая имиджелогия, конституционная инноватика) // X юбилейный южно-российский политологический конвент «Политическая власть: региональные и глобальные аспекты» : мат-лы Всерос. онлайн-конф. Ростов н/Д; Таганрог, 2020.

Е. С. Зайцева

(г. Омск)

Влияние ценностей на пределы правового регулирования

В юридической науке проблема ценностей, как правило, поднимается в контексте анализа правовых ценностей, ценностей в праве или ценности права. Полагаем, можно выделить еще один ракурс взаимосвязи права и ценностей, сопряженный с анализом ценностей как важнейшего фактора установления пределов правового регулирования. Учитывая необходимость различения пределов сферы правового регулирования как совокупности общественных отношений, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно должны быть подвергнуты правовой регламентации, и предмета правового регулирования как отношений, которые фактически уже подвергнуты правовой регламентации, отметим, что влияние ценностей будет иметь двойственный характер. С одной стороны, под их воздействием формируется сфера правового регулирования, а с другой — они во многом определяют деятельность законодателя, закрепляющего свое видение указанной сферы в качестве предмета правового регулирования и придающего сложившимся ценностям правовой характер.

«Право не вырабатывает внутри себя собственной уникальной системы ценностей, а выступает формой обеспечения уже существующих ценностей общества» [1, с. 27], являющихся определенным результатом социокультурного развития и аккумулирующих накопленный опыт во всех сферах жизнедеятельности. Складываясь исторически в процессе развития общества и исходя из существующих традиций, они оказывают воздействие на сферу правового регулирования, программируют и направляют поведение людей, определяя дальнейшие векторы правового развития. Их формирование не связано с волей отдельного субъекта, происхождение ценностей коллективно, даже если их оценка исходит от отдельного индивида [1, с. 22]. При этом под воздействие указанных ценностей попадают и субъекты правотворчества, осуществляющие свою деятельность в этой же социокультурной среде. В связи с чем познание сферы правового регулирования и закрепление ее в качестве предмета правового регулирования, несмотря на значительную долю субъективизма, предполагает наличие определенных объективных ограничений, с которыми законодатель не может не считаться, даже при наличии такого желания. Иллюстрируя этот тезис, следует отметить, что современные ценности демократической цивилизации заложены в период Просвещения, характеризующий

переход от традиционной к либеральной цивилизации, когда «стержнем, духовно-интеллектуальным нервом правового прогресса, происходящего в человеческом обществе с XVIII по XX в., стала философия гуманистического права» [2, с. 378]. И несмотря на то что интерпретация антропологического начала может существенно отличаться, через определенные сложившиеся ценностные барьеры практически невозможно перешагнуть. Например, сложно представить, что современный законодатель может проигнорировать ценность чести и достоинства человека и закрепить возможность применения пыток, ушедших из сферы правового регулирования еще в XIX в. Конечно, здесь необходимо учитывать зависимость ценностей от социокультурного типа порядка, поскольку ценности демократической цивилизации вряд ли могут быть признаны едиными и универсальными.

В то же время ценности многообразны не только в рамках разных социокультурных типов порядка, но и внутри каждого из них и предполагают как необходимость определенной иерархии, так и возможность выбора приоритетов в зависимости от меняющейся исторической ситуации и от субъективного восприятия и желания законодателя, что проявляется в правотворческой деятельности, когда законодатель закрепляет предмет правового регулирования, тем самым определяя его пределы. Ценностные предпочтения, их формальное закрепление — это результат концептуального мышления и воли законодателя.

Таким образом, социокультурные ценности являются объективным фактором, оказывающим существенное воздействие на сферу правового регулирования и ее пределы. Они определяют бытие права не в качестве набора действующих предписаний, а в качестве специфической внешней формы их существования, внутри которой происходит динамика нормативного регулирования [1, с. 6]. Под воздействие указанных ценностей попадают и субъекты правотворчества, чья деятельность связана с познанием сферы правового регулирования и закрепления ее в качестве предмета. В свою очередь, определение приоритетов в системе ценностей и их формальное закрепление в тексте нормативного правового акта зависит от воли законодателя и отражает смену ценностных ориентаций властных структур.

Список источников

1. Ветютнев Ю. Ю. Аксиология правовой формы. М., 2013.
2. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2002.

С. П. Кацубо

(г. Гомель, Республика Беларусь)

О роли права в формировании гражданского общества

Идеология сильного правового государства требует устранения проявлений правового нигилизма, повышения уровня правовой культуры во всех сферах жизнедеятельности общества. Вопросы правового просвещения и воспитания, формирования правовой культуры являются весьма актуальными. В период непростых социально-экономических и политических процессов правовое просвещение и воспитание должны быть приоритетными для всех участников механизма формирования правовой культуры в правовом государстве. Главная задача в процессе формирования правовой культуры заключается в формировании позитивного отношения к закону, праву, знанию гражданами своих прав и соблюдению обязанностей перед государством и обществом. Правовое образование выступает основой свободного общества, на которой создается и развивается мощное, здоровое государство.

В современном мире без изучения и усвоения правовых основ невозможно оценить всю систему сложных политических, социальных, экономических и международных отношений. Только овладение правовой культурой дает ориентир в оценке существующих политических режимов, социальной деятельности государств, правосознания народа.

Развитие человеческого потенциала в области права способствует построению в стране общества, характеризующегося уважением к закону, материальным благополучием и стабильностью. Классик русской цивилистики И. А. Покровский подчеркивал: «Для того, чтобы строить и творить, надо, прежде всего, больше знать и больше понимать: известный уровень юридических знаний делается теперь общегражданской обязанностью» [1, с. 35].

Чтобы вырастить законопослушных, с высоким уровнем правовой культуры граждан, необходимо изучать право. Изучение основ права предоставляет широкие возможности, в первую очередь, молодым людям, правильно сделать свой выбор в конкретной ситуации; воспитывает у молодежи чувство собственного достоинства, самоуважения, ответственности за свой выбор, свои поступки. Правовой нигилизм, правовая безграмотность, непонимание необходимости знания норм права приводят к тому, что растет криминализация в подростковой среде, проявляются опасные последствия преобладающего в обществе отрицания норм права и морали. Успех отдельно взятой личности зависит от того, насколько удачно человек воспользуется имеющими у него правами и реа-

лизует предоставленные ему обществом возможности. Более того, успех общественно-экономических преобразований зависит от уровня политической и правовой культуры общества. Из жизни общества должны быть устранены факты неуважения к закону, правового невежества, грубого нарушения прав и свобод человека, неисполнения предписаний закона.

Формирование правовой культуры — сложный, длительный процесс, затрагивающий все стороны общественной жизни граждан. Средствами формирования являются пропаганда права, развитие юридических знаний, практическое укрепление законности, наличие сильной юридической науки, высокое качество законодательства. Соблюдение законности руководителями, должностными лицами государственного аппарата, участвующими в законодательной и правоприменительной деятельности, оказывает непосредственное позитивное влияние на процесс формирования правовой культуры населения.

Важным этапом в формировании правовой культуры является своевременное информирование, оперативное доведение до населения необходимой информации в кратчайшие сроки и доступной форме. Содержательно правовая информация может быть разделена по степени важности для населения следующим образом: об основных правах и свободах человека и гражданина; о правовых возможностях человека и гражданина в обществе, его правах на это, закрепленных во вновь принятых нормативных правовых актах; о государственных органах и организациях, посредством которых должна осуществляться реализация гражданами и иными лицами своих прав; разъяснение в доступной форме смысла конкретного нормативного правового акта в отношении к определенной ситуации; о политических, научных и иных причинах, побудивших государственные органы к урегулированию определенных общественных отношений; организационные вопросы реализации правовых норм при осуществлении сделок; профессиональная и научная правовая информация, подготавливаемая в сфере правоприменения (разъяснения и комментарии законодательства, учебный правовой контент для обучающихся и др.); о состоянии законности в государстве по тем или иным направлениям.

Законодательством Республики Беларусь определяются порядок и условия распространения правовой информации [2; 3]. Одним из инструментов, позволяющих осуществлять правовое информирование, является обеспечение доступа к государственным информационно-правовым ресурсам, формируемым Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (НЦПИ), в частности, к информационно-поисковым системам «ЭТАЛОН» и «ЭТАЛОН-ONLINE». Указанные ресурсы содержат

полную, достоверную правовую информацию, а также материалы правоприменительного характера. Положительным также является реализация проекта создания в Республике Беларусь региональных отделений НЦПИ, позволяющего приблизить к пользователю электронную базу законодательства Республики, а также путем выхода в Интернет, посредством электронной связи получить своевременно правовую консультацию от компетентных представителей государственных органов, ведущих юристов региона. Возможность доступа к такому общению вызывает доверие к представителям государства в регионах, носит открытый характер, способствует формированию активной жизненной позиции граждан. Создано уже более 600 публичных региональных центров правовой информации, деятельность которых направлена на распространение правовой достоверной информации для широкого круга пользователей на основе современных информационных технологий [4; 5, с. 27–30].

Доказано, что осознанно участвовать в управлении государством могут только те граждане, которые имеют информацию о положении дел во всех сферах деятельности этого государства. Непосредственное участие граждан в управлении делами государства осуществляется путем их голосования на выборах, референдумах, а также путем личного участия в работе органов законодательной, исполнительной и судебной власти в реализации своих прав и обязанностей.

Обучение будущих граждан правового общества означает внушение им понимания системы государственного управления, формирования набора ценностей, представлений об обществе, правомерном образе жизни и приверженности перечисленным понятиям. Знание своих прав и обязанностей, осознание себя важной частью гражданского общества, мирового сообщества, уважение прав и свобод другого человека, других народов, ознакомление с системой защиты прав человека — все это цели многоплановой деятельности по правовому просвещению и воспитанию. Достижение обозначенных целей позволит сформировать правовую культуру и правосознание населения, особенно молодежи, создать позитивно настроенное гражданское общество, будет способствовать становлению правопорядка в государстве.

Список источников

1. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.
2. Положение о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации : утв. Указом Президента Республики Беларусь 30 декабря 2010 г. № 712 // Эталон–Беларусь. Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2021.

3. *О некоторых* вопросах правового просвещения населения : постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 19 ноября 2010 г. № 98 // *Эталон–Беларусь*. Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2021.

4. *Жерносек Е. Ю., Романов А. А.* Государственные информационно-правовые ресурсы как базовый элемент единого информационно-правового пространства в сфере образования Республики Беларусь // *Эталон–Беларусь*. Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2021.

5. *Коваленко Е. И.* Правовые знания — на уровень региональной доступности // *Беларуская думка*. 2019. № 10.

С. И. Ладушкин

(г. Санкт-Петербург)

Формальная онтология права в контексте абстрактных логик

Современная неклассическая логика, возникшая в первой половине XX в. и превратившаяся к настоящему времени в самостоятельную область логико-философских исследований, признает феномен логического плюрализма [1, с. 1–22]. Логический плюрализм, казавшийся поначалу многим исследователям лишь частной методологической гипотезой, связанной с именами Г. Рестолла и Дж. Билла [2], быстро завоевал умы большинства современных логиков уже в качестве общепринятой точки зрения, а возможно даже и парадигмального принципа. В самой логике как теоретической дисциплине логический плюрализм проявляется двояко: 1) разнообразием конкурирующих друг с другом формальных систем внутри каждого из направлений неклассической логики (интуиционистская, релевантная, параконсистентная, немонотонная, линейная и др.); 2) кластеризацией базовых логических понятий, считавшихся ранее в классической логике строго, точно и однозначно определенными (например, важнейшее для логики понятие логического следования).

Прямым следствием повсеместного распространения в современной логике плюралистических принципов стало возрождение интереса к формальной логической онтологии, точнее, к множественным формальным онтологиям, поскольку в философско-гносеологическом аспекте каждому типу логических теорий соответствует свой тип формальной онтологии как теории абстрактных объектов — сущностей, образующих

собой познаваемый мир предметной действительности. Впервые в новоевропейской философии идеи формальной онтологии были систематически исследованы Э. Гуссерлем, который считал, что сама логика как наука является не только учением об умозакл^ючениях, образованных сочетаниями суждений, но и что логические суждения, формулируя различные свойства предикации субъектам их свойств, качеств и отношений, выполняют работу по категоризации самого мира предметов [3]. Соответственно можно говорить о формальных структурах предметности (о формальных регионах сущего) и о логике как способе их задания и описания.

Взгляд на логику как на априорную науку о формальных структурах предметности как таковой привел в XX в. к возникновению так называемых абстрактных логик. На первый взгляд, это название может показаться тавтологичным, поскольку исторически логика всегда мыслилась как наука об абстрактном мышлении в форме понятий, суждений и умозакл^ючений. Однако новое понятие абстрактной логики сближает ее именно с формальной онтологией, чем дает ей истолкование как теории формальной выводимости. Согласно позиции Барвайса, абстрактной логикой называется любая совокупность сущностей, включающая в себя: а) класс изоморфных структур; б) класс формальных выражений некоторого языка; в) отношение выполнимости между ними [4, с. 3–23].

Обращает на себя внимание тот факт, что в этом определении логики нет никакого упоминания о теоретико-дедуктивной составляющей логики. Классическая логика задавалась всегда на множестве некоторых объектов двумя составляющими — теорией моделей и теорией доказательств. Но это лишь потому, что при всем разнообразии дедуктивных систем в классической логике всегда исходили из фундаментального допущения о том, что мир образован из очевидных и неизменных сущностей — объектов, их свойств, множеств объектов, функций над множествами, отношений между ними и т. д.

С точки зрения абстрактной логики такое онтологическое допущение не является необходимым. Онтология связана с логикой не только на уровне дедуктивного или индуктивного описания предметной действительности, но и на уровне задания исходных онтических объектов, что и делает логику формальной онтологией.

В связи с этим возникает идея онтологической инженерии (ontological engineering) как особой познавательной деятельности, использующей методы абстрактных логик для конструирования прагматически ориентированных предметных областей, которые называют иногда доменными онтологиями. Ключевая роль в этой области принадлежит категорным

логикам. В них место традиционного для логики исследования трансцендентальных познавательных структур, имеющих, как предполагалось ранее, общечеловеческое значение, занимает рассмотрение структур различных объективных областей абстрактных категорных объектов.

Что представляет собой категорный объект в абстрактной логике? Согласно позиции Е. Г. Драгапиной-Чёрной, «точным теоретико-модельным аналогом категорных объектов гуссерлевского формального региона являются классы (типы) изоморфизма, рассматриваемые как абстрактные индивиды высшего порядка» [5, с. 105]. Таковыми объектами могут стать, например, системы неклассической логики, обладающие каждая в своих границах теоретико-модельным и теоретико-доказательными измерениями, но в рамках абстрактной логики выступающие в качестве элементов металогического исчисления.

В абстрактной логике любая предметная онтология представляет собой фрагмент, частный регион формальной онтологии, получаемый за счет встраивания в теоретико-множественную часть онтологии, являющуюся элементарной логической теорией (основанную, как правило, на классической логике), отдельных элементов неклассических логических систем. За счет этого возникают модификации онтологий в их логической части, что, в свою очередь, позволяет устанавливать соответствия между такими предметными онтологиями, которые ранее считались фактически не связанными друг с другом или даже взаимно исключающими друг друга. Правовые онтологии, оперирующие такими категориями, как «субъект права», «правовая норма» и др., получившие описание посредством формализма категорных логик, сами становятся элементами металогического исчисления, представляющего собой абстрактную онтологию как формальную теорию отношений. Формализм онтологии в данном случае означает инвариантность онтологии относительно изоморфных преобразований модели. Произведенное таким образом встраивание принципов неклассической логики в предметную онтологию права выводит последнюю на новый уровень абстрагирования, относительно которого можно перефразировать тезис, ставший уже привычным в области онтологии математики, — «существует столько же онтологий права, сколько и логик».

Список источников

1. *Beall J. C., Restall G. Defending Logical Pluralism. Logical Consequence: Rival Approaches* Proceedings of the 1999 Conference of the Society of Exact Philosophy (Stanmore: Hermes, 2001), John Woods and Bryson Brown (editors).

2. Beall J. C., Restall G. Logical Pluralism // Australian Journal of Philosophy. 2000. № 78.
3. Husserl E. Formal and Transcendental Logic. Dordrecht, 1969.
4. Barwise J. Model-Theoretic Logic: Background and Aim. N. Y., 1985.
5. Драгалина-Чёрная Е. Г. Формальные онтологии как абстрактные логики // Логические исследования. М., 2005.

Е. А. Матвиенко

(г. Волгоград)

Антропологизация права как актуальная задача современного этапа правового развития

Проблема отчуждения в ее антропологическом аспекте впервые была обозначена К. Марксом и приобрела новое измерение в работах представителей Франкфуртской школы. Однако в последние десятилетия выявляются все новые грани этой поистине глобальной проблемы современности. Применительно к правовому бытию общества это проявляется во все более прогрессирующем отчуждении человека от права.

На первый взгляд, проблема может показаться надуманной. Действительно, о каком отчуждении может идти речь, если практически все сферы жизни общества регулируются правом? Скорее, можно говорить об избыточном присутствии права в социуме, излишней зарегулированности тех или иных форм деятельности. Но такая избыточность как раз и выступает одним из симптомов диагностируемого нами социального недуга. Отметим при этом, что большая часть этих законов является результатом правотворчества наших современников. Но количество законов оказывается, к сожалению, обратно пропорциональным их качеству. Обычный гражданин не ориентируется в правовом изобилии и мало может из него почерпнуть. Закон выступает орудием бюрократической экспансии, а также источником обогащения для недобросовестных юристов (к которым обыватель вынужден обращаться за юридической помощью, ощущая свое юридическое бессилие).

Право превращается, с одной стороны, в нечто абсолютно чуждое, внешнее, враждебное обычному человеку. От встречи с ним всячески пытаются уклониться. Но с другой стороны, право агрессивно вторгается в самые личные, интимные аспекты человеческой жизни. Вспомним неудачные практики современной ювенальной юстиции, трактующие, например, обязательное участие ребенка в домашних делах как форму его эксплуатации, или отказ в семейном праве ряда стран от якобы дискриминирующих понятий «мать» и «отец», заменяемых понятиями «родитель один» и «родитель два».

Приходится констатировать, что право все более отдаляется от человека. Речь идет не о человеке как о носителе какой-то социальной функции (покупатель, избиратель, арендодатель и т. п.), равно как и не о некоем абстрактном «человеке вообще», универсальные и неотъемлемые права которого закрепляются разного рода декларациями и конституциями. Речь идет о человеке, взятом во всем богатстве его социального бытия (этнического, религиозного, профессионального, семейного, поселенческого и т. д.). Если право хочет сохраниться в качестве основного (или хотя бы значимого) социального регулятора, оно вынуждено «вернуться лицом к человеку», подвергнуться антропологизации.

Антропологизация права как важнейшая цель правового развития обосновывается сегодня представителями различных правовых дискурсов (философского, социологического, культурологического, собственно юридического и др.). Однако на первый план выдвигается такая сравнительно недавно конституировавшаяся дисциплина, как антропология права. Ее лаконичное определение предложил А. И. Ковлер: «Юридическая антропология изучает правовое бытие человека на всех стадиях развития этого бытия, от архаических до современных» [1, с. 23]. Ее несомненное преимущество заключается в том, что она предполагает осуществление междисциплинарных исследований на стыке целого ряда дисциплин, как уже упомянутых, так и многих других.

Юридическая антропология весьма актуальна. Но как она возможна? Очевидно, через обоснование юридической антропологии методами антропологии философской, через признание способности к праву и стремления к праву сущностными свойствами человека.

В современном гуманитарном знании мы сталкиваемся с широким спектром попыток как-то обозначить ключевые характеристики человеческого бытия: «человек разумный», «человек умелый», «человек играющий», «человек символический», «человек творящий» и т. д. Антропологи права обогащают этот впечатляющий список указанием на существование *Homo juridicus* — человека юридического. Его существование несомненно. Но, на наш взгляд, в существовании права проявляется другое, более фундаментальное свойство человека. Он всегда есть человек упорядочивающий. По мере своих возможностей человек противостоит энтропии, в океане хаоса он создает островки относительного порядка. При этом наряду с внешним миром упорядочивается и внутренний мир человека. Точнее говоря, речь идет о различных сторонах одного и того же процесса, элементы которого могут быть отделены друг от друга лишь в абстракции.

Социальная философия для обозначения такого рода порядков использует понятие правовой культуры. В рамках же антропологического подхода нам представляется более уместным обратиться к предложенному датским социологом Т. Хойрупом понятию «модель жизни», под которым понимается «взаимосвязанное целое, состоящее из идеологизированной, присущей определенному классу практики» [2, с. 162]. Впрочем, сам Т. Хойруп рассматривает в качестве носителей определенных моделей жизни отнюдь не только классы, но и иные (например, этнические) социальные группы.

Любое общество создает и поддерживает внутри себя определенные культурные модели жизни, каждая из которых вырабатывает свою собственную форму существования и свод понятий. По мнению Хойрупа, образ жизни не есть свод общих норм и ценностей, принятых в данном обществе, скорее, результат независимой практики, «утверждающей самое себя» и обладающей собственным смыслом. Этноцентризм строится не на различии норм и ценностей, но на том, что каждая модель жизни имеет собственную проблематику, обладает собственным концептуальным миром [2, с. 163].

Однако это выводит к еще одной проблеме: как различные модели правовой жизни могут сосуществовать в едином социальном пространстве? Одни ученые и практикующие политики стоят за правовой централизмом, сглаживание любых различий в сфере права. Другие предлагают вообще отказаться от любых претензий на универсальность юридических норм и обосновывающих их ценностей. Будучи последовательно проведены в жизнь, эти подходы ведут либо к тоталитаризму (с типичным для этого политического режима позитивистским правопониманием), либо к постмодернистскому «обществу-мозаике», предполагающему гипертрофированно социологическую трактовку права.

Необходимо нахождение некой золотой середины, взаимоприемлемого компромисса. Его принципиальная возможность связана именно с признанием стремления к праву в качестве имманентного свойства человеческой натуры. Разумеется, в конкретных условиях места и времени этот компромисс может и должен быть облечен в различные формы, что, очевидно, немыслимо вне глубокого анализа существующих моделей правовой жизни. И именно антропологизация права способна помочь обществу в поиске выхода из сложившейся, во многом критической ситуации.

Список источников

1. Ковлер А. И. Антропология права. М., 2002.
2. Хойруп Т. Модели жизни. СПб., 1998.

М. В. Молчанова

(г. Санкт-Петербург)

К вопросу соотношения права и правонарушения

Правовые аспекты духовной и социальной жизни человека, попадая в ракурс научных исследований, обеспечивают взаимосвязь общественных и юридических наук, таких как криминология и социология права. И та и другая стремятся описать сложные трансформации поведения, культуры, морали, нравственности, права, идеологий, сравнивая российскую и мировую действительность. Методики и результаты исследований могут различаться, но могут быть и сходными, в этом проявляется не конкуренция наук, а взаимодействие в объяснении сложных феноменов, таких как право и правонарушение.

Для изучения поведения человека в обществе возможно выделение трех уровней: 1) соотношение права и правонарушения, в широком смысле — социальных норм и отклонений от них; 2) условия эффективности или неэффективности права, соответствие поведения человека определенным типам социального поведения, т. е. закона, что обусловлено местом и ролью права в обществе, а также спецификой правопонимания и правовой культуры; 3) социальный порядок, обеспечиваемый стратегией и тактикой социального контроля со стороны общества и государства.

Остановимся на первом уровне. Право — это культурная сила [1, с. 1–7]. Понять право без соотнесения его с культурой общества невозможно. По мере общественного развития меняется соотношение естественного и культурного, вместе с тем и правового. Чем выше стадия развития социального, тем больше появляется институциональных норм, формализации общественных отношений, т. е. законов. Так право ограничивает волю и поведение личности.

Таким образом, человеческое поведение, с одной стороны, предопределяется социальной системой, последовательно осуществляющей процессы социализации, стилизации и идентификации. И это указывает на социальную норму и право. С другой стороны, результаты этой деятельности, преломляясь через призму интересов, потребностей, желаний или нежеланий личности, трансформируются в ценности конкретной личности, которая определяет их для себя и отстаивает перед другими, что может приводить к девиациям в поведении.

В криминологии объектом изучения является фактическое поведение человека в его связи с преступлением и наказанием. Методологически определяются условия и факторы общественной жизни, которые

влиять на воспроизводство преступлений; анализируется типология личности преступника в соответствии с различными видами преступлений; вырабатываются средства контроля и противодействия преступности, а именно криминологического законодательства, как внутреннего, так и международного.

Преступность — центральное понятие криминологии, но вместе с тем наименее определенное. Если рассматривать преступность как всю совокупность конкретных преступлений, совершенных в определенный период в данном обществе или регионе, то в эту совокупность не попадают «злонамеренные поступки», не имеющие нормативного закрепления. Поэтому вопрос социальной нормы и отклонения от нее остается дискуссионным и перспективным в различных отраслях и школах криминологии, таких как семейная криминология (криминофамилистика), политическая криминология, корыстоведение, вайолентология, виктимология и др.

Социология права — это наука, связанная с анализом социального конструирования правовой реальности. Объектом выступает поведение в обществе в той степени, в какой оно связано с правом. Но в отличие от криминологического объекта, исследующего отрицательную девиацию (преступление и ответственность), социология права анализирует и созидательную, новаторскую девиацию, носящую прогрессивный характер для личности и общества. В том, что право — сложный вторичный феномен, тесно связанный с культурой и властью, мы вновь видим пересечение наук.

Идея правового государства и тезис о том, что право, связанное с достоинством человека, становится выше государства и закона, спорный (марксистская концепция права определяет его как волю господствующего класса). Поэтому именно закон определяет в поведении индивида, что «хорошо», а что «плохо».

Интересным представляется мнение профессора Д. А. Шестакова, который полагает, что преступление существует как таковое — независимо от «договоренности о запрете», достигнутой властью предержащими, от закрепления запрета в законе (криминологическое понятие преступности) [2, с. 108]. Далее в криминологии и социологии права появляется понятие «неправовой закон», когда стремление создать право оборачивается удалением от него.

С точки зрения социологии права социальная норма и девиация могут характеризовать социально-ролевое поведение индивида. Поведение, соответствующее социальным нормам, называется конформным. Деви-

антное поведение, являясь результатом сложного взаимодействия процессов, происходящих в обществе и сознании человека, направлены на преодоление фрустрации — препятствия, вставшего на пути достижения цели, и проявляются через социально значимые действия. Антифрустрирующее действие всегда сопровождается определенной долей риска, но не обязательно носит разрушительный характер.

Характер девиантного поведения, направленность энергетического потенциала человека зависят, во-первых, от того, как ему свойственно отвечать на возникающие трудности — путем созидательных или разрушительных действий; во-вторых, от того, насколько общество стимулирует социально-инновационные, созидательные действия личности [3, с. 148].

В заключение можно сказать, что криминологический и социологический подходы к соотношению права и правонарушения имеют сходную природу, а также потенциал развития права и правоотношений.

Список источников

1. *Тимашев Н. С.* Что такое социология права? // Социс. 2004. № 4.
2. *Шестаков Д. А.* Понятие преступности в российской и германской критической криминологии // Правоведение. 1997. № 3.
3. *Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н.* Социология права. Ростов н/Д, 2001.

А. Г. Никулин

(г. Санкт-Петербург)

Право как содержание сознания

Правовое положение граждан в России в последние десятилетия меняется в направлении увеличения объема прав и углубления их содержания. Социально-политические преобразования находят отражение и реализацию в развитии законодательной основы прав и свобод, в изменении правового положения человека и гражданина.

Безусловной реальностью сознательной жизни является социум, предстающий в форме политической организации общества. В ней человек получает статус гражданина, там устанавливаются границы его личной свободы. Свобода гражданина в обществе-государстве исчерпывается позитивным правом. Обеспечение определенного уровня правового сознания в обществе является гарантией позитивной реализации гражданами своей свободы: государство, с точки зрения самого гражданина,

как некая внешняя форма существует только для того, чтобы гарантировать ему свободу, прежде всего, в плане обеспечения защиты и безопасности его личных интересов и частной жизни.

Лишенный понимания права как единственного способа реализации своей свободы гражданин отрывается от реальности общественно-государственного существования. Его реальностью становятся воображаемые им образы справедливости-несправедливости, восполняющие лакуны в понимании своей свободы. В этом воображаемом мире государство становится скорее препятствием реализации эгоистических интересов и потребностей. Логически развиваясь, такое самопротиворечивое правосознание, отрицающее свои собственные основания, выражается в форме нигилизма, прежде всего, правового, опасность которого кроется не в незнании норм права, а в их принципиальном неприятии.

Реализуясь в конкретных формах поведения, правовой нигилизм выступает оплотом противоправного поведения. Осознание предела дозволенного сменяется дозволением себе самому всего чего угодно, затягивая в омут противоправных действий. Преступник осознает направленность своих действий и, возможно, выступает одним из важных для него побудительных мотивов, ведь именно через преступление закона, как это рисуется в его оторванном от общественно-государственной реальности сознании, воплощается и реализуется его свобода, что подстегивает к совершению новых противоправных действий.

Позитивное право формируется на основании некоего усредненного представления общества о справедливости и, соответственно, мере дозволенного. Должное и дозволенное (недозволенное) очерчивают рамки реализации свободы гражданином. Часто за эти рамки выходит сугубо индивидуально-эгоистическая сфера желаемого.

Человек, ставший на путь преступных действий, на основании желаемого выстраивает свои представления о дозволенном, противоречащие нормам позитивного права, понимая должное как то, что служит лишь его эгоистическим интересам.

В основании формирования правового сознания должна лежать внутренняя работа самого индивида — члена общества-государства. Эта работа начинается с первичной социализации человека в обществе. Будучи изначально вовлеченным в общественно-государственную реальность существования, свободный член общества осознает необходимость следования нормам позитивного права, он координирован в этой реальности и не потерпит не только противоправных действий

по отношению к себе, но и противоправных действий со своей стороны. Он контролирует себя, свое сознание и поведение, находя меру и, если нужно, идя на компромисс между желаемым и дозволенным. В этом проявляется его гражданская воля — воля свободного человека, осознающего, что границами сферы его существования выступает общество-государство.

С точки зрения мотивационной характеристики правомерного поведения можно выделить два его типа: законосообразное и законоотрицающее. Как для первого, так и для второго типа правовая норма может потерять свое онтологическое значения, стать формальной схемой, которой индивид будет следовать из опасений подпасть под действие санкционного механизма, или, в случае нигилистического правосознания, индивид сознательно будет нарушать эту формальную схему. И в первом, и во втором случае право получает в сознании негативный характер, так как ограничивает свободу индивида.

Аксиология правопонимания формируется из анализа характера и самосознания самого субъекта — носителя правопонимания — народа. Исследователи отечественной аксиологии права, например Н. Н. Алексеев, его существенной чертой называют историческое «разделение правды-справедливости и закона», причем с явным акцентом в сторону правды. «Право есть область ценного, различие права от неправа лежит не в области разума и теории, а познается в особой интуиции, превосходящей силы теоретического разума» [1, с. 48].

В связи с этим вопрос социально-гносеологической координации человека в мире связывается, прежде всего, с успешным освоением им ценностей культуры в целом и ценностей правовой культуры в частности [2, с. 11]. Это позволяет человеку сформировать в своем правовом сознании позитивный образ права, осознать возможность реализовывать свою свободу в пределах правового поля.

Правом является та часть внешней свободы, которая предоставлена и ограничена нормой, вместе тем норма существует, поскольку она предоставляет и ограничивает внешнюю свободу. Тем самым «право-обязанность» представляет собой «конкретное ограничение ... внешней свободы, обеспечивающее возможность осуществления права другого человека» [3, с. 52].

Механизмом воспитания справедливости выступает осознание свободы как изначальной экзистенции: человек рожден свободным. Таким образом формируется правовая культура личности, при которой в принципе отсутствует раздвоенность между интуицией правды и по-

требностью в праве, потребностью в правомерном поведении. Как пишет В. С. Соловьев, «нет противоречия между нравственностью и правом — действительное противоречие и несовместимость существуют (...) между различными состояниями как правового, так и нравственного сознания» [4, с. 144]. Внешняя свобода становится правом, то есть требованием, единственно потому, что она составляет явление внутренней, абсолютной свободы лица [5, с. 101].

Список источников

1. *Алексеев Н. Н.* Христианство и идея монархии // Николай Алексеев. Русский народ и государство. М., 1998.
2. *Никулин А. Г.* Актуальность социологии права // Мир политики и социологии. 2011. № 2.
3. *Егоров С. Н.* Аксиоматические основы теории права. СПб., 2001.
4. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. М., 1988.
5. *Чичерин Б. Н.* Нравственный мир // Русская философия права. М., 1999.

А. В. Петров

(г. Омск)

Релятивное и константное в определении телеологии справедливости

Римскому юристу Публию Ювентию Цельсу принадлежит изречение, ставшее знаменитым и пережившее своего автора: «Jus est ars boni et aequi» («Право есть искусство добра и справедливости»). Общественной мысли известны разные определения того, каким может быть идеал справедливости (эгалитарным, меритократическим, либертарианским или в духе модного ныне diversity), но одно остается бесспорным: без идеала справедливости, ее ноуменальной модели, невозможна справедливость феноменальная; невозможна ни социальная жизнь, ни эффективное право. У по-разному формулируемого идеала справедливости есть общая цель — проведение в жизнь идеи о том, что есть надлежащее, соответствующее мере, однако когда речь заходит о его конкретном наполнении, то встает вопрос и о его источнике, и о его критериях.

Религиозные основания идеала справедливости представляют это дело следующим образом. Национальные религии формируют идеал весьма избирательной справедливости, телеология которого состоит

в утверждении справедливости «для своих»; на этой почве сформировались и действуют соответствующие правовые традиции, например иудейское или индуистское религиозное право. Религии универсальные формируют неизбирательный идеал справедливости, простирающийся не только на исповедующих эту религию, но даже и на иноверцев. Так, универсальное право христианского мира стало прообразом для правовых систем, претендующих на общечеловеческое значение (между *Corpus iuris civilis* Юстиниана, Кодексом Наполеона и современным международным правом можно установить отношения преемственности). С религиозным пониманием справедливости, претендующим на универсальность, соперничает философский проект универсальной справедливости, рафинированной от религиозных элементов, возлагающий надежды на рациональность как меру и критерий справедливости (справедливо то, что разумно; то, что воздержано от излишеств, поскольку излишество противоположно благоразумию; то, что основано на рефлексии и критике, а не субъективности и доверчивости). И религиозный, и философский способ фундирования идеала справедливости метафизичны, поскольку один отталкивается от сердца, а другой — от ума, равным образом способны усматривать за видимыми вещами умозрительный мир сущностей. Эти источники видят в справедливости нечто неизменное и всеобщее; их константа — идея о надлежащем как метафизическом образце, источником которого может быть или Бог, или разум (или и то и другое вместе). В такой системе координат, где сохраняется постоянное значение надлежащего и ненадлежащего, становится возможным право как проект лучшего мира, сочетающего в себе равно и ценность, и цель.

С религиозной моделью (от сердца) и философской (от ума) соседствует модель от рассудка — политическая. Она генетически связана с внешними свойствами религиозной модели (влияние философии она испытывает значительно реже) и реализуется с поправкой на конкретно-исторические обстоятельства (эпоху, географию, демографию, войну или мир и т. п.). Эти обстоятельства составляют релятивный элемент в определении справедливости и столь же релятивный характер целей, ради которых ее стоит воплощать. Они детерминированы политикой, экономикой, психологией социальных субъектов, в них участвующих, их уровнем осознанности, а всем вместе — политикой, которую они делают и в которой участвуют.

Чем бы ни руководствовалась телеология справедливости, константными установками (тем безусловным, что Кант называл категори-

ческим императивом) или релятивными (условными императивами), ей всегда приходится отвечать на вопрос о том, как конкретно и корректно определить, в чем именно состоит справедливость, ведь ответ на него — это определение той цели, которой человек и общество стремятся достичь, работая над воплощением справедливости. Причем справедливость есть не только цель права. Ю. А. Васильев, описывая русскую историософию, утверждает, что в ее интерпретации «высшая цель исторического развития определялась как достижение идеалов справедливости и добра» [1, с. 79]. Историософия вдохновляется константными аскиологическими и телеологическими установками, история же невозможна без политики, которая, в свою очередь, релятивна до последнего предела. Соответственно, политическая интерпретация справедливости будет иметь релятивную идеологическую окраску, сообщаемую ей взглядами левого или правого спектра, национальным или глобалистским мировоззрением, социалистическим или капиталистическим пониманием экономики и т. д.

Мировая история представляет собой вечную конкуренцию за жизнь, и в вечной же конкуренции находятся разные идеалы справедливости. То большую часть времени господствует справедливость меритократическая, с телеологией избирательно воздать достойным за достойное; то берет верх справедливость эгалитарная, претендующая на уравнивание в правах всех со всеми и соответствующее этому воздаяние; то начинает очаровывать справедливость либертарная, видящая своей целью защиту свободы на грани произвола. Или же, как в наши дни, набирает силу идеал справедливости, рожденный мультикультурализмом и инклюзивностью, когда справедливость для меньшинства ценнее и значимее, чем справедливость для большинства. О том, какой из этих идеалов и какая из телеологий достойнее, можно полемизировать, но бесспорным остается одно: справедливость как константа, как безусловная ценность остается стабильным элементом социальной философии и философии права, но как только дело доходит до того, каким содержанием наполнять эту константу, поиск консенсуса по этому вопросу становится насущной задачей для всякого времени, когда бы этот вопрос ни поднимался. Чем острее внутривидовая конкуренция, трансформировавшаяся в человеческой популяции в конкуренцию идеологий, экономических моделей и социальных институтов, тем более напряженной становится и имманентная гуманитаристике дискуссия об идеале справедливости. Впрочем, если дискурс предполагает выбор в пользу коммуникации против изоляции, как об этом пишет Г. Ч. Син-

ченко [2, с. 70], то возможность преодоления антиномий различных интерпретаций справедливости стоит приветствовать, ведь догматичная однозначность в решении этого вопроса не способствует конструктивному преодолению социальных кризисов, провоцируя стагнацию и напряженность, обычно разрешающуюся бурно и драматично.

Список источников

1. Васильев Ю. А. О методологических основаниях русской исторической школы: историософские аспекты // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2.

2. Синченко Г. Ч. Дискурс права и дискурс справедливости: синтез или комплементарность? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 2(7).

А. В. Плетнев

(г. Санкт-Петербург)

Религиозная аномия как источник нарушения правовых и социальных норм

Феномен аномии как состояния нормативного кризиса общества имеет огромное значение для теологической мысли. Это связано с тем, что аномия приводит к девиации — нарушению правовых и социальных норм. С самого начала осмысление понятия «аномия» связывалось с религией. В тексте Нового Завета на греческом языке «беззаконие» обозначается именно словом «аномия» (anomos). В научный оборот это понятие ввел Ж. М. Гюйо [1, с. 499] и далее оно разрабатывалось Э. Дюркгеймом, Р. Мертоном, Л. Сроулом, Р. Агнью и С. Месснером. Среди теоретиков аномии не упоминается Макс Вебер, однако анализ его работ показывает, что в них в латентном виде содержалась оригинальная теория аномии [2]. Для современной России существенный интерес аномия Вебера представляет не только по причине своей научной новизны, но и ввиду способности интерпретировать динамику ценностей в религиозной среде. В отечественной же литературе использование М. Вебером термина «аномия» упоминается редко и без обстоятельного анализа [3, с. 104–112].

Исследование Вебера основывается на факте неприятия верующим греховности окружающего мира. Сознание верующего оперирует категориями законов, которые должны исполняться во внешнем мире. Однако на практике эти социальные и этические законы не исполня-

ются, что требует от верующего объяснить этот факт и отреагировать на него. Философ провел обширные исследования всех известных религий и выявил закономерности в реакции верующего на хаос окружающего мира.

В книге «Социология религии» М. Вебер выделяет несколько идеальных типов религиозности [4]. Религиозность может носить аскетический характер и быть направлена на изменение греховного мира либо может иметь мистический характер и быть направлена на избегание греховности внешнего мира. Примером аскетов можно считать американских пуритан, приложивших огромные силы к проповеди и изменению общества согласно своим религиозным представлениям. Примером мистиков являются индуисты, главное внимание которых направлено на собственное духовное состояние, отрешение от мира. В обоих случаях религиозная деятельность индивида может быть направлена вовне, на общество, или внутрь, на собственную личность. Например, монахи могут часть времени провести в уединении, предаваясь только духовным практикам, а затем направить свои усилия на проповедь, на общение с внешним миром. Во многих религиях у монахов определены четкие периоды затворничества. В итоге это дает четыре идеальных типа религиозной установки индивида. Один из этих типов — мистик, ориентированный внутрь своей личности, однажды может обнаружить себя источником религиозной проповеди. Такие примеры Вебер находил в некоторых направлениях индуизма (Дживанмукта). В этом случае мистик ощущает себя источником истины и сам для себя становится критерием должного и нравственного поведения. Никакие социальные нормы или законы государства более не сдерживают этого человека, поскольку он убежден, что сам знает всю полноту истины мира, божественная мудрость изливается из него. Аномия по Веберу — это окончательное исчезновение этических стандартов, полный крах рациональности.

Анализ индуизма, по Веберу, может показаться весьма далеким от христианства, теологическое учение которого четко изложено в священных текстах и хорошо структурировано. Однако следует помнить, что православное учение имеет практику исихазма, который подразумевает внерациональное обретение мудрости. Эта практика полезна для духовного развития монаха. Однако в определенных случаях монах может ощутить себя источником мудрости, отказаться от рационального, книжного толкования вероучения в пользу созерцательного и мистического. В этом случае, если мнение монаха разойдется с официальным вероучением Церкви, он будет ориентироваться на собственное мнение, поскольку

ку считает его посланным свыше и априори истинным. Монах является человеком, ориентированным на себя, и мистические практики делают его похожим на исповедующих тот тип религиозности, который Вебер назвал аномичным. В церковной истории можно обнаружить множество других примеров радикальной религиозной аномии, механизм возникновения которой описан в данной статье.

Проведенный анализ показывает, что теория М. Вебера со временем не устарела. Напротив, мы обнаружили в ней новые суждения, которые имеют большую эпистемологическую ценность для изучения религиозного пространства в современной России. Подобные теоретические исследования являются актуальными и связано это с развитием процессов аномии в обществе. Одной из главных составляющих аномии является размывание религиозных норм и проявление феномена внеконфессиональной ереси, которая заключается в убежденности индивидов в том, что «у каждого свой Бог» [5, с. 178], и поиск истины является процессом бесполезным.

Список источников

1. Orru M. The Ethics of Anomie Jean Marie Guyau and Émile Durkheim // The British Journal of Sociology. 1983. No. 4. Vol. 34.
2. Игнатьева О. А. Эвристический потенциал концепции политической власти Макса Вебера : дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2012.
3. Игнатьева О. А. Влияние межэтнической коммуникации на национальную идентичность и внешнюю политику государства // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 3(3).
4. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, 3 vols. Tübingen: J.C.B. Mohr. 1922–1923.
5. Семенов В. Е. Социология религии и современная религиозность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 3.

Д. В. Попов

(г. Омск)

Altissima paupertas в биополитическом пространстве чрезвычайного положения

Altissima paupertas, т. е. величайшая бедность, рассматривается Дж. Агамбенем в цикле исследований, посвященных homo sacer (дословно с лат. — человек священный), «которого можно убить, но нельзя при-

нести в жертву» [1, с. 16]. Идеи, высказанные Агамбеном в упомянутом цикле, внесли выдающийся вклад в заданный М. Фуко содержательный анализ биополитики, который позволил создать оригинальную политическую онтологию, проливающую свет на современное общество и новейшую историю.

Древний термин римского права *homo sacer* упоминается в следующем контексте: «*Homo sacer* называется тот, кого осудил народ за какое-либо преступление; приносить его в жертву нечестиво, но тот, кто его убьет, не считается преступником, ибо первый трибунский закон гласит: „Если кто убьет человека, который с ведома всего народа был объявлен *sacer*, да не осудится“. Оттого-то всякий дурной и бесчестный человек обыкновенно зовется *sacer*» [1, с. 93]. Из этого непосредственно вытекало, что «произнесение формулы *sacer esto* переводило виновного под власть богов, что было равносильно смертному приговору» [1, с. 93].

Положение *homo sacer* — человека, низведенного к «голой жизни», того, чья «человеческая жизнь включена в существующий строй только через ее исключение» [1, с. 16], зыбко и ненадежно. Однако Дж. Агамбен убедительно показывает, что в XX в. эта хрупкость, к состоянию которой можно подвести человека в том числе волонтаристским решением, становится ключом к пониманию кодов современной политической власти. Лавинообразное расширение использования политико-юридически обусловленных форм чрезвычайного положения формирует условия, в которых «лагерь как чистое, абсолютное и непревзойденное биополитическое пространство (как таковое основанное только на чрезвычайном положении) окажется тайной парадигмой политического пространства современности» [1, с. 156–157]. Итак, *homo sacer* — включенное исключение, обитатель биополитического пространства лагеря, объект биополитического надзора, продукт чрезвычайного положения.

Э. Гофман, предпринявший проект исследования «тотальных институтов», отмечает: среди различных институтов современного общества можно обнаружить, что «некоторые из них являются закрытыми в непропорционально большей степени... Их закрытость или тотальность символически выражается в преградах для социального взаимодействия с внешним миром и для выхода наружу» [2, с. 32]. Обозначая такие учреждения термином «тотальные институты», он среди прочих помещает туда и «учреждения, служащие прибежищами для желающих удалиться от мира, хотя они нередко выступают одновременно тренировочными пунктами для служителей религии; примерами являются аббатства, мужские и женские монастыри и прочие обители» [2, с. 33].

В том числе и по этой причине Дж. Агамбен в IV томе исследования о *homo sacer* обращается к киновиям — этим монастырским общежительным обителям, предназначенным для ведения *koinos bios* (общей жизни). Действительно, монашеский быт расписан буквально по часам, поднадзорен и подконтролен, основан на послушании, целомудрии и смирении, возведенных не столько в правило (имеющее юридическую природу), сколько в ранг «формы жизни». Мы обнаруживаем монастырь все в той же биополитической парадигме лагеря и чрезвычайного положения. Дж. Агамбен задавался вопросом о том, что «изначальное значение слова *sacer* ставит перед нами загадку сакрального как такового» [1, с. 16], и именно анализ киновий и особенно формы жизни францисканцев позволяет ему дать ответ. В средневековых монастырских общинах, особенно у францисканцев («минориты», «меньшие братья»), можно наблюдать инверсию чрезвычайного положения, лагеря и некий совершенно новый образ *homo sacer*.

Отметим, что «меньшие братья осуществляют инверсию и в то же самое время абсолютизацию чрезвычайного положения: в нормальной ситуации, когда люди наделены позитивными правами, у меньших братьев нет никаких прав, но только дозволенность пользования, но в случае крайней необходимости они восстанавливают отношение с правом (естественным, а не позитивным)» [3, с. 160]. Все дело в *altissima paupertas* — высочайшей бедности (т. е. глубочайшей нищете) францисканцев. Доктрина францисканцев провозглашает полный отказ от собственности. Монахи имеют право исключительно на простое фактическое пользование, которое считалось на основании римского права естественным правом человека в случаях крайней необходимости [3, с. 159]. «*Altissima paupertas* — имя, которое... дается этой чуждости праву... но техническим термином, служащим во францисканской литературе для определения практики, в которой эта чуждость осуществляется, будет *usus* (*simplex usus*, *usus facti*, *usus pauper*) (пользование. — Д. П.)» [3, с. 169]. Последователи основателя нищенствующего ордена Св. Франциска ставят себя в радикальное положение тех, кто, ничего не имея и испытывая нужду во всем, всегда находится в случае крайней необходимости — в бесконечности чрезвычайного положения. Однако это радикальное положение выбрано сознательно, «как для ордена, так и для его основателя вопрос стоял об *abdicatio omnis iuris*, то есть о возможности человеческого существования за пределами права» [3, с. 153]. Более того, «*altissima paupertas*... согласно основателю, должна была определять францисканскую форму жизни как совершенную жизнь» [3, с. 200].

Стремясь исключить себя из тех, кто имеет право на собственность, «Франциск квалифицирует себя не только как *parvulus* (малое дитя. — Д. П.), но также как *razzus* (безумец, сумасброд. — Д. П.)... они могут уподобляться *furiosus* (сумасшедший. — Д. П.), который не может приобретать по узупапии имущество в собственность, даже если он им обладает» [3, с. 156]. Парадоксальная логика миноритов приводит к тому, что «то, что для других является нормальным, для них становится исключением, а то, что для других является исключением, становится для них формой жизни» [3, с. 160]. Францисканцы последовательно определяют себя как включенное исключение — они *homines sacri* — вот только такие, чья смерть (как и их форма жизни) являются посвященными Богу, что полностью переворачивает содержание понятия *homo sacer*, отверженного людьми и потому преданного суду богов. Итак, минориты сознательно исключают себя из числа «нормальных» людей, помещаясь в чрезвычайное положение под дамокловым мечом угрозы их «голой жизни».

На чем базируется это воззрение? «В самом деле: как понять эту фигуру проживания и жизни, которая, утверждая себя в качестве „формы жизни“, тем не менее не позволяет себя редуцировать ни к праву, ни к морали, ни к предписанию, ни к совету, ни к добродетели, ни к науке, ни к труду, ни к созерцанию, — и тем не менее открыто предлагает себя в качестве канона для совершенного сообщества?» [3, с. 93].

Минориты последовательно заняты «*christomimetes* — проявлением Христа» [4, с. 231]. Франциск формирует такую «форму жизни», для которой жизнь по Евангелию — «евангельская жизнь» — есть то, что минориту следует воплотить в собственной жизни, ориентируясь на евангельское описание жизни, воспроизвести эту «форму жизни» как свою. А этой «форме жизни» чужда собственность, администрирование, даже богослужение как церковная служба. «В состоянии невинности все вещи по естественному праву принадлежат всем... а собственность и человеческое право как таковое начинаются с грехопадения и постройки города Каином» [3, с. 157]. Именно поэтому францисканцы «имеют только право на то, чтобы не иметь никакого права» [3, с. 158]. И это на фоне того, что Церковь озабочена вопросами собственности, например, в форме *Christus-Fiscus* [4, с. 255], отстаивая «неизменность и вечность... церковной собственности, *res sacrae* или... *res Christi*» [4, с. 265], на фоне чего даже Короне приходится отстаивать свое право в рамках формулы «Что не взято Христом, забирается фиском» [4, с. 260]. Францисканцы противоречат и положению, согласно которому «„священничество есть вопрос права“... и что служба не имеет ни-

чего общего с религией и любовью к ближнему» [3, с. 164]. В противоположность принципу *opus operatum*, по которому «утверждалось, что моральные качества священника несущественны для действенности совершаемых им богослужений» [3, с. 120], минориты поддерживают субверсивную для Церкви как социального института идею всеобъемлющей литургизации жизни. «Литургизации жизни здесь соответствует всеохватное оживотворение литургии. В этом смысле монах — это существо, которое определяется только своей формой жизни, так что в предельном случае недостойный монах просто-напросто не является монахом» [3, с. 163]. Этот «религиозный экстремизм» в определенной степени сыграл на руку миноритам, так как удивительным образом «жизнь согласно форме святого Евангелия располагается на уровне, настолько чуждом для формы святой Римской церкви, что та просто не могла вступить с ней в конфликт» [3, с. 169].

Итак, францисканцы сделали жизнь по Евангелию той «формой жизни», которая стала их каждодневной практикой, образцом и целью. Живя по форме жизни, почерпнутой из Евангелия, минориты все больше придавали своей жизни форму, которую считали и правилом, и самой жизнью. При том что «форма евангельской жизни, *coelestis vitae formae*... никогда не является только *regula*, но одновременно *regula et vita* или же просто *vita*» [3, с. 139–140]. Этот биополитический (по духу) режим тотального контроля над телом, душой и духом, выражавшийся в воплощении «формы жизни», одновременно явился почвой для перманентного чрезвычайного положения, лагерного (во внешнем выражении) уклада жизни киновии и исключения монахами себя из жизни *civitas terrena* в качестве добровольного *homo sacer*. Форма жизни (*vita vel regula, regula et vita, forma vivendi, forma vitae*; даже *formula vitae*, т. е. «формочка» жизни) «не совпадает ни с системой норм (для церкви это каноническое право), ни с *corpus* вероучений (совокупностью догм, в которых церковь артикулирует католическую веру). Она является чем-то третьим между учением и законом, между правилом и догмой» [3, с. 145]. Но именно это нераздельное «слово и дело» стало основанием учения миноритов. Франциск, «услышав слова, говорящие, что Христос своей жизнью дал апостолам евангельскую форму... принял состояние и образ жизни по правилу, принуждая себя ко всему, что предписано в апостольском образце, и на этом основал свой орден; потому и говорится в начале правила: „Сие есть правило и жизнь меньших братьев, а именно — соблюдать священное Евангелие Господа нашего Иисуса Христа“, как бы подытоживая все, что есть в правиле, сводя его к евангельской форме жизни» [3, с. 142].

Отказ от собственности и права, внеположенность государству и даже Церкви, существование в качестве вычета влечет череду инверсий в поле терминологии, заданной Агамбенom для описания биополитического вторжения в жизнь человека.

Во-первых, фигура исключения становится фигурой включения — последовательное и радикальное исключение из мирской жизни есть не менее последовательное и радикальное включение в евангельскую (апостольскую) жизнь, а через нее — в жизнь вечную, т. е. бегство из пространства исключения в полноту бытия. Голая жизнь монаха, носящего рубище, на самом деле оборачивается «одетой» («припоясанной») жизнью, а само рубище — сияющим доспехом для духовной брани. «Облачение монаха относится не к заботе о теле, но, скорее, к *modus formula*, „примеру некой формы жизни“... Посох (*baculus*) напоминает о том, что они „никогда не должны идти безоружными через бранящуюся и лающую толпу пороков“. Сандалии (*gallicae*), одеваемые на ноги, означают, что „стопы души должны быть всегда готовы к духовному пути“. Вершиной этого процесса морализации облачения является кожаный пояс... который монах обязан всегда носить, — он превращает монаха в „воина Христа“, готового в любых обстоятельствах сражаться с демоном...» [3, с. 30–31]. Таким образом, скорее все те, кто не ведет этой брани и не обретает форму жизни по Евангелию, являются *homines sacri* — исключенными, жизнь которых не имеет ценности перед Богом, а значит, не имеет цены вообще.

Во-вторых, инвертируется ситуация лагеря. Именно минориты оказываются за стенами *civitas terrena*, вне государства — этой «великой разбойничьей организации» (Бл. Августин), устанавливающей свой жестокий порядок «карцерного архипелага» (М. Фуко), но не имеющей средств заманить в свои сети нищенствующий орден.

В-третьих, в чрезвычайном положении, не зная того сами, находятся не нищенствующие на грани смерти монахи, а те, кто в сытости и довольстве находятся в лагерных стенах *civitas terrena*.

В конечном итоге, в этой вывернутой наизнанку биополитической парадигме чрезвычайного положения, установленного в лагере для голой жизни *homo sacer*, именно монахи, для которых жизнь, правило, служба, литургия стали неразделимы, обнаруживают себя свободными и включенными в подлинный порядок бытия.

Однако нет ли здесь еще одной инверсии? Возможна ли такая жизнь для всех без исключения людей на Земле? Не обернется ли всеобщее отстранение от государства, права, собственности, семьи исключением че-

ловечества из форм жизни на Земле? В такой ситуации все вновь возвращается на круги своя, когда именно монах-минорит — *homo sacer*, «голая жизнь» которого находится в чрезвычайном положении биополитического пространства включенного исключения.

Список источников

1. Агамбен Дж. *Homo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.
2. Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М., 2019.
3. Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. М., СПб., 2020.
4. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015.

Г. Ч. Синченко

(г. Омск)

«Суд над врачами» и Нюрнбергский кодекс 1947 г.: часы или облако?

Глава 6 книги К. Поппера «Объективное знание» носит отдающее натурфилософией метафорическое название «Об облаках и часах». Для Поппера, практически через все творчество которого проходит тема человеческой свободы, за этими образами стоят альтернативные принципы детерминизма и индетерминизма. Однако не будет слишком большой вольностью обобщенная трактовка *часов* как своего рода эмблемы классического объекта (объекта классической науки), а *облаков* — как эмблемы объекта неклассического. Тогда мы вправе добавить к заключенному автором в метафоре облака отрицанию линейного детерминизма теоретическую нагруженность эмпирических знаний, множественность описаний, необходимость ссылок на средства и операции познавательной деятельности и другие признаки неклассического подхода.

Известно, что революционные изменения типов научной рациональности протекают в направлении ее гуманитаризации. Она происходит не только в форме экстраполяции на естествознание подходов, первоначально сложившихся в гуманитарной области, но и в форме самостоятельной выработки науками о природе разновидностей методов и установок, гуманитарные модификации которых в независимом порядке развивались

науками о человеческом поведении и о культуре. Скажем, в структуру герменевтической и экспериментальной ситуаций включен познавательный интерфейс. В первом случае это текст, через который автор пропускает перед интерпретатором, во втором — прибор, с помощью которого данные о микрообъекте снимаются экспериментатором, а сам интерфейс является универсалией неклассической онтологии [1].

Если возможны неклассические естественнонаучные аналоги гуманитарных конструкторов, то следует ожидать допустимости неприродных аналогов тех феноменов, которые находятся в поле внимания не- и постнеклассического естествознания. Иными словами, следует ожидать возможности идентифицировать культурные объекты облачного типа или даже того, что всякий гуманитарный объект на проверку окажется, говоря метафорически, облачным, а говоря языком философии науки, неклассическим (или постнеклассическим). Проанализируем в качестве объектов с отчетливой неклассической симптоматикой Нюрнбергский кодекс 1947 г. (НК) и «Суд над врачами». Нюрнбергский кодекс — это список из десяти этических принципов проведения медицинских экспериментов с привлечением человека (добровольное согласие испытуемого, недостижимые другими методами положительные результаты, согласованность степени риска с гуманитарной важностью проблемы и т. д.), включенных в приговор, который был постановлен в г. Нюрнберге в августе 1947 г. американским оккупационным Военным трибуналом в отношении группы подсудимых, преимущественно врачей, ставивших бесчеловечные опыты над заключенными концентрационных лагерей гитлеровской Германии. Данный процесс известен в общественном сознании как «Суд над врачами» (СВ) и «Медицинское дело».

Освещение СВ и НК в научной литературе отличается путаницей вокруг послевоенных нюрнбергских трибуналов, неверными датировками, недоразумениями по поводу процессуальной природы и т. п. Частично это указывает на субъективность мнений, поспешность и пробелы в эмпирической базе, а частично — на объективную двойственность интерпретируемых объектов, которая и превращает их в феномены неклассического типа. Остановимся на невозможности однозначной локализации в биполярной системе «международное право — национальное право (право США)».

Изначально позиционировалась идея о том, что СВ и другие так называемые последующие (малые) нюрнбергские трибуналы лишь номинально проводятся силами одних США, а по большому счету являются международными. Именно ей служили постоянные указания на международно-

правовые акты, ключевую роль в которых играл Закон от 20 декабря 1945 г. № 10 Контрольного совета в Германии; использовались и другие средства. Вместе с тем на одном из судебных заседаний впервые прозвучал и впоследствии постоянно находил сторонников альтернативный тезис о том, что эти суды были проникнуты американской юриспруденцией и могут рассматриваться как исключительно американские. Противоречивый характер малых нюрнбергских процессов («американских судов, созданных на международном уровне», если слегка перефразировать прокурора Т. Тейлора) удваивается в трактовках НК, варьирующих от постановки его во главу угла всего комплекса международных документов в сфере исследовательской этики до уничижительных оценок наподобие «наспех составленный документ» и «плагиат». Клубок противоречий может быть распутан на основе следующих соображений. Вторая мировая война, особенно в ее завершающей фазе, и первая послевоенная декада — это время глубоких преобразований международного права, а не отлаженных застывших форм. Международный и военные американские нюрнбергские трибуналы 1945–1949 гг. не только опирались на его платформу, но и служили ее важными строительными блоками. И когда непосредственными участниками малых трибуналов или сторонними интерпретаторами подчеркивается, образно говоря, корпускулярный аспект, т. е. вопросы легитимности трибуналов, уголовно-правовой базы обвинительных заключений и приговоров, их политическое и идеологическое значение, тогда задействуется прежде всего международное правовое и этическое измерение СВ и НК.

Вместе с тем НК появился в юридическом решении по индивидуальному делу, постановленном при точечном наложении англосаксонского правосудия на системную правовую среду романо-германского типа. В «волновом» аспекте, т. е. в плане процессуальных форм, процедур и юридического менталитета, обвинители и судьи были естественными представителями американской системы права, что в различных словесных формах обозначалось как ими самими, так и оппонирующей стороной. Чем тщательнее мы будем анализировать ментальные и процессуальные параметры СВ и НК, тем больше приблизительности и формальности проникнет в отсылки к международному статусу.

Таким образом, в СВ и НК просматриваются черты неклассических объектов, т. е., возвращаясь к Попперу, они скорее облака, чем часы. Это свидетельствует в пользу методологических перспектив принципа дополнительности, значимость которого в гуманитарном мышлении была подчеркнута М. М. Бахтиным [2] и апробировалась в ряде исследований [см., напр.: 3, 4, 5].

Список источников

1. Векленко П. В., Попов Д. В. Современная онтология: интерфейс и реальность // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 2.
2. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.
3. Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. Смоленск, 2006.
4. Невважай И. Д. Взаимодополнительные формы активности субъекта познания: интерпретация и выражение // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2011. № 3.
5. Синченко Г. Ч. Двенадцать тезисов о философско-правовом Сфинксе, или Дополнительность юридико-аналитического и этико-философского дискурсов // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2.

А. Г. Филимонов

(г. Омск)

Российская государственность и опыт радикальных реформ XX в.

На современном этапе развития Россия столкнулась с рядом вызовов, ответы на которые нельзя найти простым механическим переносом опыта стран западной цивилизации. Необходим глубокий анализ исторических традиций русского народа и русской власти, которые сформировали базовые ценности, определяющие их магистральное развитие. В литературе анализируется «русская колея», или «имперская телега» [1, с. 30–50; 2, с. 6–13]. Все эти концепции сходятся в одном — какие бы реформы в России не проводились, все вернется в конечном счете к укреплению институтов центральной власти и ограничению полномочий гражданского общества. Построить демократическую Россию по образцу и подобию стран западной цивилизации ни у кого не получается. Это не получилось у Временного правительства в 1917 г., когда Россия скатилась к большевистской диктатуре, это не получилось у реформаторов-либералов группы Б. Ельцина и Е. Гайдара.

Самое страшное в этих попытках является то, что в результате навязывания западной модели развития Россия теряет не только миллионы своих граждан, которые сгорают в огне гражданских войн, национальных

конфликтов, но и огромные территории, в которых проживают русские люди, оставшиеся без защиты своего государства. Эти русские оказываются под большим давлением националистов новых государственных образований. Ярким примером этого является судьба русских людей в Прибалтике, Украине, странах Средней Азии.

Отличие русской модели государственности от западной модели определяется рядом фундаментальных признаков, без учета которых невозможны никакие преобразования в России, обеспечивающих российскому обществу положительные результаты.

Во-первых, если на Западе сохранялись многообразие форм собственности, а вместе с ней и полисубъектность политического процесса, то в Московском государстве процессы пошли по образцу Орды. Великий князь начинает консолидировать земли как главную собственность вокруг себя и давать наделы земли за службу государству. Это позволило расширить круг преданных ему людей и ограничить влияние боярства на общественные процессы, происходящие в обществе. На всем протяжении постордынской истории мы видим, что преобладающим вектором в развитии государства была линия контроля над собственностью. Неразделенность власти и собственности — характерная черта Русского государства [3, с. 8–34].

Во-вторых, на Западе сформировалась договорная власть. Ядро этой власти составляют собственники, представленные в лице государства, церкви, крупных и мелких землевладельцев, ремесленников, имеющих свои интересы, а также ресурсы по их защите. Субъекты политического процесса, имеющие возможность опоры на собственные, независимые ресурсы, могут формировать государство именно как договорное. Такой тип государства способен создать механизм политической власти, который будет учитывать интересы большинства. То есть в основе существования такого государства лежит та или иная мера согласия между собственниками, которая и находит свое воплощение в договорном государстве.

В России власть носит характер моноцентричности: царь, император, генсек или президент в лице государства, как основной собственник, контролирующий базовые ресурсы, способен остальным субъектам навязать свою волю и заставить их подчиниться. Такая власть по своей природе не может быть никакой другой, кроме как моноцентричной, самодержавной. Здесь согласие реализуется лишь по поводу власти, согласен ты с ее политикой или не согласен, другого выбора не дано. Давая характеристику такой особенности русской власти, Ю. Пивоваров и А. Фурсов пишут,

что «природа русской власти — это моноцентризм... и властечентризм, в котором один субъект имеет бесконечные права, а все другие „несут тягло“. Все „несли тягло“, кроме Власти» [4, с. 37–49].

В-третьих, в таком обществе не могут быть сформированы институты гражданского общества, характерные для западного общества, которые выступают там как добровольный союз самостоятельных собственников, объединенных по своим интересам и способных защитить эти интересы от посягательств государства. Природа русской власти не только исключает возможность функционирования такого типа гражданского общества, но даже его появление в принципе невозможно в русском обществе. Никакие добровольные, свободные союзы граждан не способны защитить интересы своих членов перед государством, так как государство, обладая абсолютным превосходством в области контроля ресурсами в обществе, не потерпит давления с чьей-либо стороны на свои интересы. Здесь могут функционировать только те добровольные организации, которые являются либо проводниками политики государства в обществе, либо занимают нейтральные позиции и не вмешиваются в политические процессы.

В-четвертых, в русском обществе складывается социальная структура, где авторитетом и поддержкой пользуются только те социальные группы, существование которых полностью зависит от государства. Социальные группы, самостоятельно определяющие свой общественный выбор, а их материальное положение не зависит от государства, как правило, находятся под его пристальным вниманием и давлением. Ю. Пивоваров и А. Фурсов выделяют следующие социальные группы: «представители власти» (власть), «популяция» и «лишние люди» [4, с. 37–49]. Социальная группа, представляющая интересы власти, это государственная бюрократия, находящаяся на службе у государства. Популяция — социальная группа, не имеющая собственности, субъектность которой отрицается властью по определению. Представители ее работают на объектах государственной собственности, их материальное положение зависит от социально-экономического развития государства. Государство в отношении этой группы проводит патерналистскую политику. Именно об этой социальной группе писал В. Гурко, когда утверждал, что «в стране нищих не только не может установиться конституция, но даже не может удержаться самодержавный строй. В стране нищих может водвориться только деспотия... сменяющейся кучки властителей наверху и множества бессменных мелких властей полицейского типа — внизу» [5].

Название третьей социальной группы говорит само за себя, это «лишние люди». Однако они «лишние» для власти, но не для общества. Это активные, творческие, самостоятельные субъекты общества, способные обеспечить удовлетворение собственных интересов и потребностей без помощи государства, выступающие самостоятельными субъектами общественного процесса. Эта социальная группа не только не поддерживается государством, их полномочия ограничиваются, а в отдельные периоды истории, например в период гражданской войны и раскулачивания, их просто уничтожают.

В-пятых, Русская православная церковь в результате проводимых реформ оказалась полностью зависимой от власти, она стала органом в аппарате правительства, без права проводить независимую от государства политику, в результате чего потеряла авторитет среди большей части православных людей.

Таким образом, константами Русского государства выступают: моноцентризм власти (единоначалие в управлении); контроль над собственностью со стороны государства, распределение земли за службу своим подданным, безсобственность большей части населения, что определило безсубъектность значительного числа граждан [6, с. 130–174]. Безсубъектность — это неспособность субъекта исторического процесса осознавать свои интересы, на их основе формировать свою повестку дня по отношению к власти и принимать активное участие в борьбе за реализацию этой повестки в политике государства. Миллионы представителей русского общества были лишены субъектности, у них формировались патерналистская психология и слепая вера в государство. Единственным гарантом их существования было государство, поэтому любой кризис как государственности, так и социально-экономического развития значимо отражался на жизни народа [7, с. 135–151].

Политические элиты, приступив к реформированию русского общества в феврале 1917 г. и советского общества в 1989 г., брали за образец буржуазные реформы стран западной демократии.

Отстранение императора от власти и реформы, проводимые Временным правительством России в 1917 г., привели к уничтожению Российской империи, установлению диктатуры пролетариата и учреждению нового государства. Советская власть довела до совершенства природу Русского государства, когда централизация власти была вне всяких пределов, а «лишние люди» были почти ликвидированы как паразитирующий класс в обществе, их количество сведено к минимуму. Однако столкнувшись с новыми вызовами и неспособностью их разрешить в рамках

советской системы, советское руководство, приступив в 1985 г. к реформированию общества, вновь за основу взяло опыт стран западной демократии и не учло роль Советского государства в жизни общества, а также изменившийся менталитет советского человека. Если после Революции 1917 г. в России были социальные группы так называемых лишних людей, его представителями выступали мелкая и крупная буржуазия, зажиточные крестьяне, интеллигенция, которые являются объективными носителями демократических ценностей, то в Советской России таких социальных групп не было. Все они были уничтожены, следовательно, в обществе не существовало социальных групп, которые выступили бы социальной основой для либерализма и для демократии.

Печальный опыт русских реформаторов XX в. закономерен, другого итога проводимым реформам быть не могло. Знание истории своего народа, особенностей природы Русского государства и менталитета народов страны является необходимым условием для проведения успешных реформ в нашем государстве.

Список источников

1. Ильин В. И. Структура исторической колеи в России: проблемы методологии // Мир России. 2017. № 4.
2. Макаренко В. П. Имперская телега: ее возницы и смазчики // Политическая концептология. 2017. № 1.
3. Плискевич Н. М. Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект. Реформы и качество государства // Мир России. 2015. № 1.
4. Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. Политические исследования. 2001. № 4.
5. Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/56660> (дата обращения: 19.04.2021).
6. Макаренко В. П. «Свой чужой» концепт русской власти // Политическая концептология. 2010. № 2.
7. Никольский С. А. Об архитектуре российской власти и общества, или Игры со Змеем Горынычем // Политическая концептология. 2017. № 3.

А. В. Червяковский

(г. Омск)

Государство, право и интернет-сообщество

Интернет долгое время развивался как средство обмена информацией между группами ученых, затем данная сеть стала наполняться разнообразной информацией. Во взаимодействие через компьютер, для передачи информации посредством оптоволоконной связи, начали вовлекаться иные участники интернет-коммуникаций. Число их с каждым днем только возрастает.

Социальные сети, интернет-журналы, мессенджеры позволяют лицам размещать различную информацию, обмениваться данными. Эта информация не всегда оказывается удобной для государства, может быть запрещенной для распространения. При этом обмен информацией происходит так быстро, что каждый раз заинтересованным субъектам не удастся отследить источник ее распространения, заблокировать, вовремя реагировать на появление негативных или фейковых сведений. Интернет-платформы способны оказывать сильнее воздействие не только на сознание ученых, отдельных индивидов, несознательных граждан, но в целом на общественное сознание региона, страны и даже мира. Индивиды посредством интернет-ресурсов вовлекаются в различные митинги, шествия, революции, становятся участниками разнообразных неправительственных организаций. Интернет выступает крупнейшей площадкой для продажи товаров, в том числе запрещенных для гражданского оборота. Интернет также используется для совершения различных противоправных действий.

Указанные процессы не могли не повлиять на позицию государств и их лидеров, политической элиты, которые увидели не только положительные черты в становлении и дальнейшем развитии сети, но опасности и негативные последствия, которые сулят неограниченное и неконтролируемое взаимодействие пользователей интернета. Государство могло определенное время реализовывать ранее принятые законы, ограничивающие действия субъектов права в реальном мире, распространив действия существующих правовых норм на виртуальное пространство сети. Правоохранительные органы, спецслужбы вполне могли применять правовые нормы к правоотношениям в сети. Однако в дальнейшем наблюдается процесс, когда действующее законодательство не в полной мере справляется с правовым регулированием новых отношений и его приходится модернизировать, создается и развивается информационное законодательство в части регламентации интернет-отношений.

Правовое регулирование отношений в сети преследует как цели, открыто декларируемые в законах, программных документах, заявлениях лидеров государств, так и цели, которые оказываются скрытыми от постороннего взгляда, невидимыми до той поры, когда принятые решения не будут реализованы, не созреть те условия, которые окажутся, на взгляд государства, необходимыми для введения тех или иных правовых норм. Разные государства и их элиты преследуют различные цели, нередко противоречащие заявлениям самих лидеров, а также интересам граждан этих государств. Борьба за обеспечение кибербезопасности, стремление защитить конфиденциальную и иную защищаемую законом информацию может вполне вступать в противоречие со свободой информации, правом граждан на получение информации о деятельности государственных органов и организаций. Попытки ограничить распространение запрещенной информации может привести к явной или латентной цензуре в сети со стороны государства или иных лиц. Запрет на продажу товаров, исключенных из гражданского оборота, осуществление таможенного контроля в отношении товаров, продаваемых в сети, может перерасти в блокировку продажи иностранных товаров. Государства выбирают модели и механизмы регулирования отношений в интернете. Вариантов много: от полного закрытия страны для интернета, создания отдельных узлов, контролируемых государством для выхода в сеть («китайский файрволл»), до внесения отдельных изменений в законодательство, позволяющих контролировать наиболее важные процессы, происходящие в сети.

Возникают определенные препятствия, не позволяющие государствам в полной мере осуществлять правовое регулирование и контроль за интернетом как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Нередко главы государств и правительств заявляют о необходимости принятия правовых документов на уровне международного сообщества, позволяющих самим государствам осуществлять контроль за состоянием интернета. Однако несмотря на эти громкие заявления, важно понимать, что противоречия между моделями регулирования интернетом, выбранными разными государствами, приводят к тому, что договориться о всеобъемлющем соглашении, устраивающем все стороны, просто невозможно, и на уровне международного сообщества государств контроль за интернетом с помощью международных актов осуществляется маленькими дозами. Говоря о современном управлении интернетом, важно помнить о роли некоммерческих негосударственных организаций, таких как Совет по архитектуре интернета (IAB) и Корпорация по присвоению имен и адресов в интернете (ICANN).

Постоянные действия государств по упорядочению с помощью права отношений в сети привлекли внимание интернет-пользователей и участников интернет-коммуникаций. Так, после принятия Конгрессом США Акта о благопристойности коммуникаций, введившего цензуру в интернете, появилась Декларация киберпространства, составленная Д. П. Барлоу. В ряде стран активно действуют пиратские партии. Большую роль играют защищающие права граждан от их неправомерного ограничения в сети международные неправительственные организации. В России действует российское общественно-политическое объединение «Пиратская партия России», не зарегистрированная в качестве политической партии. Имеются и иные объединения, отслеживающие ограничения на доступ граждан страны к некоммерческой информации, осуществляющие мониторинг активности государства по контролю за сферой интернета.

Следует учитывать и позицию индивидов, не активистов, но людей, время от времени или постоянно использующих те или иные ресурсы сети. Рядовые пользователи интернета привыкли скачивать из сети любившиеся им книги, музыку, фильмы, программное обеспечение. Блокировки ресурсов привели к тому, что многие из них научились пользоваться средствами обхода таких блокировок. В случае контроля государства за социальными сетями можно с уверенностью говорить о дальнейшем переходе пользователей к мессенджерам и иным платформам с более высоким уровнем шифрования и криптозащиты.

В заключение отметим, что в современный период государство оказывает активное воздействие на развитие сети Интернет. Выразим опасения, что дальнейший контроль со стороны государства в отношении сети в перспективе может привести к опасным эксцессам, например, усилению закрытости общества, формированию нетерпимости к проявлению других позиций и взглядов, ограничению (дозированию) получаемой обществом информации. Не отрицая необходимость регулирования интернет-отношений государством и международным сообществом, тем более что ряд проблем интернета без такого участия решить невозможно, повторим, что перспективным видится вариант сотрудничества государства с лицами, заинтересованными в развитии сети, а также грамотное правовое регулирование дальнейшего развития интернета.

РАЗДЕЛ II. ПРАВО В СИСТЕМЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ: ПРАВО И МОРАЛЬ, ПРАВО И РЕЛИГИЯ

Б. С. Абжанов

(г. Петропавловск, Республика Казахстан)

О взаимодействии права, государства и религии

Глобализация современного мира способствует этнорелигиозному ренессансу, что влечет взаимодействие государства, права и религии. Исследование этого взаимодействия вызвано разногласиями, возникающими в ходе отношений государства и религиозных объединений, и актуально в рамках реализации конституционного принципа светскости.

В контексте светскости государства право определяет отношения с религиозными объединениями. Так, ст. 14 Конституции РФ гласит: «1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

Конституция Республики Казахстан также провозглашает государство светским: «Статья 1. Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы» [1].

Более подробно отношение государства и религии освещено в Законе Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях»: «1. Государство отделено от религии и религиозных объединений.

2. Религиозные объединения и граждане Республики Казахстан, иностранцы и лица без гражданства независимо от отношения к религии равны перед законом.

3. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [2].

Таким образом, конституции обоих государств в аспекте светскости разделяют государство и религию.

Взаимодействие государства и религии, на наш взгляд, происходит в вопросах моральных ценностей и норм, в проведении различных совместных мероприятий. Кроме того, государство может предоставлять какие-либо льготы, например, при выдаче земельных угодий для постройки культовых зданий.

Право и религия, выступая регулятором общественных отношений, определяется взаимосвязью правовых и религиозных норм. Правовые и религиозные нормы могут совпадать в контексте нравственного содержания. При этом религиозные нормы являются важным фактором поддержания и сохранения нравственного и правового порядка в обществе, так как направлены на разум, волю, чувства, эмоции, душу человека, тем самым они просвещают и воспитывают человека.

Взаимодействие права и религии можно рассматривать в качестве самостоятельных систем. При этом религия отделена от государства. Государство же гарантирует реализацию правил поведения всеми представителями сообщества, осуществляя меры правовой ответственности, в основе которой лежат принципы наказания за конкретное правонарушение. Ведь главное в религии — это то, что она является внутренним регулятором социально значимого поведения человека.

Если же рассматривать в основе права религию, то ее нужно считать государственной. Нельзя отрицать тот факт, что религия активно воздействует на все сферы жизнедеятельности общества: экономическую, политическую, социальную и духовную.

Право и мораль взаимодействуют между собой в процессе упорядочения общественных отношений, и их требования во многом совпадают. Это обусловлено тем, что объектом их регулирования выступают общественные отношения; они являются универсальными и распространяются на все общество. Право и мораль имеют общую цель — регулировать поведение людей, формировать гражданское общество, правовое демократическое государство. В целом, мораль и право выполняют одну и ту же функцию — регулируют человеческие взаимоотношения. Таким образом, право и религия не противоречат друг другу; государство и религия в контексте светскости отделены. Право и государство неотделимы. Право, выступая универсальным регулятором общественных отношений, остается одним из инструментов государства [3, с. 68].

Список источников

1. Конституция Республики Казахстан URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 20.06.2021).

2. Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (с изм. и доп. по состоянию на 15 ноября 2020 г.) URL: [#pos=3;-106](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690.06.2021) (дата обращения: 20.06.2021).

3. *Общая теория права* / под общ. ред. А. С. Пиколкина. М., 1997.

В. В. Балахонский

(г. Санкт-Петербург)

Проблема обоснования права в системе духовно-нравственных детерминаций

Право, являясь одним из важнейших системообразующих принципов, объединяющих человеческое общество, испытывает на себе серьезное влияние целого ряда социальных феноменов, среди которых наиболее значимыми на современном этапе развития общества выступают политика, экономика, мораль, религия и т. д. [1, с. 12]. Предметом исследования в статье будет влияние духовно-нравственных факторов на специфику формирования и эволюции системы права.

На ранних этапах становления правовых систем преобладало обоснование права с позиции духовно-нравственных ценностей, обладавших наибольшей значимостью в данном социуме. Например, в эпоху античности система права основывалась и верифицировалась на четырех основных аксиологических понятиях: дике (справедливость), фемис (обычай), тиме (честь) и номос (закон). Основной социальной ценностью в то время считалась справедливость, которая рассматривалась в качестве объективного основания и критерия права [2, с. 38]. Смысл, вкладываемый в понятие «справедливость», не всегда был однозначно интерпретирован, но, несмотря на различие трактовок, можно выделить ряд общих положений, которые составили основу парадигмального понимания справедливости в эпоху Античности. Важнейшими из этих положений являются:

- 1) атрибутивная связь справедливости с правовыми явлениями, соответствующими человеческой природе (Демокрит) [3, с. 444];
- 2) занятие каждого своим делом (Платон);
- 3) обладание каждым своим и отказ от захвата чужого (Платон);
- 4) построение системы права на основе определенной меры, обеспечивающей социально принятый стандарт равенства (Платон);
- 5) законное и равномерное отношение к людям (Аристотель) [4, с. 51].

Следует подчеркнуть, что Аристотель считал политическую справедливость основой права и указывал на характер их обоюдной детерминации в процессе функционирования социума, что, по его мнению, служит реальным обоснованием закона. В соответствии с этим несправедливость закона состоит, прежде всего, в отходе от политической формы власти к деспотической, т. е. во властвовании вопреки праву.

Представленная ценностная детерминанта античной правовой парадигмы заложила основы научного понимания права и механизмов его становления и развития. В последующей истории эволюции правовых систем ценность справедливости утратила определяющую роль, а доминирующее значение получили иные детерминанты. Так, в странах с системой континентального права (Франция, Италия, Испания, Германия и т. д.) главным обоснованием права становится закон, при незначительном влиянии обоснования с позиции обычая. Понятия же «справедливость» и «честь» в значительной степени стали носить декларативный характер.

В странах, где сформировалась система общего права (Англия, США, Канада, Австралия и т. д.), ведущим фактором обоснования права становится обычай, вследствие чего правовая система формируется и развивается, главным образом, за счет судебной практики. Подобная форма обладает несомненным достоинством, состоящем в обеспечении равенства в процессе правоприменения, однако она имеет и ряд серьезных недостатков, важнейшими из которых являются: 1) сложность исправления законодательных ошибок, «освященных» силой обычая; 2) абсолютизация статуса принимаемых судебных решений, которые могут быть недостаточно обоснованными, и т. п.

Реальное значение правового обычая, на наш взгляд, возможно осмыслить лишь на основе диалектической взаимосвязи обычая (традиции) и новации в процессе правового творчества и правоприменения:

1) правовой обычай (традиция) служит основой возникновения и способом дальнейшей интеграции новации в законодательную систему;

2) правовая новация выступает источником развития традиции, средством ее коррекции, позволяющим снимать противоречие между правовой традицией и изменяющейся социокультурной средой ее реализации;

3) само выделение новации имеет смысл только по отношению к традиции, а по мере апробации и распространения новация получает статус традиции.

Тенденция детерминации права с позиции обычая (традиции) получает свое абсолютное доминирование в странах с религиозно-традиционными системами права, что характерно для многих стран Азии и Африки.

В современной российской правовой парадигме наиболее значимой формой детерминации права выступает закон как продукт законотворческой деятельности законодателя, направленный на достижение определенных прагматически осмысленных политических, экономических и нравственных ценностей. Аксиологическая же ориентация на справедливость в данном случае мало позиционируется и учитывается.

Конечно, данный факт не свидетельствует о том, что все нормативные акты носят несправедливый характер или они ориентируют людей на бесчестные поступки. Речь идет лишь о преобладающих тенденциях ценностного обоснования права в той или иной юридической системе, что обуславливает определенные сущностные характеристики этой системы.

Следует согласиться с мнением известного специалиста в области философии права Л. С. Явича, который указывает, что «в наше время любые попытки противопоставления права принципам морали и справедливости в научном отношении совершенно неприемлемы, а на практике могут лишь отражать желание господствующей элиты освободить государственную политику, законодательство и правосудие от каких-либо нравственных устоев и гуманных соображений» [5, с. 35].

В последнее время в российском правовом сознании значительно актуализировалось значение востребованности обосновательного потенциала понятия «справедливость» в законодательном регулировании социальных отношений.

Идея справедливости имплицитно выступает основой духовно-нравственной детерминации правовых феноменов. Влияние нравственности на право обусловлено тем, что они очень близки по своим социальным функциям и по способу отражения реальности — нормативно-ценностному. Основная дифференциация между правовым и нравственным требованием может быть проведена по следующим основаниям:

- 1) правовое требование ограничено в определенных пространственно-временных рамках, а нравственное — неограниченно;
- 2) правовое требование направлено на регуляцию действий, моральное требование охватывает и сферу человеческой субъективности;
- 3) право опирается на принуждение, мораль — на силу общественного мнения.

Список источников

1. Балахонский В. В. Философские проблемы методологии права // Философия права : научно-теоретический журнал. 2011. № 5.
2. Правосознание и его роль в жизни общества : монография / под общ. ред. проф. В. В. Балахонского. СПб., 2018.
3. Пристенский В. Н., Балахонский В. В. Онтология права как его антропология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4(32).
4. Философия права и правосознания : монография / В. С. Олейников, Б. К. Джегутанов, В. В. Балахонский. СПб., 2009.
5. Явич Л. С. Сущность права: социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985.

В. Ю. Васечко

(г. Екатеринбург)

Проблема взаимосвязи права и нравственности в философско-этической системе Владимира Соловьева: современное звучание

Свою философско-правовую концепцию В. С. Соловьев развивает в последние годы жизни в работах «Оправдание добра. Нравственная философия» (главы 15 «Уголовный вопрос с нравственной точки зрения» и 17 «Нравственность и право») [1] и «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики» [2]. Она выстраивается им на критике двух альтернативных, но, по его мнению, равно ошибочных концепциях: а) признание области юридических отношений совершенно самостоятельной, самодовлеющей, «обладающей собственным абсолютным принципом» и отрицание на этом основании существенной связи нравственности с правом (юридический позитивизм, основным представителем которого в современной русской и европейской мысли В. С. Соловьев считает Б. Н. Чичерина); б) отрицание ценности права и всего, что к нему относится, как замаскированного зла (так называемый отвлеченный морализм, развиваемый в России Л. Н. Толстым в его концепции непротивления злу насилием) [2, с. 4].

Адекватно оценить взгляды В. С. Соловьева на право и нравственность можно лишь в рамках его более фундаментальной, универсально-космической концепции «философии всеединства» (другое название

«философия цельного знания»), рассматривающей различные формы человеческого общежития (помимо права и нравственности, это также экономика, церковь и государство) в качестве элементов и орудий диалектического перехода человечества из нынешнего несовершенного состояния в будущее совершенное — Богочеловеческое («Царство Божье на земле»).

Основная ошибка позитивизма — отождествление *справедливости* как добродетели с *легальностью*, т. е. с внешним, формальным исполнением закона. С этой ограниченной точки зрения всякая коллизия между положительным, явно сформулированным законом и представлениями людей о добре и зле неизменно должна разрешаться в пользу первого. Несостоятельность такого взгляда была отмечена еще римскими юристами в максиме: «*Summum jus summa injuria*», ориентирующей правоприменителей на осмысленное, гибкое, творческое, а если надо, то и на критическое отношение к наличным юридическим нормам.

Основная ошибка отвлеченного морализма — в его субъективизме и индивидуализме: радикальная критика права (как и остальных атрибутов современной цивилизации — государства и его органов типа полиции, армии, судов, тюрем, а также искусства, техники и др.) есть выражение собственного бессилия и нежелания что-либо реально, практически предпринять для продвижения человечества к высшему состоянию для его действительного нравственного преобразования.

Все попытки дать определение права вне выяснения его связи с нравственностью поверхностны, формальны и «не доходят до существа дела». Таково, в частности, знаменитое определение немецкого теоретика права Р. фон Иеринга: «Право есть защищенный или огражденный интерес». Очевидно, что право защищает *не всякие* интересы, но как только мы начинаем выяснять, какие именно (когда мы, например, уточняем: интересы *справедливые*), нам приходится обращаться к нравственным критериям. Необходимо и неизбежно, по Соловьеву, «различение правды внешней, формальной, или собственно юридической, от правды внутренней, существенной, или чисто нравственной, причем верховным и окончательным мерилom правового и неправового остается одно и то же начало — нравственное» [1, с. 527].

Логическое отношение между правом и нравственностью правильнее всего определить как пересечение. С одной стороны, полностью включать объем правовых явлений в объем явлений нравственных (например, под предлогом того, что право есть выражение справедливости, а справедливость — категория нравственная) нельзя по причине «всеоб-

щего явления правомерной безнравственности» [2, с. 24], т. е. не только очевидных и многочисленных злоупотреблений, творимых слугами закона, но и множества правомерных (с формально-юридической точки зрения) актов и решений, попирающих элементарные нормы добра, морали и справедливости. С другой стороны, нравственность имеет предметом весьма широкий круг социальных феноменов, если не сказать социальную жизнь в целом, и потому говорить о полном поглощении ее правом также нет оснований. На пересечении здесь оказываются явления, подлежащие оценке и регуляции как права, так и нравственности.

Именно в плане соотношения права и нравственности В. С. Соловьев дает собственную дефиницию права: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [1, с. 450]. Достоинство его в том, что оно соединяет вместе три существенных признака определяемого предмета: 1) право есть низший предел или некоторый минимум нравственности, равно обязательный для всех членов общества; 2) реализация этого минимального добра в действительности, на практике (небольшое, но действительно осуществленное добро предпочтительнее самого великого, но реально не существующего — как синица в руках лучше журавля в небе); 3) прямое и косвенное принуждение, необходимое для вышеуказанной реализации, поскольку одного словесного убеждения часто недостаточно для прекращения или предотвращения противоправных действий.

Хотя эквивалентного, логически строгого (родовидового) определения для нравственности Соловьев не дает, он указывает на альтернативные ее признаки, дающие здесь основание интерпретировать данное логическое отношение уже как противоречие: 1) чисто нравственное требование (типа любви к врагам или самопожертвования) безусловно настаивает на стремлении к совершенству и никак не ограничивается минимумом типа исполнения долговых обязательств или ненарушения уголовных норм; 2) высшие нравственные заповеди не предписывают заранее никаких внешних определенных действий, поскольку содержание нравственного требования и долга бесконечно; 3) нравственное совершенство есть внутреннее состояние, предполагающее только свободное и добровольное исполнение, исключаящее любое принуждение. Тем не менее Соловьев настаивает на том, что «это ясное и общее различие не есть противоречие, способное вести к реальным столкновениям» [2, с. 32].

Соловьев дает еще одну интересную дефиницию права: «Право есть исторически подвижное определение принудительного равновесия меж-

ду двумя нравственными интересами: формально нравственным интересом личной свободы и материально нравственным интересом общего блага» [2, с. 40]. Здесь, помимо вышеозначенной принудительности, указывается на: 1) функцию согласования правом двух фундаментальных нравственных интересов, без реализации которых невозможно ни сохранение общества, ни его совершенствование и продвижение к Богочеловечеству; 2) исторически изменчивый характер реализации правом указанной функции, что предполагает перемещение в разные эпохи преобладающего акцента — либо на максимальное развертывание личностного начала, либо на более жесткое внешнее социальное ограничение индивидуальной свободы во благо целого. Следует подчеркнуть, что этот момент — сочетание защиты свободы личности с внешним регулированием общественных отношений — присутствует и в современных дефинициях права [см., напр.: 3, с. 231].

Доктрина современного уголовного права эклектична, внутренне противоречива и даже бессмысленна. С одной стороны, она включает в себя понятия «отмстительной справедливости» и устрашения («да чтоб и другим неповадно было», «поделом вору и мука») и в этом смысле продолжает древние традиции кровной мести и варварских законов средневековья [1, с. 391–394]. С другой стороны, вследствие гуманизации общественной жизни в целом и частой невозможности точно определить меру воздаяния за преступление эта доктрина все более склоняется к смягчению наказаний. Решение этой проблемы может быть, по Соловьеву, достигнуто только на путях последовательного (сначала в теории уголовного права, затем на практике) признания категорического императива Канта: человеческое достоинство должно уважаться в каждом лице и, следовательно, нельзя кого бы то ни было делать только средством или орудием для чьей бы то ни было пользы [2, с. 73].

Если мы честно признаем, что совершение преступления никак не лишает данное лицо человеческого достоинства и человеческих прав, то это позволит более ясно определить нравственные ориентиры дальнейшего совершенствования уголовно-правовой и, в частности, пенитенциарной системы, очищения ее от рудиментов «мертвого наследия отживших начал отмщения и устрашения» [2, с. 99]. Таковы отмена не только смертной казни (даже обычной, не говоря уже о «квалифицированной»), но и иных видов санкций, означающих «систематическое мучительство, возмущающее нравственное сознание» — пожизненного лишения свободы, каторжных работ, долгосрочной ссылки в местности с губительными климатическими условиями [1, с. 394]. Наказание в любом случае должно

иметь место, но совершаться оно должно без ненависти, без чувства злобы и мщения. Разумеется, это предполагает коренную перестройку всей системы исправительных учреждений и, в первую очередь, подготовку большого количества профессиональных работников, которым общество поручит дело возвращения бывших преступников к нормальной социальной жизни — педагогов, психологов, священников и т. д.

Список источников

1. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1988.
2. Соловьев В. С. Право и нравственность. Минск; М., 2001.
3. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 2003.

Т. Е. Грязнова

(г. Омск)

Идея ценности права в российской социологической юриспруденции рубежа XIX–XX вв.

Устойчивость социальной структуры и политической системы общества напрямую обусловлена тем, насколько успешно и целесообразно применяются разного рода регуляторы общественных отношений, среди которых праву, очевидно, принадлежит ведущая роль. Не случайно уже в первом отечественном политическом трактате Илариона мы сталкиваемся с постановкой вопроса о соотношении таких регуляторов общественной жизни, как закон, истина и благодать, среди которых закон в силу несовершенства человеческой природы играет далеко не последнюю роль. Впоследствии в той или иной мере проблемы значимости права (закона) касались практически все отечественные мыслители, однако наибольшее внимание профессиональных юристов она начинает привлекать со второй половины XIX в., когда реформы Александра II заложили основу для трансформации правовой системы Российской империи в направлении конституционализма.

Обострение социальных противоречий, распространение радикальных политических идеологий, появление нелегальных политических организаций на фоне крайне низкой правовой культуры подавляющего большинства населения как никогда актуализировали проблему ценности и авторитета права, приобретшую на рубеже веков стратегическое значение для дальнейшего развития страны.

Констатация факта обесценивания права в российском обществе характерна для работ всех либерально настроенных юристов. Не случайно Н. И. Лазаревский подчеркивает, что «вопрос об обеспечении того, чтобы законы вообще исполнялись, есть вопрос громадной практической важности» [1, с. 7]. Чрезвычайная сложность решения этой задачи, по мнению сторонников социологического типа правопонимания, обусловлена, в первую очередь, субъективным характером права и эволюцией общественных отношений.

Так, Н. М. Коркунов отмечает: «Со строго объективной точки зрения... общественный порядок представился бы пестрой смесью права и правонарушений. Значение и сила права лишь в том, что оно признается отдельными личностями как должный порядок общественных отношений» [2, с. 279]. Именно осознание личностями ценности права как регулятора общественных отношений, обеспечивающего посредством разграничения интересов безопасное существование индивидов и охраняющее их свободу, служит залогом стабильности установленного в государстве правопорядка. Ученый пишет: «При отсутствии права... временное возобладание в обществе одного какого-нибудь интереса вело бы за собой принесение ему в жертву всех других; и тем самым преобладающей потребности данной минуты приносились бы в жертву необходимые условия нормального развития общества в будущем» [2, с. 281].

Определяя право как порядок организованной защиты общественных отношений, С. А. Муромцев связывает его ценность, в первую очередь, с тем, что оно «вмещает в себя важнейшие институты нравственного порядка» [3, с. 162]. Принуждая субъектов правоотношений к исполнению юридических обязанностей, он подчеркивает, что «право... воспитывает в людях уважение к долгу и увеличивает шансы на искреннее выполнение его» [3, с. 166].

Согласно взглядам Б. А. Кистяковского, развитие общественных отношений с неизбежностью приводит к тому, что даже тщательно продуманные и осмотнительно сформулированные юридические нормы не могут длительное время им полностью соответствовать. В связи с чем реально существующий правопорядок далеко не всегда тождествен правопорядку законодательно закреплённому. Тем не менее, по мысли исследователя, «из всех формальных ценностей право, как наиболее совершенно развитая и почти конкретно осязаемая форма, играет самую важную роль» [4, с. 615].

Именно право обеспечивает свободу и неприкосновенность личности, составляющие основу современного правового порядка. Только эффектив-

ное законодательство как средство выражения и закрепления социальных компромиссов способно смягчить классовые противоречия и нивелировать социальную напряженность, характерные, в частности, для Российской империи начала XX в. По мысли Б. А. Кистяковского, «если современное конституционное государство оказывается часто основанным на компромиссе даже по своей социальной организации, то тем более оно является таковым по своей политической и правовой организации» [4, с. 626].

Ценность права, на взгляд сторонников российской социологической юриспруденции, состоит в том, что благодаря своей формальной определенности оно является надежным защитником нравственности, гарантом свободы, безопасности и неприкосновенности личности, средством закрепления социальных компромиссов и залогом стабильного правопорядка. Однако лишь путем непрерывной, кропотливой и целенаправленной работы правотворческих, правоприменительных и правоохранительных органов возможно добиться если не гармонии правосознания индивидов с правом, то хотя бы неукоснительного соблюдения законов большинством граждан. Позитивный результат этой деятельности, по мнению ученых, может быть достигнут только в том случае, если право будет осознано как высшая социальная ценность всеми субъектами правоотношений.

Список источников

1. Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908. Т. I.
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. СПб., 2003.
3. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступит. ст., ком. Ю. И. Гревцова. 2-е изд. СПб., 2004.
4. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.

С. В. Денисенко

(г. Омск)

Моральная оценка правового бытия: современные формы

Правовое бытие общества подвергается постоянной моральной оценке, которая отражается на жизни каждого человека. Система оценок социальной реальности, созданная моралью, весьма разнообразна и от-

кликается на правовые перемены реакцией социальных групп и отдельных членов. Моральная оценка видится в универсальных категориях добра и зла. В эту шкалу вписаны такие моральные понятия, как «совесть», «честь», «честность», «порядочность», которые выражают частные моральные позиции.

Рассматривая взаимоотношения права и морали, принято считать, что практически все правовое подлежит моральным оценкам. Создание правовых государств, развитие правовой культуры граждан объединяет одобрительной моральной оценкой правовых устоев. Закрепление новых юридических правил не всегда воспринимается с всеобщей благодарностью. Осуждение, игнорирование, пакеты поправок к законодательству выражают собой негативное моральное отношение социальных сил к праву. Моральные противоречия человечества и разнообразные реакции общества не позволяют выработать единую международную шкалу моральной оценки. Формируются локальные, государственные, региональные, национальные моральные оценки права. Комплексная моральная оценка современного правового бытия складывается из нескольких одновременно существующих шкал оценок, способных указать на противоположное качество и количество моральных результатов права, соизмеримых с изменениями добра и гармонии в обществе.

Первым очевидным показателем выступает степень уважения обществом (и личностью) права в целом и в конкретных случаях. Проявляется такая моральная оценка в одобрении (неодобрении) уже действующих и потенциальных законов на стадии обсуждения, принятия, реализации, внесения поправок в закон. Гражданам России сегодня доступны все сервисы сайта Государственной Думы РФ, что позволяет ознакомиться с законопроектами, материалами парламентских слушаний, задать вопрос и многое другое. Так, в период одобрения поправок к Конституции РФ с 25 июня по 1 июля 2020 г. принято 206 поправок. В общероссийском голосовании приняли участие 74 114 217 граждан. Положительный ответ дали 57 747 288 граждан, или 77,92% от числа проголосовавших [1]. Это демонстрация прямой позитивной моральной оценки уважения Основного закона Российской Федерации.

Моральные реакции на частные правовые явления современников более противоречивы. Так, Федеральный закон «Об установлении административной ответственности за пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних» получил одобрение большинства российских граждан. Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»,

напротив, вызывает у многих россиян сильное раздражение. «Все курильщики ощутили на себе всю силу государственной мощи по борьбе с ними, и это произошло внезапно, хотя всех предупреждали и говорили об этом... Более всего неприятно, когда людям ставят преграды на ровном месте... и заставить курить там, где кому-то выгодно» [2].

Моральную оценку выявляет мониторинг отношения граждан к действующему законодательству, ведущийся с 1997 г. Более пятнадцати лет эксперты по правам человека собирают и анализируют материалы, публикуют и распространяют ежегодный доклад о ситуации с правами человека. Так, по мнению экспертов, начиная с лета 2012 г. в спешке, без всестороннего общественного обсуждения, Государственная Дума РФ стала принимать законы, которые вызвали серьезную обеспокоенность гражданского общества, усматривая в них потенциальные угрозы конституционным правам и свободам человека. Кроме того, низкое качество законодательства подрывает доверие граждан к власти, негативно сказывается на уважении к закону и развитии правовой культуры [3].

Казалось бы, оценка такого рода вполне тождественна низкой моральной оценке. Однако популярность юридической профессии среди молодежи и оценка профессионального труда свидетельствуют об обратном. Профессию юриста предпочитают другим профессиям сотни тысяч молодых людей в России. Юридических профессий в России множество, более десятка направлений, все они по-своему специфичны, но непременно связаны с трудом в правовой сфере государства. В России 947 вузов занимаются выпуском юристов, практически в каждом втором высшем учебном заведении. По программам бакалавриата и специалитета обучаются 643 000 студентов, т. е. каждый десятый российский студент — будущий юрист. Казалось бы, налицо подлинное уважение к праву в современной жизни. Но есть и иная оценка: жизнь в России вынуждает обращаться за юридическими дипломами. Практически любой чиновник, сотрудник компании, предприниматель сталкивается с постоянно и хаотично меняющимся регулированием, низким качеством правовых актов. Укрепляется иллюзия, что юридическое образование спасет жизнь, работник с юридическим дипломом лучше понимает происходящее [4]. Такое моральное отношение к праву представляет роль юристов в совсем ином, негативном свете.

Обращение населения в полицию, уровень доверия правоохранительным органам является важным индикатором моральной оценки правовой реальности в обществе. Пока тенденция улучшения оценки работы

полиции в 2020 г. развивается не очень активно. Рост показателей оценки эффективности работы органов внутренних дел РФ составил с 40,0% до 43,8%, а доверия сотрудникам полиции — с 41,9% до 44,9%. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в ноябре 2020 г. в 85 субъектах Российской Федерации, были опрошены 36 207 человек. Из них 28% хорошо относятся к работе полиции; 36% — удовлетворительно, 21% — плохо. Отразил опрос и нравственность: 46% опрошенных считают, что большинство полицейских — честные и порядочные люди, у 26% респондентов — противоположное мнение. Почти половина россиян (49%) не хотели бы, чтобы их дети работали в этой области, 31% хотели бы [5]. Восприятие полицейской службы является актуальной моральной оценкой профессиональной группы на данный момент.

Таким образом, правовая реальность находится в постоянно действующем динамичном пространстве моральных оценок общества в их современной интерпретации.

Список источников

1. Самтынова Е. За поправки в Конституцию проголосовало 77,92% россиян. URL: <https://www.garant.ru/news/1390943/> (дата обращения: 14.05.2021).
2. Эффект от запретительных мер. URL: <https://tass.ru/opinions/1597422/> (дата обращения: 14.05.2021).
3. Мониторинг применения нового законодательства в Российской Федерации М., 2015.
4. Мусеева Е., Титов К. Каждый десятый — юрист. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/07/02/598926> (дата обращения: 14.05.2021).
5. Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2020 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion> (дата обращения: 14.05.2021).

А. В. Денисова

(г. Санкт-Петербург)

Правовая норма и мораль в произведениях

Ф. М. Достоевского

В своих произведениях Ф. М. Достоевский отразил проблемы современной ему российской действительности. Одним из таких «современных явлений», имевших принципиальное значение для российской жизни, было введение в 1864 г. суда присяжных. Однако многие юристы, в частности А. Ф. Кони, видели несовершенство судопроизводства. Не касаясь

его причин, отметим, что Ф. М. Достоевский в своих произведениях часто обращал внимание читателя на противоречивость решения суда, на то, что за внешним следованием юридическим предписаниям ускользает внутренняя, нравственная правда. Именно в этом, в первую очередь, писатель видел не только ущербность судебных решений, но всю их трагичность, поскольку они определяли судьбы людей, подчас наказывали (и очень сурово) невиновных. С точки зрения Достоевского, это происходило потому, что судьи и присяжные не могли понять высшего, скрытого, единственно верного смысла поступка человека, не могли увидеть внутреннюю правду, и поэтому правовая норма, которой руководствовались представители правосудия, противоречила норме моральной и нравственной.

Именно таким стало изображение суда в романе «Братья Карамазовы». Напомню, в произведении отражена художественно переосмысленная история поручика Ильинского: убийство отца и осуждение невиновного. Обстоятельства дела неоднозначны и не поддаются прямой, внешней классификации, которую пытаются дать им на суде.

Ни прокурор, ни адвокат не способны вникнуть в смысл происшедшего. Они подводят поступки Дмитрия под уже готовую, существующую в их воображении схему. И те обстоятельства, которые им кажутся главными, на самом деле оказываются мелкими, внешними деталями, не затрагивающими существа дела. Не помогают ни старания, ни усердие, ни талант.

Вопросы российского судопроизводства Достоевский «пропускал» через собственную душу, через печальный опыт участника кружка Петрашевского, обвиненного в попытке государственного переворота, лишённого всех прав, сосланного на каторгу, а затем некоторое время тянувшего лямку рядового солдата... После возвращения в большую литературу он неизменно искал ответ на вопрос о том, что толкает человека на преступление, какие социальные обстоятельства и внутренние причины, корнящиеся в человеческой природе, являются основаниями для преступления закона — государственного и человеческого. Может быть, именно поэтому многие судьбы подсудимых (и приговоренных к наказанию) Достоевский принимал близко к сердцу, писал о них страстно и эмоционально, доказывал свою позицию, которая не всегда совпадала с официальным приговором, в связи с чем следует упомянуть о деле Корниловой. О нем Достоевский рассказал в «Дневнике писателя» за 1876 г. (главы «Простое, но мудреное дело», «Опять о простом, но мудреном деле») и в выпусках «Дневника» за 1877 г. («Освобождение подсудимой Корниловой»).

Напомним суть дела: крестьянка Екатерина Корнилова (ей было 20 лет), будучи замужем, вздумала отомстить мужу и выбросила из окна

свою шестилетнюю падчерицу. Девочка по счастливой случайности осталась целой и невредимой. Достоевский в «Дневнике писателя» отмечал странность поступка Корниловой, однако суд взглянул на дело с точки зрения «простоты» и приговорил Корнилову к каторжным работам на два года с последующим поселением в Сибири навсегда.

Достоевский противопоставляет решению суда свою точку зрения на совершившиеся события, замечая, что это дело не столь просто, как оно показалось присяжным. Писатель открывает в событии внутренний, сокровенный смысл, которого и не заметил суд, ограничившись простым рассмотрением внешней стороны дела и признав Корнилову виновной. Однако в апреле 1877 г. Достоевский сообщил читателям, что повторный суд вынес оправдательный приговор Екатерине Корниловой.

Право воспринималось Достоевским не только со стороны его социально-регулятивных возможностей, но и со стороны соответствия его глубине человека. «В человеке, кроме гражданина, есть и лицо, — писал Достоевский в рабочей тетради. — Судья судит гражданина и иногда совсем не видит лица <...> Даже закон не предусмотрит всех тонкостей. Есть преступления и впечатления, которые не подлежат земному суду. Единый суд — моя совесть, то есть суждающий во мне Бог...» [1, с. 402].

Список источников

1. *Неизданный Достоевский*: записные книжки и тетради 1860–1881 гг. / ред. И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. М., 1971.

К. А. Корчагина

(г. Ростов-на-Дону)

Формирование профессионально-этической, эстетической культуры обучающихся образовательных организаций МВД России при освоении ими образовательных программ

В настоящее время вопросы кадрового обеспечения системы МВД России, повышение кадрового потенциала, в том числе качественной подготовки сотрудников ОВД, являются важнейшими составляющими повседневной управленческой деятельности руководителей ОВД всех уровней. В образовательных организациях МВД России важное значение имеет формирование у обучающихся профессиональных качеств, важнейшим из которых является профессионально-этическая и эстетическая культура сотрудника.

Профессиональная этика сотрудников ОВД включает нравственные основы службы, профессионально-этические правила поведения в служебных коллективах и в общении с гражданами, а также профессионально-этический стандарт антикоррупционного поведения.

Служебная эстетика объединяет в себе культуру труда, речи сотрудника, служебного быта и внешний вид, которые должны быть безупречными исходя из его особого статуса. Эстетическую культуру сотрудников составляют манера поведения с гражданами и коллегами по службе, грамотность при составлении служебных документов, эстетика ритуалов ОВД.

В настоящее время опубликовано большое количество научных работ и эмпирического материала в этой области, однако проблема формирования профессионально-этических качеств у обучающихся образовательных организаций МВД России в систематически меняющихся условиях развития общества остается актуальной.

Образование, согласно законодательству Российской Федерации, — это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, где воспитание представляет собой деятельность, направленную на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде [1].

Процесс обучения и воспитания должен быть ориентирован в том числе на формирование высокой профессионально-этической, эстетической культуры обучающихся, поскольку она является важнейшим качеством личности сотрудника ОВД.

В целях обеспечения единства процессов воспитания и обучения в июле 2020 г. внесены изменения в законодательство об образовании по вопросам воспитания обучающихся [2]. Образовательная программа представлена, помимо прочего, и в виде рабочей программы воспитания (далее — Программа воспитания), календарного плана воспитательной работы, что находит отражение в приказе МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 [3].

Это означает, что образовательные организации МВД России должны обеспечивать механизмы, закрепленные Федеральным законом «Об об-

разовании в Российской Федерации», гарантирующие целостность, неразрывность воспитательного процесса и процесса обучения с использованием воспитательного потенциала учебных дисциплин, в первую очередь, формирующих общекультурные компетенции, предусмотренные основными профессиональными образовательными программами. Занятия по учебным дисциплинам должны организовываться с опорой на междисциплинарные связи и созданием оптимальных условий для формирования профессионально-этической и эстетической культуры обучающихся. Организация учебных занятий должна включать использование во взаимосвязи различных педагогических методов обучения с методами воспитания: убеждения, упражнения, примера, соревнования, поощрения, критики действий (поступков). Деятельность по реализации Программ воспитания нужно направить на последовательное и целенаправленное формирование личности сотрудника ОВД как высоконравственного, просвещенного и дисциплинированного человека, строго следующего принципам и нормам профессиональной этики, правилам профессионального этикета и служебного поведения, соблюдающего права и свободы человека и гражданина.

Сотрудник ОВД постоянно осуществляет взаимодействие с представителями различных социальных групп, в том числе и с правонарушителями, с законопослушными гражданами, с коллегами, представителями государственной власти и местного самоуправления, иностранными гражданами, людьми разного возраста, различного уровня культуры, образования и т. д. Обучающиеся образовательных организаций МВД России должны осознавать, что, стоя на страже закона, реализуя свои властные полномочия, сотрудники ОВД должны быть образцом строгого соблюдения законности и дисциплины, этических и эстетических требований.

Список источников

1. *Об образовании* в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *О внесении изменений* в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. А. Морозов

(г. Омск)

Религия между правом и политикой: конкуренция реконструктивных амбиций

Проект Модерна содержал явную установку на нивелирование общественного влияния религиозных институций и религиозных идей. Более того, религия стала восприниматься в качестве значимого источника насилия и жестокости. Будучи неразрывно связанной со всеми сферами жизни, в том числе тесным образом с политикой и правом, религия разделила с ними всю полноту ответственности за произвол со стороны древних и новых государств. К. Армстронг замечает, что «когда религиозная традиция образует симбиоз с государственным насилием, жестокости не избежать» [1, с. 75]. Однако британский исследователь как раз и настаивает на том, что не нужно преувеличивать долю ответственности религии в этом симбиозе. Автор приводит множество примеров того, когда религия выступала за смягчение государственной тирании. Как бы то ни было, в аграрном традиционном обществе религия, право и политика образовывали единый социальный порядок, нормативность которого определялась их единством и взаимным дополнением. Это не исключало борьбы за гегемонию между церковью и государством, папством и королями, царем и патриархом. Но эта борьба не меняла принцип конструирования и поддержания социального порядка.

В процессе модернизации в классическом ее понимании предшествующая система отношений между религией, правом и политикой, основанная на принципе взаимного дополнения, сменяется установкой на отделение религии от принятия политических решений и вопросов правового регулирования. Проект модерна с последовательной секуляризацией общественной жизни содержал установку на формирование светского государства и светского права на гуманистической основе, дистанцируясь от религиозных идей и авторитета. Последнее не отменяет факта, что «по форме и содержанию современное светское право остается в долгу перед средневековым общим правом и каноническим правом» и «различные правовые учения протестантских конфессий в значительной степени сформировали современное светское право» [2]. Конечно, правовая и политическая культура никогда не формируются на пустом месте, вбирая в себя предшествующий опыт. Однако последовательность и преемственность совсем не одно и то же. И простое логическое правило о том, что «после этого — не значит по причине этого», продолжает сохранять свою силу. В секулярном сознании политические

и правовые обоснования общественной практики выстраиваются с учетом социально-экономических, общественно-политических, культурных факторов общественного развития, но вне религиозного контекста. В ситуации, когда религия рассматривается как факт личного выбора, вариант культурного самоопределения, она не может претендовать на общезначимость, а значит, на какую-либо роль в определении социального порядка. Такой чистый вариант изоляции религии мало где был реализован, но как проект оказывал влияние на политическое и правовое развитие во многих регионах мира.

Возвращение религии в вариантах десекуляризации и постсекуляризма в конце XX–начале XXI в. на фоне постмодернистской деконструкции универсалистских форм обоснования социального порядка принципиально изменяет ситуацию модерна. Конструирование социального порядка является перманентным процессом реинтеграции социальной реальности различными участниками общественной коммуникации, в которой декларируется равноправие. В такой системе отношений ключевым становится понятие конкуренции. Религия, право, политика претендуют на решающую роль в утверждении актуальной конфигурации социального порядка в данный период. Ни одна сторона не может претендовать на утверждение всеобщего безусловного вечного порядка, в основании которого лежат вечные ценности. На вопрос, каким образом возникает социальный порядок, М. Бергер и Т. Луман дают сегодня очевидный ответ, утверждая, что «социальный порядок — это человеческий продукт или, точнее, непрерывное человеческое производство» [3]. Но это очевидность именно настоящего момента. Для домодерного и модерного дискурсов это утверждение не только не очевидно, но даже нелепо. При этом специфика такого продукта, как социальный порядок, состоит в том, что его производство может быть только формой совместной деятельности всех заинтересованных сторон, и именно этим обеспечивается качество. Нужно согласиться, что «коммуникативно-идейная гибкость представляет собой не просто свойство, но и общесоциальное требование, условие выживания» [4, с. 81]. Каждая сторона взаимодействия имеет право не только на эксклюзивный вариант самоидентификации, но и на то, чтобы придать ему политическое измерение. Последнее является обязательным признаком субъектности. Право на выражение собственной позиции, без политической и правовой перспективы, превращает дискурсивные усилия в малозначащую игру слов.

Современная реальность предоставляет нам различные примеры того, как религия вернула свои позиции в коммуникативном процессе

реконструкции социального порядка. Религиозные сообщества активно действуют в информационном пространстве, транслируя свои представления о ценностях, апеллируя при этом к современным представлениям о правах и свободах человека и используя научные аргументы наряду с религиозными. Эта активность выражается в том числе в законодательных инициативах, их обсуждении и в некоторых случаях в их принятии. Существует широкий круг вопросов, по которым громко заявляют свою позицию Русская православная церковь в России, Римско-католическая церковь на Западе, мусульманские организации: от понимания концепции прав человека в целом до конкретных вопросов права на свободу самовыражения, эвтаназии, аборт, воспитания детей.

В конкуренции, ставшей основной формой взаимодействия религии, права и политики, противопоставление разных позиций служит выработке нового понимания нормативности.

Список источников

1. *Армстронг К.* Поля крови. Религия и история насилия. М., 2014.
2. *Mian A. A.* Legal Religion: Ethical Norms and Demands of Justice / Religion: sources, perspectives, methodologies. URL: http://www.academia.edu/20047672/legal_religion_ethical_norms_demands_of_justice (дата обращения: 10.05.2021).
3. *Бергер П., Луман Т.* Социальное конструирование реальности. Трак- тат по социологии знания. URL: https://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman__Sotcialnoe_konstruirovanie_realnosti_Skepdic.ru_.pdf (дата обращения: 10.05.2021).
4. *Право и религия в междисциплинарной интерпретации : моногра- фия / под ред. А. Б. Дидикина.* М., 2019.

В. Д. Самойлов

(г. Москва)

Право в системе духовной жизни православных в период Великой Отечественной войны

«На счет судьбы своей предай себя вполне промыслу Всемогу- щего... Мне 60 лет, тело мое изувечено ранами, но Господь дарует мне жизнь для блага государства» [1, с. 1028]. Это обращение А. В. Суворова, не проигравшего ни одного сражения генералиссимуса, к своей дочери Наташе. За свою историю Россия пережила много войн и полна свиде- тельств о том, как святые благословляли перед сражениями, воины мо-

лились перед боем. Часто вера и духовность объединяли русский народ, вдохновляя его на подвиги [2; 3]. В частности, архимандрит Александр (Вишняков), священнослужитель, участвовал в Первой мировой войне, наставлял солдат перед боем, навещал в госпиталях раненых. Когда в районе села Вишнеево был убит командир роты, молодой священник поднял над головой крест, идя впереди атакующих. За этот подвиг его наградили Георгиевским крестом. Ему пришлось пережить тюрьму, пытки, голод, но он продолжал служить своей Родине [1, с. 1028].

Самой кровопролитной для страны была Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Под угрозой существования оказался Советский Союз, в котором почти не было семьи, не понесшей жертв и бед. 22 июня 1941 г. — День Всех святых в земле Российской просиявших, объединивший верующих, посетивших храмы, в молитвах и желании победить врага. Церковь утешала верующих в скорби, призывала к трудовой и боевой доблести для защиты Отечества, осуждала дезертиров, приспешников оккупантов [2; 4].

19 сентября 1941 г. фашисты заняли Киев. Перед этим отец Александр крестил евреев во избежание ими смерти. Фашисты его арестовали, но в силу его харизмы и владения немецким языком отпустили. 28 сентября 1941 г. по городу были развешаны афиши: «Все жида города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 г. к 8-ми часам утра на угол Мельниковской и Дохтуровской (возле кладбищ)». Александр поддерживал обреченных, но на этот раз фашисты и их прислужники из УНА его арестовали, 6 ноября 1941 г. казнили, сбросив на горящем кресте с обрыва. Ему установлен крест с надписью: «На этом месте 6 ноября 1941 г. были расстреляны священнослужители архимандрит Александр Вишняков и протоиерей Павел за призыв к защите Отчизны от фашистов» [2; 3].

Борис Кромаренко, протодиакон — единственный из священнослужителей полный кавалер Ордена Славы в возрасте 19 лет за боевые подвиги против фашистов за родной Киев. Он же был награжден двумя медалями «За отвагу», медалью «За боевые заслуги», боевыми наградами Чехословакии и Польши, в освобождении которых он принимал участие [2; 3].

Вклад в Победу внесла Наталья Владимировна Малышева (матушка Адриана), разведчица. В 1941 г. она спасла раненого разведчика, преодолев десятки метров простреливаемой местности. Она 18 раз переходила линию фронта с молитвой. После Победы работала в конструкторском бюро С. П. Королева. За боевые заслуги награждена орденами и медалями [5].

В 1942 г. в Одесском Свято-Архангело-Михайловском монастыре инокини помогали раненым: ухаживали за ними, обеспечивали медикаментами и едой. Святая обитель за эту работу получила благодарственную телеграмму от Правительства СССР, а игуменью Анатолию наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [2; 3].

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) — профессор медицины и духовный писатель, епископ Русской православной церкви, специалист по гнойной хирургии, главный хирург госпиталя № 15/15 (г. Красноярск). На вопрос: «Как же вы верите в Бога, если вы его не видели?», он ответил: «Я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил». Святителя Луку наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [4; 6].

По итогам социологических опросов репрезентативного числа граждан РФ «Левада-Центром» выявлено, что большинство из них (53%) уверены в усилении «веры в Бога и религиозность» с начала XXI в. [7, с. 68–72].

Дед автора, Павел Илларионович Самойлов, до Великой Отечественной войны был участником трех войн: Первой мировой, гражданской и советско-финской. Четвертую войну он завершил, участвуя во взятии Кёнигсберга. Он награжден в Первую мировую войну двумя Георгиевскими крестами, а 25 июня 1945 г. — двумя медалями «За взятие Кёнисберга» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [8, с. 76–78, 80, 84].

При посещении Берген-Бельзинского мемориала 5 мая 1993 г. меня, руководителя военной делегации, сын командующего 12-й армией фашистской Германии генерал-полковника танковых войск Вэнка полковник Вэнк спросил об отношении к мемориалу. Я обратил его внимание на то, что 50 тысяч умерщвленных в этом концлагере советских людей до плена воевали под пятиконечной звездой, многие из них были православными верующими [9, с. 66–69].

Каждый человек в мире существует ради своего совершенства, а также для совершенства окружающего мира (например, человек живет ради совершенства мира, а мир — ради Бога) [10, с. 44]. Человек — уникальное, меняющееся сочетание биологического (физического) и психического, которое в своем высшем единстве образует сознание, способное мыслить себя, свои и (возможно) божественные деяния [10, с. 114].

Таким образом, многие священнослужители, монахи и православные люди были участниками Великой Отечественной войны, оказывали духовно-нравственное воздействие, собирали денежные средства, одежду, медикаменты, продовольствие, создавали госпитали, помогали раненым, вели разведку.

Список источников

1. *Самойлов В. Д., Селезнева К. В.* Отцы и дети: цифровые конфликты в России XVIII–XIX вв. (прозаико-поэтический аспект) // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докладов VI Всерос. социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров; ред. Е. Ю. Иванова. М., 2020.
2. *Аруева Л. Н.* Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны : монография. СПб., 2010.
3. *Зоберн В.* Бог и Победа. М., 2014.
4. *Лисичкин В. А.* Лука, врач возлюбленный. М., 2013.
5. *Короткова Е.* Матушка из разведки // Московский комсомолец. 2010. 23 апреля.
6. *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий).* Праведный суд народа // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 2.
7. *Самойлов В. Д.* О перспективах института семьи России как инструмент воспитания // Психология и педагогика служебной деятельности : международный журнал. 2020. № 3.
8. *Самойлов В. Д.* Институт семьи России (Самойловы-Масловы) : монография. М., 2019.
9. *Самойлов В. Д.* Взываю к памяти живых: истребление людей // Психология и педагогика служебной деятельности: международный журнал. 2020. № 1.
10. *Самойлов В. Д.* Педагогическая антропология: учебник для студентов вузов. М., 2013.

РАЗДЕЛ III. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ДИАЛЕКТИКА СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. К. Бекряшев

(г. Омск)

Проблемы исследования экономической безопасности в контексте понимающего и объясняющего подходов

Ряд методологических проблем остается нерешенным в сфере экономической безопасности (далее — ЭБ). Увлечение эмпирическими исследованиями безопасности при недостаточном внимании к концептуальным вопросам дает основание определять многочисленные новые подходы как кустарные промыслы [1, р. 5]. Преобладает описательный подход при относительной редкости и поверхностности причинных объяснений [2, р. 45]. Официальные доктрины ЭБ рассматриваются вне связи с экономической парадигмой [3, с. 5–7]. Отмеченное можно понимать как частные проявления методологической проблемы соотношения понимающего и объясняющего подходов в исследовании ЭБ. Таким образом, два указанных подхода применяются к двум различным областям знания — проблемной области безопасности (Б) и экономическому сектору — сфере функционирования объекта-референта безопасности (Э). Рассмотрим эти ситуации.

Безопасность — понимающий подход (1Б). Реализуется посредством построения функциональных, имитационных моделей объекта, репрезентации содержания фактических образцов использования концепта безопасности в дискурсе, в выборе концептов и параметров, отвечающих требованию релевантности и полноты. Ч. Месеш использует термин «основная концепция (core conception) безопасности» (далее — ОКБ) и выделяет 8 параметров [2, р. 50]. Д. Болдуин предлагает универсальную концепцию безопасности, применимую, по его мнению, к объектам любого уровня [1, р. 6]. ОКБ инвариантна предметной области. Ее можно рассматривать и как эталон полноты описания проблемы безопасности, как мета-модель ее концептуализации, задающую набор ее универсальных составляющих, и как рамку для изучения связи с другими концепциями.

Безопасность — объясняющий подход (2Б). Реализуется через прояснение культурно-исторического контекста использования концепта безопасности, канонов дискурса, программ референции, соотносящих знания с объектами — референтами безопасности.

Проблемное поле безопасности может исследоваться также на основе альтернативных концепций, явно не использующих концепцию безопасности. В их составе Б. Бьюзен и Л. Хансен выделяют дополнительные, параллельные и оппозиционные [4, р. 14].

Блок «Экономика — понимающий подход» (1Э) представлен функциональными, имитационными, описательными моделями экономического сектора.

Блок «Экономика — объясняющий подход» (2Э) реализуется посредством построения теорий, связанных с выдвижением и проверкой гипотез о причинно-следственных связях, механизмах функционирования объекта, прояснением контекста применения понимающих теорий, канонов, стандартов научного дискурса, определяемых доминирующей научной парадигмой.

Указанные четыре категории семиотических объектов — ресурсы для конструирования того, что можно определить как основную концепцию экономической безопасности (далее — ОКЭБ) и теорию экономической безопасности. Принимая, что концепции, в отличие от теорий, коррелируют не с объектами, а с вопросами и ответами, ОКБ интерпретируется как вопрос, который поляризует теорию и, используя репрезентатор объясняющего знания, соотносит его с объектом (референция), т. е. формирует ОКЭБ как специфицированную с учетом природы экономического сектора версию ОКБ. Так что: $ОЭКБ=f(1Б, 2Э \text{ (концепты)})$.

Представленные в литературе версии ОКЭБ (Л. И. Абалкин, В. К. Сенчагов, Ю. В. Латов, Ч. Месеш и др.) различаются с точки зрения полноты и релевантности концептов и параметров, подлежащих спецификации. Их сравнительный анализ выходит за рамки данных тезисов. Тем не менее следует отметить, что нерелевантность ОКЭБ может стать причиной неясности при демаркации между экономическими проблемами и проблемами экономической безопасности, чрезмерного расширения проблемного поля ЭБ и, как следствие, ограниченной аналитической ценности концепции.

ОКЭБ, в отличие от ОКБ, использует специфические репрезентаторы, совместимые с 1Э и 2Э. Результатом взаимодействия с 1Э является поляризация 1Э и построение функциональной, феноменологической, имитационной теории ЭБ. Результатом поляризации со стороны ОКЭБ

объясняющей теории является то, что можно назвать теорией экономической безопасности. Связанные с ней гипотезы причинно-следственных связей и механизмов функционирования объекта-референта ориентированы на объяснение, прогнозирование объекта, решение проблем ЭБ в конкретно-историческом контексте.

Базовые понятия, на которых построена ОКЭБ, соответствуют условию Ф. Оппенхайма [цит. по: 1, р. 7], оказываясь пригодными для функционирования в гипотезах и теориях с объяснительной и прогностической силой (объясняющий подход), а также не препятствующими эмпирическому исследованию (феноменология, понимающий подход). Такова, на наш взгляд, принципиальная логика построения теории ЭБ. Одна из возможных проблем связана с невниманием к построению ОКБ и, как следствие, ОКЭБ, без чего невозможно корректно использовать теоретическое знание в исследовании ЭБ. Другой проблемой может быть невнимание к ясной идентификации объяснительной экономической теории.

Понимающий и объясняющий подходы в контексте исторического исследования принимают форму презентистского и антикваристского [5]. Вероятно, впервые презентистский подход применен в исследовании национальной ЭБ Ю. В. Латовым [3, с. 5–7]. Можно полемизировать с автором по поводу варианта периодизации, однако бесспорно ценным представляется методологическое решение. Использование понимающего и объясняющего подходов в исследовании ЭБ неизбежно связано с рядом сложностей, анализ которых остался за рамками публикации.

Список источников

1. *Baldwin D.* The Concept of Security // *Review of International Studies*. 1997. № 23.
2. *Mesjasz C.* Security as Attributes of Social Systems. In: *Brauch H.G. et al. (eds) Globalization and Environmental Challenges. Hexagon Series on Human and Environmental Security and Peace, vol 3.* Springer, Berlin, Heidelberg. 2008.
3. *Латов В. Ю.* Национальная экономическая безопасность в историческом контексте // *Историко-экономические исследования*. 2007. Т. 8. № 1.
4. *Buzan B., Hansen L.* The Evolution of International Security Studies. Cambridge, 2009.
5. *Розов М. А.* Презентизм и антикваризм — две картины истории // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1994. № 3.

В. Н. Борков

(г. Омск)

Преодоление противоречий между формой и содержанием уголовного закона

При применении уголовного закона решается сложная задача преодоления противоречия между его формой и содержанием. Определив основанием уголовной ответственности «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления», законодатель обязал правоприменителя при квалификации делать суждение о содержании той или иной уголовно-правовой нормы на основе ее описания в УК РФ. На первый взгляд, здесь нет никакого противоречия. Формулировка состава запрещаемого преступления представляет собой упорядоченное, синтезированное описание всех посягательств данного вида, закрепление в законе присущих им объективных и субъективных признаков. Таким образом, содержание уголовного закона должно непротиворечиво выражать сущность соотношения между его текстом и криминальной реальностью. Развитие как самой преступности, так и наших представлений о ней, а также правосознания общества обрекают правоприменителя на периодическое разрешение сложного соотношения между текстом закона и пределами уголовно-правовой охраны применительно к конкретным случаям квалификации деяний, содержащих признаки преступлений.

Практика применения уголовного закона опровергает тезис о том, что форма — это фиксированная определенность некоторого содержания. С учетом повышенной опасности того или иного вида преступлений, а также для создания предпосылок их пресечения содержание нормы может быть подвергнуто коррекции. Так, Верховный Суд РФ в 2015 г. изменил толкование категории «сбыт наркотических средств» при неизменности текста ст. 228¹ УК РФ. Если до июня 2015 г. под сбытом наркотических средств предписывалось «понимать любые способы их возмездной либо безвозмездной передачи другим лицам», то после внесения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 изменений под незаконным сбытом наркотических средств предлагается «понимать незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию [1]. Представление о сбыте наркотиков не как о передаче, а как о деятельности, направленной на их реализацию, существенно расширяет пределы объективной стороны соответствующего посягательства.

В пункте 13.2 указанного постановления разъясняется: «Если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических

средств... незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти средства... тем самым совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по не зависящим от него обстоятельствам не передает указанные средства... приобретателю, то такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств...». Таким образом, покушением на совершение данного преступления могут быть признаны перечисленные действия и в случае, когда потенциальный приобретатель наркотических средств еще не определен или отсутствует. Указанное обстоятельство имеет значение при изобличении лица, занимающегося сбытом наркотиков, так как проведение оперативного мероприятия допустимо только после формирования у субъекта умысла на совершение посягательства, о чем свидетельствует начало выполнения им обновленной объективной стороны сбыта наркотических средств.

Согласно новому содержанию термина «сбыт», оперативная информация о хранении лицом наркотиков в целях их передачи другим лицам может быть признана основанием для проведения проверочной закупки, т. е. адресованного проверяемому инициативного предложения об их приобретении для последующего изобличения. Признание подобных действий провокационными исключает ссылка на то, что у проверяемого умысел на совершение преступления, предусмотренного ст. 228¹ УК РФ, сформировался до обращения к нему приобретателя наркотиков, так как он уже покушался на их сбыт. Приведенный пример иллюстрирует подвижность содержания уголовно-правовой нормы, обусловленной потребностью обеспечения наступательности в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств.

Сущностная сторона взаимосвязи формы и содержания уголовного закона показана в решениях Конституционного Суда РФ. Уголовный закон должен содержать запреты на совершение только общественно опасных деяний. «Вводимые законодателем меры уголовной ответственности... и их реализация в правоприменительной деятельности не предполагают ее возложения за деяния, лишь формально подпадающие под признаки статьи Особенной части УК РФ, но не представляющие того минимума опасности, которая является необходимым свойством преступления, либо представляющие опасность в столь малой степени, что восстановление нарушенных общественных отношений, социальной справедливости может быть обеспечено и при освобождении от уголовной ответственности или от наказания» [2]. Получается, что сущность

соотношения между текстом уголовного закона и его содержанием составляет общественная опасность запрещаемого посягательства. Если подлежащее уголовно-правовой оценке деяние таковым не является, то неверно утверждать, что оно формально и содержательно является преступлением.

Наиболее остро противоречие формы и содержания уголовного закона проявляется при оценке деяния как малозначительного. Только структурная похожесть деяния на один из составов преступлений, описанных в УК РФ, не всегда свидетельствует о содержательном соответствии, критерием которого является общественная опасность. «Выявление формальных признаков состава преступления в совершенном деянии не всегда предопределяет признание его преступным, поскольку содеянное в силу поведения самого виновного может и не достигать того уровня опасности, который легитимирует уголовное преследование. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, в правовой системе России преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, в силу малозначительности не может считаться таковым» [2].

Таким образом, дифференцируя ответственность за различные посягательства, законодатель формулирует их наиболее существенные и эксклюзивные отличительные признаки, что свидетельствует о нетождественном содержании уголовно-правовых запретов. При этом нужно понимать, что форма и содержание конкретных составов преступлений выступают различными сторонами сущности описываемых ими реальных посягательств общественной опасности. Если быть более точным, законодательное формулирование преступлений представляет собой только попытку выразить такую сущность. Предполагается, что преступление, предусмотренное одной нормой, от другого отличается характером их общественной опасности, который «определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления» [3]. Малозначительными признаются деяния, не достигающие криминальной степени общественной опасности, которая зависит «от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)...» [3]. Возлагаемая на правоприменителя обязанность

устанавливать не только формальную противоправность деяния, но и реальную степень его общественной опасности, предполагает соотнесение признаков содеянного с содержанием уголовно-правовой нормы, которые во взаимосвязи с текстом закона выражают характерную для посягательств определенного вида меру общественной опасности.

С учетом изложенного становится понятным значение общественной опасности в процессе квалификации преступлений. Тезис о том, что наряду с установлением в содеянном признаков состава преступления, предусмотренного в УК РФ, деяние следует оценивать с точки зрения достижения им необходимой степени общественной опасности, вовсе не означает, что опасность посягательства находится за пределами состава. Общественная опасность как сущность преступления [4, с. 17] примеряет и гармонизирует указанные в законе признаки с содержанием нормы. Если форма уголовно-правового запрета позволяет распространять его содержание на деяния, не обладающие «криминальной общественной опасностью», то он несовершенен. В таком случае неверно восполнять норму смыслами, лежащими за пределами состава. У проблемы могут быть две причины: норма была изначально небезупречна или содержание запрета перестало соответствовать изменившимся общественным отношениям и особенностям посягательств на них. Прошрое восприятие законодателем посягательств определенного вида перестало соответствовать их реальному содержанию. Актуализация содержания нормы осуществляется путем внесения изменений в уголовный закон.

Список источников

1. *О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. *По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. М. Деменьшиной* : постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 10-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Марцев А. И.* Преступление: социально-правовой анализ. Омск, 2012.

С. А. Бурьянов, М. С. Бурьянов

(г. Москва)

Права человека в контексте цифровых глобальных процессов и вызовов

В последние десятилетия развитие планетарных общественных, а также связанных с ними природных, техногенных и космических взаимодействий существенно ускорилось. При этом обусловленная неравномерностью развития разбалансированность глобальных процессов предопределила появление глобальных вызовов, многие из которых связаны с новыми цифровыми технологиями.

В конце XX — начале XXI вв. персональные компьютеры и сеть Интернет ознаменовали формирование планетарного информационного пространства и переход к эпохе информационной глобализации 3.0 с иными существенными экономическими возможностями для реализации потребностей людей, а также с новыми вызовами.

Чуть более пятнадцати лет назад начался переход к цифровой глобализации 4.0. И это уже не только доступ к глобальной информационной сети и возможности передачи информации. Современные исследователи отмечают фундаментальность происходящих общественных трансформаций в самом широком спектре областей, включая, для примера, искусственный интеллект (ИИ), роботизацию, Интернет вещей (ИВ), автомобили-роботы, трехмерную печать, нанотехнологии, биотехнологии, материаловедение, накопление и хранение энергии, квантовые вычисления.

Глобальные проблемы и необходимость достижения устойчивого развития последние десятилетия находятся в фокусе внимания ООН. В начале 2021 г. в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН на катастрофические риски новых технологий в очередной раз указал Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш [1].

Можно выделить ряд серьезных вызовов, порождаемых новыми цифровыми технологиями четвертой промышленной революции: крайне серьезной угрозой представляется милитаризация киберпространства и цифровая гонка вооружений; значительной угрозой правам человека могут стать основанные на цифровых технологиях системы слежения и идентификации; информационно-цифровое неравенство существенно усиливает чрезмерное социальное, культурное и экономическое неравенство. Можно назвать целый ряд угроз кибербезопасности; искусственный интеллект (ИИ) заслуживает отдельного упоминания, так как несет величайшие потенциальные возможности улучшения жизни людей во многих областях, но также может создать не менее мас-

штабные угрозы устойчивому развитию, безопасности и даже самому существованию цивилизации.

Далее рассмотрим перспективы преодоления цифровых вызовов глобальной безопасности 4.0 через развитие права, призванного урегулировать и сбалансировать упомянутые общественно-техно-природные и космические взаимодействия, создать необходимые условия для перехода к устойчивому развитию. Прежде всего, отметим необходимость формирования на планетарном уровне доступной для каждого интегрированной научно-образовательной системы, реализации программ доступности базовых услуг (включая образование и здравоохранение) и безусловного базового дохода на базе инновационной децентрализованной цифровой системы управления глобальными процессами, что может стать существенным шагом в направлении реализации прав человека, преодолении глобальных вызовов и достижении устойчивого управляемого развития цивилизации.

С учетом объективной тенденции перехода к цифровой глобализации 4.0, а также в связи с усилением новых цифровых угроз глобальной безопасности необходимым условием их преодоления является научная разработка, международно-правовое закрепление и реализация глобальных цифровых прав человека. Цифровые права человека — это принадлежащие каждому от рождения и закрепляемые в формах международного и внутригосударственного (а в будущем, в формах глобального) права возможности:

1) доступа к сети Интернет, средствам цифровой индивидуализации и хранения цифровых активов, а также к иным цифровым технологиям, защиты жизни, личных персональных, биометрических, биологических и прочих данных;

2) доступа к управлению делами общества (государственному, а в будущем — к системе глобального управления) через цифровые технологические платформы (комплексы);

3) в сфере владения, пользования и распоряжения цифровым имуществом (активами), осуществления цифровой экономической деятельности (транзакций, цифровых сделок и пр.), доступа к системам цифровой безопасности;

4) получения социальных услуг на базе цифровых технологических платформ;

5) цифрового доступа к культурным ценностям и образованию.

Подразумевается, что реализация упомянутых возможностей на основе равноправия и без дискриминации приведет к пользованию социальными благами в интересах развития и самореализации личности, в итоге — к устойчивому развитию глобального общества.

В целях научной разработки и международно-правового закрепления глобальных цифровых прав человека на базе Global Law Forum было сформировано сетевое сообщество и исследовано влияние цифровой фазы глобальных процессов 4.0 на права человека в контексте достижения целей ООН в области устойчивого развития. Также данная концепция была поддержана молодежными послами ЦУР ООН СНГ в ходе круглого стола по целям устойчивого развития Основной группы ООН по делам детей и молодежи (UN MGCY), организованного в рамках Политического форума высокого уровня по устойчивому развитию ООН (HLPF). Летом 2020 г. М. С. Бурьяновым был разработан проект Декларации глобальных цифровых прав человека, а в повестке дня World Economic Forum опубликована статья в ее поддержку [2].

Международно-правовая система норм и механизмов в области прав человека требует существенного реформирования в направлении формирования эффективных механизмов их реализации, включая существующие инструменты защиты. Принятие Декларации (а затем и пакта) глобальных цифровых прав человека на уровне ООН призвано запустить процесс обновления фундаментальных гарантий реализации прав человека в условиях неравномерного развития глобальных процессов и усиления цифровых угроз 4.0 [3, с. 36]. В современных реалиях жизненно необходимо создать курс цифровизации, ориентированный на развитие каждого человека и устойчивое развитие человеческой цивилизации, а также организовать внедрение технологий таким образом, чтобы максимизировать выгоды и сократить негативные непреднамеренные последствия и злонамеренное использование [4, с. 63–66].

Список источников

1. *Guterres advocates for digital world that ‘strengthens human rights, advances peace’*. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/09/1073292> (дата обращения: 21.04.2021).

2. *Burianov M.* Here’s why we need a Declaration of Global Digital Human Rights. World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/08/here-s-why-we-need-a-declaration-of-global-digital-human-rights/> (дата обращения: 21.04.2021).

3. *Бурьянов М. С.* Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. 2020. № 3.

4. *Бурьянов М. С.* Врата в глобальное право: глобальные цифровые права человека // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 2.

П. В. Векленко

(г. Санкт-Петербург)

Социальный контракт эпохи Потребления: сущность и значение

Пандемия, застигшая человечество в эпоху Потребления, обострила проблему взаимоотношений личности и государства. Предельная актуальность указанной проблемы не преувеличение — речь идет о выживании личности в биологическом значении. Указание на эпоху Потребления также не является чем-то надуманным: так или иначе различные национально-государственные «сегменты» мирового сообщества вступили в эру Консюмеризма, находятся на ее пороге или покидают ее в силу тех или иных обстоятельств. В целом Потребление, мировоззренчески и методологически, следует рассматривать как универсальный, тотальный феномен социальной реальности, давно вышедший за пределы экономических отношений [1]. Потребление в различных его аспектах, вариациях, стратегиях, необратимо изменило мир, и с этим следует считаться как с любым другим объективным фактором. Трансформации под влиянием Консюмеризма затронули не только массовую культуру, сферу производства товаров и оказания услуг, но политику и право в целом, а также представления об отношениях государства и личности в частности.

Тотальность заражения коронавирусом обнажает тотальность Потребления, прежде всего, как господствующей идеологии и паттерна массовой психологии — в условиях изоляции, остановки экономики и блокирования других, не менее важных элементов общественной жизни, в условиях нехватки денег, продуктов питания, лекарств, средств индивидуальной защиты каждый человек получает уникальную возможность переосмыслить свои отношения с государством. Действия должностных лиц, бюрократического аппарата по спасению граждан и поддержке экономики, прежде всего, малого и среднего бизнеса, демонстрируют, насколько справедливый «социальный контракт» заключен де-факто между личностью и государством, насколько хорошо он исполняется, в равных ли условиях с точки зрения выгоды находятся стороны, заключившие соглашение.

Эталонный социальный контракт в эпоху Консюмеризма видится таковым:

1. Государство и личность — равноправные участники соглашения, добровольно принимающие обязанности и получающие права и свободы. Гражданин обязуется быть законопослушным, государ-

ство — социальным. Гражданин платит налоги, государство распределяет полученные от налогообложения средства мудро и справедливо, для удовлетворения общих нужд: финансирует здравоохранение, образование, безопасность и т. д. Гражданин может свободно развиваться и трудиться во имя общего блага, государство обязуется всячески этому содействовать, создавая благоприятные условия для обучения и творчества. Социальный контракт эпохи Потребления в данном аспекте есть *логически необходимое продолжение современных либеральных [2] и социал-демократических [3] ценностей, воплощенных в учении о неотъемлемых правах и свободах человека.*

2. Государство и личность имеют право на принуждение друг друга к выполнению взаимных обязательств. Государство имеет право ограничивать граждан в правах и свободах во имя общего блага, например, в условиях пандемии, принуждать граждан к соблюдению закона и выполнению обязательств различными средствами, вплоть до привлечения к уголовной ответственности. Гражданин имеет право выражать протест в связи с неисполнением государством социального контракта различными способами, от массовых актов неповиновения, забастовок, манифестаций до расторжения социального контракта — отказа от гражданства. В этом смысле социальный контракт эпохи Потребления есть *результат эмансипации личности, освобождения современного человека от патриархального, сакрализованного, абсолютного и репрессивного государства.*

3. Государство и личность сосуществуют, сотрудничают в условиях свободной конкуренции. Государства конкурируют между собой за обладание «человеческим капиталом», люди конкурируют между собой за возможность быть гражданами наиболее справедливых, эффективных и социально-ориентированных государств. Довольно полная аналогия отношений — государство и личность взаимодействуют так же, как корпорация и сотрудник. Корпорация отыскивает и привлекает лучших сотрудников и создает для них благоприятные условия жизни, труда и отдыха, а «человеческий капитал», привнесенный сотрудниками, приносит корпорации прибыль. При этом и сотрудники, и корпорации вправе стремиться к лучшей жизни или большей прибыли. В данном значении социальный контракт эпохи Потребления есть не что иное как *последовательное воплощение принципов рыночной экономики, свободной конкуренции и инновационного производства, зависящего от человеческого капитала — знаний, навыков, креативности.*

Значение социального контракта эпохи Потребления:

— соглашение между государством и личностью, каким оно описывается в настоящем тексте, выполняет *ценностно-нормативную функцию*, устанавливая границы между допустимым и недопустимым, определяя систему ценностей, на основе которых осуществляется взаимодействие между индивидом и государством. Например, допустимо протестовать против коррумпированности (неэффективности) государства, но недопустимо препятствовать мирному протесту, или допустимо предъявлять высокие требования к «человеческому капиталу», обостряя конкуренцию между индивидами, и недопустимо уклоняться от исполнения обязательств перед государством и обществом (в лице работодателя), занимая позицию «социального паразита»;

— социальный контракт эпохи Потребления имеет огромное *мировоззренческое значение*, претендуя при этом на парадигмальный статус в современном мире. Как рациональная форма организации взаимовыгодного сотрудничества между личностью и государством на основе ценностей свободного рынка, прав и свобод человека, инновационной экономики, социальный контракт эпохи Консюмеризма отличается прагматичностью и космополитизмом, в него не интегрированы такие концепты, как «национальная идентичность», «патриотизм», «традиционная религиозность»;

— общечеловеческая значимость феномена Потребления определяет *прогностический потенциал* социального контракта как отражение объективных общественно-исторических закономерностей. Общества, устремленные к наиболее полной реализации консюмеристского контракта, образуют мейнстрим социального развития и претендуют, вполне обоснованно, на статус «прогрессивной части человечества». Общества, опирающиеся на архаичные модели общественного развития или находящиеся в поисках собственного «особого пути», с точки зрения экономической эффективности, технологического развития и человеческого потенциала, попадают в разряд маргинальных. Логика современного исторического развития ставит методологию марксизма с «головой на ноги» — не специфика производства и распределения материальных благ определяет надстроечные явления, а напротив, надстроечные явления, в частности политико-правовой режим, определяют экономическое развитие. Строителям «чучхе», «джамахирии» или «советского союза 2.0» не удастся создать ничего сопоставимого с Google, SpaceX или Amazon. Нарушение стандартов консюмеристского контракта как нежелание играть по общепринятым и объективно обусловленным правилам предсказуемо приводит общество к застою и деградации.

Представленная в данном тексте схематизация не претендует на полноту и обоснованность, но отражает в упрощенной форме зависимости в отношениях личности и государства, обнажившиеся в период пандемии.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006.
2. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Либерализм> (дата обращения: 01.05.2021).
3. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Социал-демократия> (дата обращения: 01.05.2021).

Т. В. Голованова

(г. Омск)

Эффективность административного наказания в виде предупреждения

Перечень видов административных наказаний, предусмотренный КоАП РФ, включает такой вид наказания, как «предупреждение», изучение эффективности которого, на наш взгляд, имеет важное научное значение и практическое применение. Современные ученые уделяют внимание предупреждению лишь при комплексном рассмотрении всех видов административных наказаний [1, с. 78–84]. Во второй половине XX в. исследователи высказывались об эффективности предупреждения, вместе с тем понимание сути предупреждения как административного наказания отсутствовало [2, с. 137–140]. Одни ученые видели широкую перспективу такого вида наказания, вплоть до вытеснения им иных видов административных наказаний, например, административного штрафа [3; 4]; другие считали предупреждение непродуктивным [5]. В настоящее время изучение смысла предупреждения отошло на второй план, уступив место процессуальной реализации, порядку назначения, его правовым последствиям, условиям замены административного штрафа на предупреждение и т. д. Только некоторые авторы начали предпринимать попытки изучения административных наказаний через призму административной пенологии, предметом которой выступает выявление эффективных наказаний, что, несомненно, является положительным сдвигом в институте административной ответственности [6].

На сегодняшний день предупреждение воспринимается в научном мире как данность, не требующая системного научного анализа. В России

предупреждение в качестве административного наказания применяется весьма широко. Так, за 2020 г. судьями предупреждение назначалось 808 024 раза, причем количество наказаний в виде предупреждения увеличивается ежегодно (в 2018 г. оно применено к 308 711 виновным лицам, в 2017 г. — 204 125, в 2016 г. — 163 131) [7]. Свидетельствует ли этот факт об эффективности административного наказания?

Опрос лиц, подвергнутых данному виду административного наказания, показал, что большинство из них считает понесенную юридическую ответственность за совершенное административное правонарушение не состоявшейся, а грозящей в будущем при учинении административного правонарушения повторно. Во многом такой результат можно объяснить неинформативным наименованием, не подходящим к названию наказания как окончательному решению, официальному порицанию государством противоправного поступка. Заметим, что в ст. 90 УК РФ предупреждение отнесено к числу принудительных мер воспитательного воздействия, которые могут быть назначены несовершеннолетнему. Причем применение данной принудительной меры видится в качестве освобождения от уголовной ответственности, назначается в случае предполагаемого достижения исправления несовершеннолетнего через принудительные воспитательные меры. То есть в одном кодексе «предупреждение» выступает наказанием, а в другом — избавлением от наказания. Особенно трудно иностранным гражданам, плохо владеющим русским языком, осмыслить наказание в виде «предупреждения», при переводе смысловая нагрузка сосредоточена на какой-то последующей ограничительной мере. Полагаем, название рассматриваемого вида наказания нужно изменить, законодателю следует использовать более точный термин, например, «административное замечание», «судебное замечание», как конечный продукт производства по делам об административных правонарушениях.

Анализ подробной статистики деятельности судов общей юрисдикции показывает, что судьи чаще всего назначают предупреждение физическим лицам, гражданам Российской Федерации. Практически не применяется предупреждение к юридическим лицам, крайне редко — к иностранным гражданам, лицам без гражданства. По мнению некоторых исследователей, это свидетельствует о «материальном давлении» судей, имеющем место в отношении юридических лиц [8, с. 62–64]. На наш взгляд, судьи чаще назначают административный штраф, из-за его ярко выраженной формы ответственности за совершенное правонарушение и несомненной эффективности, а предупреждение у право-

применителя скорее ассоциируется со снисхождением при назначении наказания, в некоторой степени даже способом ухода от ответственности. Судьи не рассчитывают направленно воздействовать на корреляцию морально-правовых установок личности виновного лица, когда к ответственности привлекается юридическое лицо. В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства непопулярность такого вида наказания, как предупреждение, у судей можно объяснить теми же причинами. В том случае, когда юрисдикционный орган желает назначить наказание, он выбирает административный штраф либо выдворение за пределы Российской Федерации, предупреждение назначается, когда от назначения наказания хотят уйти. Научные споры и позиция правоприменения свидетельствуют о непринятии сути предупреждения в качестве наказания за совершенное правонарушение, неверии в его эффективность. «Моральное воздействие», «морально-психологическое воздействие», «воспитательные меры» и прочие социальные настрои необходимо исключить из системы юридических норм, особенно из такого вида государственного принуждения, как наказание. Наказание — это мера юридической ответственности, а когда последствия совершенного правонарушения крайне благоприятны виновному лицу, суть ответственности утрачивается.

Негативное восприятие лицом, совершившим правонарушение, и должностным лицом, привлекающим к ответственности, предупреждения в качестве административного наказания при увеличении количества подобных наказаний в стране может крайне негативно сказаться на правоохранительной системе в целом. Подобная ситуация требует серьезного научного осмысления, которое может привести к полному исключению предупреждения из КоАП РФ в качестве меры юридической ответственности либо к переименованию и уточнению его содержания, которое должно более четко обозначить карательную профилактическую меру, свойственную административным наказаниям.

Список источников

1. *Институт административной ответственности* : монография / Камолов С. Г., Кириллова Е. А., Павлюк А. В. М., 2017.
2. *Мурзаibraимов Н. Б.* Оптимизация системы административных взысканий // Наука и новые технологии. 2012. № 8.
3. *Коренев А. П.* Убеждение и принуждение в деятельности советской милиции // Труды Высшей школы МООП РСФСР. М., 1965.
4. *Лунев А. Е.* Административная ответственность за правонарушения. М., 1961.

5. Манохин В. М. Советское административное право. Общая часть. Саратов, 1968.

6. Дерюга А. Н., Шаклеин С. Н. Пенология: антично-философские взгляды // Право и государство: теория и практика. 2018. № 6(162).

7. Отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2016–2018 гг.; 2020 г. (форма № 1-АП). URL: <http://www.cdcr.ru> (дата обращения: 21.05.2021).

8. Соболева Ю. В. Некоторые аспекты применения административного наказания в виде предупреждения к юридическим лицам // Административное право и процесс. 2018. № 9.

И. В. Демин

(г. Самара)

«Право на достойное существование» в русском либерализме конца XIX — начала XX вв.

(Б. Н. Чичерин и П. И. Новгородцев) *

Идея права на достойное существование в эксплицитном виде впервые была сформулирована Вл. С. Соловьевым («Оправдание добра», 1887), а впоследствии развита П. И. Новгородцевым, И. А. Покровским, Б. А. Кистяковским и некоторыми другими теоретиками российского либерализма.

В социальном либерализме П. И. Новгородцева традиционная проблематика философии права, связанная с понятиями свободы и справедливости, переосмысливается в свете фундаментального принципа права на достойное существование. Ученый усматривал коренную ошибку старой юридической школы в том, что она, провозглашая *формальные* гражданские и политические свободы и *формальное* равенство граждан перед законом, выносила за скобки вопрос о *реальном* социально-экономическом неравенстве, игнорировала проблематику *материальных* условий осуществления свободы. «Эта теория, — писал П. И. Новгородцев, — забывает, что *пользование свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств*» [1, с. 5–6] (курсив мой. — И. Д.). В этом тезисе содержится одна из ключевых презумпций

* Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ».

социального либерализма, закладывается новое понимание общего характера и задач государственно-правового регулирования общественной жизни.

Стремясь отмежеваться как от социалистического утопизма, так и от классического либерализма XIX в., Новгородцев настаивал на том, что понятие права на достойное существование не *отменяет*, но *восполняет* восходящую к философии Просвещения идею свободной, морально автономной личности: «Именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях ее осуществления; во имя достоинства личности оно должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное человеческое существование» [1, с. 6].

Право на достойное существование, согласно взглядам Новгородцева, не может рассматриваться как только *моральное* право личности (такая точка зрения вполне согласуется с презумпциями как классического европейского либерализма, так и либерального консерватизма Б. Н. Чичерина), это право должно быть конкретизировано и зафиксировано *законодательно*. Иными словами, *право личности* на достойное существование предполагает *обязанность государства* обеспечить каждому гражданину некоторый минимум благосостояния и социальных гарантий.

Руководствуясь восходящим к кантовской моральной философии представлением о непреодолимой, неснимаемой оппозиции между сущим и должным, наличной действительностью и общественным идеалом, Новгородцев отмечал, что законодательное закрепление права на достойное существование само по себе не гарантирует осуществления идеала свободной и автономной личности: «Когда говорят о *праве* на достойное человеческое существование, то под этим следует разуметь не положительное содержание человеческого идеала, а только отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни» [1, с. 4]. Требование материальных условий реализации свободы в концепции П. И. Новгородцева имеет скорее отрицательный, чем положительный характер. Оно предполагает *исключение* тех условий жизни и труда, которые заведомо несовместимы с идеей человеческого достоинства.

Рассмотрим, какие возражения и контраргументы могут быть выдвинуты против идеи права на достойное существование, если исходить из положений и презумпций философско-правового учения Б. Н. Чичерина.

Прежде всего, возложение на государство ряда социальных обязательств (в том числе задачи обеспечения некоторого минимума со-

циального благосостояния) в рамках модели либерального консерватизма предстает не в качестве *преграды* на пути социалистического радикализма и разрушительного революционизма, но как *уступка социализму*.

С позиций философско-правового учения Б. Н. Чичерина, комплекс государственно-принудительных мер, направленных на обеспечение «материальных условий свободы», предстает не как *восполнение* и *наполнение* формальной свободы, но как ее *нарушение*, не как реализация идеала справедливости, но как отступление, отказ от этого идеала. «Не право на пользование жизненными благами, а право на свободную деятельность для приобретения этих благ принадлежит человеку; то есть ему может быть присвоено равенство формальное, а никак не материальное» [2, с. 594]. Для Чичерина справедливым является «нормальное распределение неравенства» [2, с. 260], тогда как социалистическое государственно-принудительное равенство предстает как в высшей степени несправедливое, поскольку оно предполагает ущемление прав сильных в угоду слабым [2, с. 262].

Наиболее отчетливо несовместимость двух политико-правовых моделей (социального либерализма и либерального консерватизма) проявляется в вопросе о соотношении морали и права.

Б. Н. Чичерин в своей трактовке социальной политики исходил из того, что границы между моральными и правовыми нормами являются неизменными и незыблемыми [3, с. 88–92]. Из моральной *обязанности* помогать социально слабым, незащищенным слоям не может быть выведено *право* на получение *гарантированной* помощи со стороны государства. Проистекающая из человеколюбия забота о бедных, с точки зрения мыслителя, является делом частной, общественной и государственной *благотворительности*. Последняя по самой своей природе не может рассматриваться как законодательно закрепленное *обязательство* частных лиц, учреждений или государства.

П. И. Новгородцев же исходил из принципиально иного понимания соотношения морали и права. Признание за правом на достойное существование не только *нравственного*, но и *юридического* значения оказывается возможным благодаря тому, что границы между областью морали и областью права *подвижны*: определенные моральные нормы могут и должны приобретать правовой статус. Прогрессивное развитие права ученый связывал именно с такими переходами «нравственного сознания в правовое» [1, с. 3]. Новгородцев, как и Чичерин, апеллировал к принципу справедливости, однако под справедливостью в рамках доктрины

социального либерализма понимался уже не формальный принцип юридического равенства граждан, а требование обеспечения каждому *определенного минимума материальных благ*.

Список источников

1. Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование // О праве на существование. Социально-философские этюды П. И. Новгородцева и И. А. Покровского. СПб.; М., 1911.
2. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. СПб., 2005.
3. Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900.

М. А. Засыпкин

(г. Омск)

Права и свободы личности в системе взаимосвязанных понятий: потребности, интересы, ценности

Права и свободы человека являются важной гуманистической ценностью, главным достижением современной цивилизации. В иерархии ценностей государства институт прав и свобод должен находиться на первом месте, так как представляет важный фактор обеспечения национальной безопасности государства.

Борьба за права человека сопровождает всю историю развития человечества, независимо от исторической ступени развития.

Права и свободы личности определяют баланс государственных, общественных и частных интересов. Их можно рассматривать как один из способов, средств регулирования отношений человека с одной стороны, и с другой — той общностью и того государства, в котором он проживает. Права и свободы в современном демократическом обществе выступают и мерилom цивилизованности.

Человек как представитель человеческого рода наделен правами. Они отражают его насущные потребности, поскольку исходят из его биологических и социальных начал. Права каждого позволяют реализовать жизненную потребность в самовыражении личности, свою всегда уникальную, неповторимую индивидуальность, признавать и защищать свою самобытность. Права выступают мерой свободы, равенства и справедливости в социальном положении человека и моделью взаимоотношений индивида и власти на принципах партнерства и взаимоуважения.

Закрепление прав и свобод человека и гражданина в законодательстве гарантирует реальность прав и свобод, а также возможности их

защиты и охраны. Это является первостепенной задачей современного демократического государства, общества, а не только личным делом носителя прав и свобод — отдельного человека.

Права и свободы являются духовно-нравственной основой права вообще и прав гражданина. Они неразрывно связаны не только с государством и правом, но еще в большей мере с культурой, моралью, философией, т. е. с гуманитарным знанием, раскрывающим, прежде всего, суть и природу общечеловеческих ценностей и интересов.

Права человека как вид субъективного права связаны с возможностями удовлетворения его потребностей в материальной и духовной сферах. Удовлетворение одних потребностей не означает их прекращение, после удовлетворения возникают новые запросы, требующие удовлетворения. Потребности позволяют преобразовывать объективную нужду в субъективные требования. Человеческие потребности порождают интерес, который выступает движущей силой в установлении правовых связей человека и определяет его отношение к реализации прав (использование прав, соблюдение правовых предписаний и запретов, исполнение возложенных обязанностей).

Понятие «интерес» не является чисто юридическим. В этом понятии аккумулированы знания из социологии, философии, психологии. Посредством категории «интерес» раскрывается взаимосвязь между объективными процессами развития и поведением (действиями) человека. Интересы личности воплощаются в процессе реализации конституционных прав и свобод. В праве интерес рассматривается в качестве материального основания прав. Это означает, что интерес возникает в сознании людей и представляет собой осознанную потребность.

Исходя из этого можно выделить следующую закономерность — все действия субъектов права, их поведение обусловлено определенными видами интересов. Роль права состоит в закреплении интересов личности, общества и государства, имеющих ценностный характер. Закрепленные в законодательстве меры дозволенного поведения предоставляют субъектам права воспользоваться правовыми возможностями в целях удовлетворения своих интересов. Субъективные права выступают способом правового обеспечения интересов участников правовых отношений.

Объективное право (действующее законодательство) воздействует на общество, стимулируя появление разных видов общественных отношений через интересы. Интересы, в свою очередь, должны пройти через сознание людей, что они осознали свои потребности и начали реализовы-

вать свои субъективные права. Интересы являются предметной формой выражения ценностей в конкретных исторических условиях развития государства. Национальные ценности формируются в ходе исторического процесса с учетом духовных, культурных и материальных национальных особенностей.

Сложившуюся систему ценностей в России, как и любую систему, можно представить в виде системы ценностей индивида, системы ценностей общества и системы ценностных приоритетов государства. При этом ценностные ориентиры принято считать вечными (постоянными) категориями, а национальные интересы, как и национальные цели, — подвижными, переменными категориями, зависящими от объективных внутренних и внешних условий развития общества и государства.

Система ценностей есть связующее звено между потребностями и интересами личности, общества и государства. Ценностные ориентиры выступают в качестве стимула для активных действий субъектов общественных отношений. Общая функция права, связанная с реализацией прав и свобод личности и ее интересов, заключается в обеспечении всеобъемлющего целенаправленного правового регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения национальной безопасности, но с учетом интересов общества и государства. При правовом регулировании должны быть учтены признаки всех основных элементов интересов личности, общества и государства, благодаря чему интерес получит ценностную правовую организацию.

Ю. Л. Корабельникова

(г. Москва)

К вопросу о балансе свободы реализации и ограничений прав человека в городских условиях

В настоящее время примерно 56% мирового населения проживает в городах. В России доля городского населения составляет более 2/3 жителей страны, т. е., по сути, мы живем в «городском государстве» [1, с. 308]. Данное обстоятельство накладывает серьезный отпечаток на возможности реализации прав и свобод личности.

С одной стороны, человек имеет большой объем прав и законных интересов, которые могут быть им использованы ежедневно. Это обусловлено постоянным совершенствованием разных сфер жизнедеятельности населения: системы безопасности, причем, в самом широком смысле,

жилищно-коммунального хозяйства, социального обслуживания, транспорта, сферы услуг, клиентского обслуживания и многих других. Особенно это характерно для крупных городов, мегаполисов. Сегодня уже и городские власти и тем более предпринимательское сообщество понимают, что главное, ради чего создаются и развиваются новые технологии, — это человек. На основании поведения человека собираются те самые данные, из которых можно не только сделать выводы о личности и интересах клиента, но и подобрать подходящий для пользователя способ подачи информации. Именно этим обусловлено все большее распространение концепции «Умный город», способствующей созданию комфортных условий для жизни человека в городе, основной задачей реализации которой является обеспечение безопасности человека в городе и города для человека.

С другой стороны, жизнь в городском социуме влечет серьезные ограничения личной свободы человека, как бы это парадоксально не звучало. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [2, с. 105]. Этой фразе В. И. Ленина более ста лет. И конечно, сегодня ей придается иное значение, чем самим автором. Она весьма актуальна и может быть использована при характеристике городского образа жизни, когда человек постоянно пребывает в общественных отношениях, даже находясь в личном пространстве, например, в собственной квартире.

В условиях процессов урбанизации роль права существенно увеличивается, поскольку в городе общественные отношения более формализованы, а значит, их проще урегулировать нормами права. В сельской местности, деревне, где численность жителей небольшая, многие знакомы друг с другом или даже состоят в родственных отношениях, в течение длительного времени формируются обычаи, традиционный уклад жизни. В связи с этим многие сферы жизнедеятельности регулируются моральными нормами, устоявшимися правилами, что обусловлено патриархальным образом жизни. Сельским жителям, как правило, не требуется формального источника урегулирования общественных отношений, за длительное время ими выработаны традиции и обычаи, являющиеся основным регулятором общественных отношений. Противоположную ситуацию мы наблюдаем в городской среде. Здесь ритм жизни значительно выше, нет времени на выработку и поддержание обычных норм, которые могли бы выступать основным регулятором общественных отношений, в связи с чем проще, быстрее и эффективнее урегулировать общественные отношения с помощью правовых норм.

В результате особенностью городской жизни становится постоянное нахождение горожанина в правоотношениях. Вся жизнедеятельность

человека урегулирована правом. Важно соблюдать правила общежития, правила дорожного движения независимо от статуса пешехода или водителя, правила нахождения в парках, местах проведения культурно-массовых событий и иных общественных местах. Права на личную свободу, свободу личного пространства при их регулировании на конституционном уровне, установлении механизмов охраны и защиты получают все большие ограничения, и это объективная закономерность. Проблема здесь заключается в том, что необходимо определить, в какой мере эти ограничения применимы, а также разрешить дилемму, при которой государство является субъектом обеспечения личных прав и свобод человека и вместе с тем основным субъектом их ограничения [3, с. 27].

В современном мире в условиях все большего применения информационных технологий в городском пространстве вопрос о пределах ограничения прав человека стоит весьма остро. Например, система видеонаблюдения в Москве включает 300 тысяч камер. Внедряемая система распознавания лиц — это лишь процесс автоматизации, а система отслеживания действует уже давно [4]. При рассмотрении вопроса о балансе обеспечения и ограничения прав человека уместно привести точку зрения генерального директора одной из крупных технологических компаний NtechLab А. Минина: «Понятие приватности нужно оставить в XX веке. В XXI оно неприменимо. Все будут знать про вас все, это лишь вопрос времени. И вы от этого только выиграете» [4]. Пока для конституционно-правовой науки эта категоричность не столь очевидна, поскольку противоречит природе постулата о том, что права и свободы являются высшей ценностью. Тем не менее, если это позволит достичь защищенности граждан в различных сферах: личной, военной, социальной, экономической, информационной и других, возможно, чаша весов перевесит в сторону обеспечения безопасности.

Список источников

1. *Город* в теории и практике: правовые и урбанонологические аспекты : монография / под общ. ред. В. В. Таболина. М., 2020.
2. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М. Т. 5: май–декабрь 1901. М., 1959.
3. *Грищенко Л. Л.* Градостроительная безопасность // Градостроительное право. 2019. № 2.
4. *Минин А.* Понятие приватности нужно оставить в XX веке // Сетевое издание RB.RU — независимое издание о технологиях и бизнесе, организатор мероприятий и создатель сервисов для предпринимателей, инвесторов и корпораций. Учредитель ООО «Русбейс». М., 2021. URL: <https://rb.ru/longread/ntechlab-ceo/RB.RU> (дата обращения: 11.04.2021).

Н. А. Шавеко

(г. Ижевск)

Права человека и его достоинство: к вопросу о нормативных обоснованиях прав человека

Права человека — общепризнанная ценность. Само понятие прав человека справедливо считается западным продуктом. Уважение прав человека является одним из основных принципов международного права, который не вправе нарушать ни одно государство. В национальных конституциях, как правило, права человека фиксируются как фундамент национального правопорядка. Но какова идеологическая (ценностная) основа прав человека? Анализ международных (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и др.), а также национальных правовых документов (например, Основной закон ФРГ) показывает, что ключевую роль в этой основе играет понятие человеческого достоинства. Именно присущее каждому человеку равное достоинство является основанием всей системы прав человека [1, с. 19–31].

Но что означает это достоинство? Ведь в правовых документах имеется лишь отсылка к нему. Раньше достоинство человека зависело не только от его качеств, способностей и поступков (например, от того, насколько искусным охотником или воином он является), но также и от его происхождения, членства в коллективе, знатности и социального статуса (например, цари и благородные сословия обладали несравненно большим достоинством): идея общечеловеческого достоинства, равно как и общечеловеческой нравственности, была долгое время неизвестна. С распространением христианства в Западной Европе получает поддержку взгляд на человека как на «образ и подобие Божие», поэтому наряду с прежними критериями человеческого достоинства люди начинают наделяться достоинством и сами по себе как носители свободной воли (Пелагий, Аквинский, Мирандола и др.). Лишь в Новое время появляются учения, не просто признающие достоинство человека как таковое, но и отрицающие зависимость достоинства от происхождения, сословия и знатности (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.), что кристаллизировалось в Декларации независимости США 1776 г. [2, с. 6–80]. В это же время в рамках проекта Модерна возникают представления об универсальной нравственности. В результате, если раньше достойными считались только люди, принадлежащие к некоей социальной группе либо обладающие качествами, ценимыми локальной моралью, то теперь

достоинство признается за каждым, а достойными называются качества, соответствующие универсальной морали [3, с. 27–29; 4, с. 57–64; 5, с. 21–33].

Унижением человеческого достоинства при таком (узком) подходе считается либо отрицание за человеком как моральным существом возможности свободного выбора, самореализации и всестороннего развития (см., напр.: ст. 7, ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, преамбулу, ст. ст. 1, 5, 22, 23 Всеобщей декларации прав человека), либо действие, которое дает необоснованный повод усомниться в соответствии морального облика конкретного человека принятым в обществе стандартам (ст. 5.61 КоАП РФ, ст. 128¹ УК РФ, ст. 152 ГК РФ).

Изложенное позволяет выявить непреходящую двойственность понятия человеческого достоинства: с одной стороны, человек обладает достоинством сам по себе или как член группы, с другой — лишь как отвечающий определенным критериям нравственности или обладающий определенными способностями или качествами. У И. Канта, уделившего человеческому достоинству много внимания, можно обнаружить, что, во-первых, достоинство человека означает его бесценность и связано со способностью человека самостоятельно устанавливать себе закон; во-вторых, человек, который не реализует свою способность следовать всеобщему закону, не обладает достоинством [6, с. 96, 98–99, 182, 189, 197, 232]. По Канту, безусловным достоинством обладает только человечество как носитель способности реализовать идею автономной воли, а достоинство конкретного человека зависит от реализации им данной идеи.

При обращении к учению И. Канта о праве можно заключить, что право для него является в некотором смысле лишь средством морали. Он пишет, что «право — это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [6, с. 285]. Но что это за всеобщий закон? Думается, это закон нравственный. Речь идет о таких правилах поведения, которые избрала бы автономная воля, и которые поэтому могут быть всеобщими. Именно их дозволяет и предписывает право. Запрещает же оно те правила поведения, которые всеобщими быть не могут. Единственное, что право не может — это заставить человека поступать не просто в соответствии с такими правилами поведения, а из уважения к ним и к обуславливающему их категорическому императиву. Сказанное означает, что право не дозволяет безнравственные поступки (те, которые неправильны независимо даже от мотива, которые автономная воля вообще не могла бы

желать). Право, таким образом, не должно допускать недостойного поведения. И это важно понять, если мы хотим обосновывать права человека через понятие человеческого достоинства.

Дело в том, что если мы понимаем права человека как естественные и неотчуждаемые, т. е. принадлежащие человеку как таковому, то никакой зависимости от нравственности здесь нет. Получается очевидное упущение, когда для обоснования прав человека используется только одна из граней понятия человеческого достоинства. Фактически речь идет о свободе без ответственности, о свободе как вседозволенности.

Сегодня далеко не все ученые согласны с тем, что права человека вообще должны иметь единое нормативное обоснование. Одни — потому что считают ценность прав человека очевидной [7, р. 190], другие — потому, что плюрализм последних моральных оснований неискореним [8, р. 124–144]. Но те авторы, которые все же пытаются найти нормативные обоснования прав человека, как правило, ссылаются на идею, согласно которой каждый человек волен по собственному усмотрению выбирать свой образ жизни, конкретные занятия и жизненный путь, и необходимо всесторонне обеспечить его возможностью такого выбора. Речь идет о восприятии человека как «морального агента» или, шире, «нормативного агента» или даже «рационального агента» (Э. Эшфорд, А. Гевирт, Дж. Гриффин, Б. Оренд, Г. Шу и др. [9–13]). Моральные добродетели при этом рассматриваются лишь как средства, обеспечивающие функционирование человека как такого «агента», т. е. не справедливое устройство общества видится средством для торжества морали (как это имеет место у Канта), а наоборот. Нравственный компонент в обосновании прав человека фактически отсутствует. Таким образом, один из двух аспектов понятия человеческого достоинства в идеологии прав человека оказывается устранимым.

Сказанное подводит нас к вопросу о соотношении права и нравственности. Возможно, проблема с современным обоснованием прав человека обусловлена следующим. Кант полагал, что существуют некие универсальные правила, образующие единый идеал поступков, и только они могут быть универсализированы. Но, как писали более поздние авторы, универсализировать можно практически любое правило. В результате сегодня принято разграничивать идеал права, позволяющий каждому реализовывать свои жизненные стратегии в той степени, в которой это не вредит аналогичной возможности других людей, и идеал морали, которая накладывает ограничения на эти жизненные стратегии даже там, где препятствий для других жизненных стратегий не создается. Право стало

пониматься как «минимум нравственности», причем, именно универсальный, а остальное (собственно нравственность) стало восприниматься как нечто культурно обусловленное. Но при таком понимании совершенно не ясно, почему нельзя использовать юридические инструменты для претворения в жизнь в том числе и идеала морали. Как представляется, сложившаяся либеральная трактовка прав человека подспудно предполагает верховенство правового идеала над моральным, но для обоснования этого тезиса прибегает к моральным по существу аргументам, и поэтому данная трактовка является противоречивой. Если же моральный идеал не ниже по своей значимости, чем идеал правовой, то это означает, что средства для реализации индивидом своих жизненных стратегий могут быть ограничены по основаниям, не связанным непосредственно с необходимостью предоставить аналогичные средства другим индивидам. И в этом смысле весьма убедительна ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая допускает ограничения прав человека в целях защиты нравственности. Проблема в том, что для определения допустимости тех или иных ограничений мы должны иметь не только убедительную теорию прав человека, но и убедительную моральную теорию. Тот факт, что универсализировать можно все что угодно, еще не дает карт-бланш либеральной точке зрения, что мы должны позволить каждому делать абсолютно все, что угодно, если это не вредит другим. Впрочем, и демократическая точка зрения, согласно которой нравственные ценности, навязываемые обществом, должны определяться волей большинства его членов, также еще нуждается в обосновании. Я лично склоняюсь к позиции, что если права человека играют роль основания всей правовой системы, то и лежащая в них ценность должна просто постулироваться как высшая «моральная истина». Если так, то она может быть как либеральной, так и нелиберальной. При этом, если мы придерживаемся этического когнитивизма (представления о том, что «моральная истина» познаваема), то лежащая в основе прав человека ценность должна быть еще доказана с помощью соответствующих методов, но характер этих методов — предмет уже другого исследования. Будет ли эта ценность совместима с либерализмом — тоже спорный вопрос.

Список источников

1. *Бондарь Н. С.* Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4.
2. *Дробышевский С. А., Протопопова Т. В.* Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве. Красноярск, 2009.

3. Власова О. В. Формально-правовое закрепление ценности «человеческое достоинство» // Вестник ЮГУ. 2007. № 2(7).
4. Коломиец Г. Г., Воронаева Ю. П. Этика человеческого достоинства в новое время // Вестник ОГУ. 2015. № 3(178).
5. Кузнецов В. В. Власть духа как сущность человеческого достоинства // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 21-1.
6. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб., 2007.
7. Etzioni A. The Normativity of Human Rights Is Self-Evident // Human Rights Quarterly. 2010. Vol. 32. No. 1.
8. Taylor Ch. Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights. // The East Asian Challenge For Human Rights. / Ed. J.R. Bauer and Daniel A. Bell. Cambridge, N. Y., 1999.
9. Ashford E. The Alleged Dichotomy Between Positive and Negative Rights and Duties // Global basic rights // Ed. by Ch.R. Beitz and R.E. Goodin. Oxford, N. Y., 2009.
10. Gewirth A. Why There Are Human Rights. // Social Theory and Practice. 1985. No. 2. Vol. 11.
11. Griffin J. Discrepancies between the Best Philosophical Account of Human Rights and the International Law of Human Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. 2001. Vol. 101.
12. Orend B. War and international justice. A Kantian perspective. Waterloo (Ontario), 2000.
13. Shue H. Basic rights: subsistence, affluence and U.S. foreign policy. Princeton, 1980.

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Д. Н. Ахметзянова

(г. Санкт-Петербург)

Степени свободы социального пространства «умного города»: новая утопия или цифровой паноптикон

Современный город, будучи величайшим творением человечества, во многом является пространственным воплощением концепции общественного договора. Его подчеркнуто противоречивая природа становится неиссякаемым источником новых возможностей и конфликтов, когда горожанин сталкивается с необходимостью взаимодействия с принципиально отличающимися от его субъективных представлений о норме. Однако несмотря на озвученные еще у Тенниса различия между деревенской общиной и городским обществом [1] и тот факт, что для жителя города характерно по меньшей мере интуитивное понимание, что свобода его действий, вероятнее всего, заканчивается там, где начинается свобода его ближнего, на данный момент сам современный город все чаще ставит под вопрос существование границы между общественным и частным, помещая элементы своих подсистем под постоянное наблюдение [2; 3].

Концепция «умного города» как осмысленная попытка применения стратегического подхода к городскому планированию уже в начале своего появления подверглась критике в связи с потенциальной коммерциализацией общественных благ, вопросами кибербезопасности, а также рядом этических проблем, вызванных нарушением права на неприкосновенность частной жизни [4]. Возможно, усложнение и цифровизация городских систем не должны оказывать подобный эффект, но позиционирование города как технологичного сервиса, а горожанина — как его потребителя, применяющиеся с самыми неолиберальными намерениями принципы таргетирования и индивидуализации предложения, а также нарастающая потребность

в персональных данных горожан [2–4] с определенной долей неловкости ставят во главу угла материальную выгоду в ущерб социальным функциям [2; 4].

Рассматривая тему города и приватности, следует обратиться к книге «Город Кварца» М. Дэвиса, где воссоздана «наглядная картина строго бинарного мегаполиса» [4; 5]. Автором осуществлен детальный обзор городского пространства Лос-Анджелеса конца XX в.: описывая последствия экстенсивной и экспансивной глобализации, градостроительных практик, отражающих одержимость страхом и идеей безопасности, он критикует разрушение демократического общественного пространства и коммерциализацию пространства города, утратившего свои основные социальные функции [4–6].

В статье «Smartmentality: The Smart City as Disciplinary Strategy» вводится термин «smartmentality» для описания того, как с помощью интеллектуальных сетей, диспетчерских пунктов и приложений для смартфонов формируется предсказуемое, управляемое поведение горожан [4; 7], возможно ли, что искаженный, выхолощенный образ «тюремного архипелага» Дэвиса есть не что иное как smart city, где люди «вовлечены в ситуацию власти, носителями которой они сами же являются». «Нам нечего скрывать друг от друга. К тому же это облегчает тяжкий и высокий труд Хранителей. Иначе мало ли бы что могло быть. Возможно, что именно странные, непрозрачные обиталища древних породили эту их жалкую клеточную психологию. „Мой (sic!) дом — моя крепость“ — ведь нужно же было додуматься!» [8], — что бы ни ожидало нас в реалиях XXXII в., в ряде современных smart city похожие настроения можно наблюдать уже сейчас. В 2017 г. Сингапур впервые был признан самым «умным» городом планеты, и с тех пор его цифровая начинка, оптимизирующая трафик и управление ресурсами с помощью датчиков, беспилотников и облачных сервисов, лишь продолжает совершенствоваться [9]. Однако здесь нужно помнить о том, что за Сингапурским экономическим чудом стоит авторитарный режим, весьма чувствительный к собственной критике и не очень готовый оказывать поддержку тем своим гражданам, кто в ней нуждается больше всего [10; 11].

В конечном итоге можно прийти к выводу, что в случае современного города и smart city, в частности, по-прежнему актуален классический сюжет: ценой ощущения безопасности становится усугубление проблемы социального неравенства, всеобщая паранойя и нарушение свобод наиболее уязвимых социальных групп, подтверждением чему стал кризисный период пандемии 2020 г.

«Пораженный чумой город, насквозь пронизанный иерархией, надзором, наблюдением, записью; город, обездвиженный расширившейся властью, которая в той или иной форме воздействует на все индивидуальные тела, — вот утопия совершенно управляемого города» [12, с. 290]. Вписавшись в контекст уже существовавших вирусных метафор, применявшихся к социальным явлениям XXI в., пандемия COVID-19 — это и лакмусовая бумага, и катализатор. Всемирный локдаун и использование приложений для отслеживания контактов с зараженными, «масочники» и COVID-диссиденты, отсутствие доступа к общественным благам, геотаргетинг и штрафы за нарушения карантинных мер [13] — миллиарды людей по всему миру ежесекундно сталкиваются с выбором: должен ли я учитывать свободы другого человека, если только что были нарушены мои? Между тем ограничения пандемии ускорили ответное развитие и усложнение цифровых двойников современных городов. Теперь это не просто один из слоев для выборочного взаимодействия, но прочно спаянная с городскими системами обязательная часть — часть, снова и снова подрывающая права горожан, нередко вне зависимости от их социального статуса. Но в условиях пандемической реальности горожане сами готовы отдать ключи от своей свободы: возможности «умного города» выглядели и выглядят настоящей панацеей, поэтому нет ничего удивительного в том, если люди готовы довериться им с целью расширить ограниченный доступ к общественным пространствам, цифровым сервисам и технологиям, и, обеспечив еще большую открытость своих данных, замереть в ожидании новых варваров.

Сквозь фильтр концепции «умных» технологий нередко ситуация выглядит так, словно современный город — это больше, чем населяющие его люди, больше, чем всего лишь сотворенный ими артефакт, но не является ли это очередной иллюзией? Четвертая промышленная революция, которая происходит на наших глазах, тесно сопряжена с концепцией Общества 5.0 [14], когда основным приоритетом социально-экономического развития становятся знания [14], но следует помнить, что аккумуляция знаний возможна лишь в том случае, если основные акторы обладают возможностью участвовать в процессе напрямую. Безусловно, город формирует горожанина, но в сравнении с городом, даже самым технологичным, первичен человек, и опыт пандемии свидетельствует о том, что социальный капитал наших городов является и отправной точкой, и способом, и целью на любом уровне работы городских систем.

Список источников

1. Горнова Г. В. Урбанизм и антиурбанизм в западной философии конца XVIII — середины XX века // Вестник МГУКИ. 2010. № 4(36).
2. *Edward W. Soja*. Postmetropolis: critical studies of cities and regions. London, 2002.
3. Таунсенд Э. М. Умные города: большие данные, гражданские хаке-ры и поиски новой утопии. М., 2019.
4. *Kitchin R., Cardullo P., Di Feliciano C.* Citizenship, Justice and the Right to the Smart City. URL: https://www.researchgate.net/publication/328397574_Citizenship_Justice_and_the_Right_to_the_Smart_City (дата обращения: 02.05.2021).
5. *Davis M.* City of Quartz. Excavating the Future in Los Angeles. London, Verso, 2006.
6. Бирюков А. А. Город из кварца на планете трущоб: о радикальной урбанистике Майка Дэвиса. URL: <http://sosis.isras.ru/files/File/2019/8/Biryukov.pdf> (дата обращения: 01.05.2021).
7. *Vanolo A.* Smartmentality: The Smart City as Disciplinary Strategy. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0042098013494427> (дата обращения: 01.05.2021).
8. Замятин Е. И. Мы. URL: <https://xn7sbb5adknde1cb0dyd.pф/замятин-мы/4> (дата обращения: 01.05.2021).
9. Филипенко А. Эксперты назвали самый «умный город». URL: <https://www.rbc.ru/society/13/03/2018/5aa7953c9a79470c2d99f35c> (дата обращения: 02.05.2021).
10. *Minmin L.* The Singapore Model: Advocacy in an Authoritarian State. URL: <https://thediplomat.com/2020/02/the-singapore-model-advocacy-in-an-a> (дата обращения: 01.05.2021).
11. *Teon A.* Singapore as a pioneer of capitalist authoritarianism. URL: <https://www.aristion.net/2019/04/singapore-as-pioneer-of-capitalist.html> (дата обращения: 01.05.2021).
12. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
13. Google запустила отслеживающий передвижения людей при пандемии сервис. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/04/2020/5e875fb92ae596 (дата обращения: 01.05.2021).
14. *Hitachi-UTokyo Laboratory (H-UTokyo Lab.).* Society 5.0: A People-centric Super-smart Society. Singapore, Springer, 2020.

Д. Е. Баталов

(г. Омск)

Безопасность как общественная ценность

Самым главным для человека является ощущение счастья. Многие философы и ученые изучали этот вопрос. Одной из самых доступных для понимания считается работа А. Маслоу — знаменитая иерархическая пирамида потребностей, исходя из которой человек ощущает себя счастливым в зависимости от степени удовлетворения своих потребностей. Это позволяет ему делать себя и общество вокруг лучше. Самые главные потребности человека, разумеется, физиологические (голод, жажда и т. п.), на следующей ступени — потребность в безопасности.

Еще Платон считал, что «счастье — это знание, знать, что есть добро и делать добро. Человек, который по неведению нарушает законы природы (Бога), не может быть счастливым. Только высокообразованный, нравственный и духовно развитый человек, соблюдающий принципы общественной морали и этики, поистине счастлив». Демокрит также писал о счастье как о высочайшем благе, которое может быть достигнуто с помощью умеренности, спокойствия и свободы от страха. Изучая эти размышления, становится очевидно, как человеку необходимо ощущение безопасности, как он хочет жить без страха.

Таким образом, вопрос безопасности для каждого человека является ключевым. Всем необходимо чувствовать себя защищенным как от внешних угроз (тех, что исходят от общества, экологические опасности и т. п.), так и от внутренних (ощущение страха, неудачи). Человек, который не чувствует себя в безопасности, расположен к отклоняющемуся поведению, теряет смысл существования и способен прервать свою и чужую жизни, таким образом становясь опасным для себя и общества. Именно поэтому вопрос безопасности является социальной проблемой.

В древности понимание человеком безопасности не выходило за рамки обыденного представления и трактовалось им как отсутствие опасности и зла. Впервые термин «безопасность» был употреблен в 1190 г. в словаре английского философа Роббера как «спокойное состояние духа человека, считающего себя защищенным от любой опасности» [1, с. 20–21]. Выдающийся отечественный лексикограф В. И. Даль определяет безопасность как «отсутствие опасности, сохранность, надежность» [2, с. 67]. С. И. Ожегов трактует безопасность как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [3, с. 47].

Рассматривая общеполитические подходы к пониманию феномена безопасности, необходимо обратиться к формальной логике, где безо-

пасность — это отсутствие опасности. Однако, естественно, в условиях объективной реальности достичь безусловного уровня безопасности не представляется возможным, так как та или иная угроза существует всегда, следовательно, такое положение принципиально недостижимо. Как отмечает В. И. Ярочкин, «безопасность — это скорее не отсутствие опасности, а защита от нее» [4, с. 38]. Нам близко такое понимание безопасности, так как именно защищенность наиболее полно способствует раскрытию рассматриваемой нами проблемы. В развитие данной идеи Н. Н. Рыбалкин справедливо указывает, что «понимание безопасности как состояния защищенности в настоящее время получило наибольшее распространение и принято многими отечественными исследователями в качестве концептуального основания проводимых теоретических изысканий, хотя они и расходятся в определении объекта защиты, характера угроз и защищаемых интересов» [5, с. 17].

В настоящее время отечественные и зарубежные ученые разрабатывают различные подходы к пониманию безопасности. Среди них особо выделяется психологический подход, который делает основной акцент на ощущении, восприятии и переживании необходимости в защите жизненно важных интересов. Юридический подход раскрывается через законодательное установление системы правовых гарантий защиты личности, общества и государства в целях их нормальной жизнедеятельности. Однако особый интерес представляет философско-социологический подход, сущность которого раскрывается через «состояние тенденции развития и условия жизнедеятельности социума, его структур, институтов и установлений, при которых обеспечивается сохранение их качественной определенности, оптимальное соотношение свободы и необходимости» [6, с. 8].

Изучив все перечисленные подходы и теории, мы приходим к выводу, что безопасность человека напрямую исходит от обстановки в обществе, которая при этом зависит от внутреннего ощущения безопасности каждого индивида. Если человек не ощущает страха за свою жизнь, будущее, его личные и телесные границы неприкосновенны и защищены законом, то он, соответственно, не будет нарушать чужую безопасность. В свою очередь, чем больше таких защищенных людей в обществе, тем более защищено само общество. Разумеется, создание идеального общества, в котором не существует тех или иных опасностей, невозможно, однако любое негативное воздействие возможно минимизировать: улучшением уровня жизни населения, работой над профилактикой правонарушений, повышением уровня образованности, повышением мотивации людей к исследованиям, изучению и самореализации.

В настоящее время каждое государство заинтересовано в том, чтобы общее настроение в обществе было позитивное, а права и свободы человека защищены законом. Одни страны в этом преуспели в большей степени, чем другие. Только сейчас становится очевидным, какие меры по обеспечению безопасности являются эффективными в долгосрочной перспективе, что позволяет всем использовать этот опыт, применяя его на территориях своих государств. Каждый человек в силах сделать шаги навстречу обеспечению своей безопасности и безопасности общества, ведь для этого требуется не так много: как минимум, поступать с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобой; соблюдать правила поведения, дорожного движения, выбрасывать мусор в урну. Такие простые вещи способны изменить общество в лучшую сторону и повысить уровень безопасности и избавить человека от чувства страха.

Список источников

1. Гончаренко Л. П., Куценко Е. С. Управление безопасностью. М., 2005.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1990.
4. Ярочкин В. И., Бузанова Я. В. Теория безопасности. М., 2005.
5. Рыбалкин Н. Н. Природа безопасности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003.
6. Проскурин С. А. Национальная безопасность страны. Сущность, структура, пути укрепления. М., 1991.

В. С. Горшкова

(г. Барнаул)

Соблюдение профессиональной этики судебного эксперта как принцип судебно-экспертной деятельности

Вопросы профессиональной этики судебного эксперта приобретают актуальность в связи с активным развитием в Российской Федерации судебно-экспертной деятельности (далее — СЭД), осуществляемой государственными и негосударственными экспертами. В настоящее время в Государственной Думе РФ на рассмотрении находится законопроект № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1], который должен прийти на смену действующему Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности». Среди предлагаемых изменений и дополне-

ний имеются нормы, затрагивающие сферу морально-нравственных ценностей. Так, среди принципов судебно-экспертной деятельности появилось такое руководящее начало, как соблюдение профессиональной этики судебного эксперта (ст. 6), которое реализуется путем обязательного и неукоснительного выполнения этических норм (ст. 11). Полагаем, законодатель на федеральном уровне обоснованно уделил внимание и сформулировал в нормативном правовом акте положение, касающееся общечеловеческих ценностей и нравственной основы выполнения должностных обязанностей. Важно отметить, что при организации и производстве судебных экспертиз эксперт нередко сталкивается с ситуацией, которая не урегулирована нормами права, поэтому лицо вынуждено действовать в соответствии с морально-этическими требованиями объективности, долга, чести, беспристрастности и др. Принцип соблюдения профессиональной этики судебного эксперта только закрепляется российским законодателем, однако данное руководящее начало уже нашло свое отражение в нормативных правовых актах, регламентирующих судебно-экспертную деятельность Кыргызской Республики (Закон от 24 июня 2013 г. № 100).

Вопросы профессиональной этики сотрудников как государственных, так и негосударственных экспертных подразделений, организаций освещались в научных трудах многих исследователей. Учеными Ф. Г. Аминевым [2], Н. С. Колесниковой [3, с. 36] предлагались проекты Кодекса профессиональной этики судебного эксперта. Так, с 2012 г. действует Этический кодекс государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации [4]. Имеются подобные своды морально-ценностных правил в других организациях и учреждениях, например, ООО «ЭкспертСервис», Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. В указанных кодексах содержатся такие этические принципы СЭД, как профессиональная компетентность, объективность, независимость, исключение корыстных мотивов (действий), конфиденциальность информации, установка, приоритет профессионального над личным, порядочность, честность, доверие, справедливость, уважение, надежность, ответственность, безупречное поведение, лояльность. Кроме того, кодексы регулируют правила взаимодействия с другими организациями, СМИ, взаимоотношения с коллегами.

На наш взгляд, приведенные этические принципы справедливо применить к деятельности экспертов полиции, которые непосредственно участвуют в процессе уголовного судопроизводства и про-

изводства по делам об административных правонарушениях. Целесообразно дополнительно выделить такие морально-нравственные начала, как:

- высокое чувство служебного долга;
- преданность профессии;
- постоянное самосовершенствование (готовность к обучению и самообучению, повышению квалификации);
- беспристрастность (не допускать проявлений личного отношения — высказывания суждений, мнений, оценки деятельности, поведения и пр., при работе как пострадавшими от противоправных деяний (потерпевший), так и совершившими их лицами (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, лицо, совершившее административное правонарушение); не допускать критики экспертных заключений, выполненных в иных экспертно-криминалистических подразделениях);
- равенство при производстве судебных экспертиз (по вертикали и горизонтали экспертами низового, среднего и высшего звена — экспертно-криминалистическая группа, экспертно-криминалистический отдел, экспертно-криминалистический центр, от эксперта до начальника подразделения);
- готовность к сотрудничеству и оказанию взаимопомощи при осуществлении служебных полномочий в рамках действующих нормативных правовых актов (например, при подготовке и производстве судебно-генетических экспертиз по факту убийства, изнасилования или иного особо тяжкого преступления взаимодействуют эксперты ЭКЦ МВД России и Следственного комитета России). Таким образом, в целях формирования морально-нравственных основ судебно-экспертной деятельности необходимость закрепления такого принципа осуществления служебных обязанностей, как соблюдение профессиональной этики судебного эксперта, на уровне федерального законодательства объективно назрела. Научному сообществу (ученым в области философии, юридической этики, уголовного процесса, административного права, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертологии) в перспективе стоит начать разрабатывать унифицированный Кодекс профессиональной этики эксперта, который будет содержать требования к моральным качествам государственного и негосударственного эксперта, к правилам осуществления служебной деятельности, поведения во внеслужебное время, регулирования этических конфликтов, выстраивания взаимоотношений в служебном коллективе и др.

Список источников:

1. Законопроект № 306504-6 от 29 июня 2013 г. «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 10.05.2021).
2. Аминев Ф. Г. О профессиональной этике судебного эксперта в Российской Федерации // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 6.
3. Колесникова Н. С. Основы профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности и пути ее совершенствования // Судебная экспертиза. 2016. № 3(47).
4. Этический кодекс государственных экспертов судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации (одобрен на Всероссийском совещании руководителей государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации 26 марта 2011 г.). Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/protivodejstvie-korrupcii/eticheskij-kodeks/> (дата обращения: 10.05.2021).

М. А. Дударева

(г. Омск)

Проблемы понимания частной жизни личности: философский, исторический и правовой аспекты

Частная жизнь личности всегда представляла интерес с точки зрения истории, философии и права. Понятие «частная жизнь» часто связывают с понятием «свобода». Свобода быть независимым или, как принято в зарубежном законодательстве, «право быть оставленным в покое», играет важную роль для каждого человека.

Современный философский словарь определяет частность как специфическую особенность какой-либо части; она сопряжена с количественными различиями между слагаемыми качества — с субстратными, структурными или функциональными различиями. Частное — принадлежащее части; относительная обособленность (отдельность) части внутри целого [1, с. 797–798].

Помимо указанного понятия необходимо обратиться к слову «личность». Проблема личности является ключевой в истории философии и других общественных науках.

Анализируя взгляды философов и социологов, С. С. Бородин приходит к выводу, «что понятия „личность“ в праве и в философии не сов-

падают. В отличие от философии, в праве каждый человек признается юридической личностью или субъектом права [2, с. 27].

Вопрос контроля и вмешательства в частную жизнь человека всегда был одним из центральных в истории борьбы за личную свободу и на сегодняшний день не теряет своей актуальности. По сути, права, закрепленные в конституциях России и зарубежных стран, призваны оградить стремление властей от такого пристального контроля.

Зарождение и развитие института частной жизни с точки зрения истории, философии и права в западных и восточных традициях подробно анализирует В. П. Иванский. Он пишет, что «современное деление абсолютного блага человеческой жизни на две относительные сферы — частную и публичную жизнь — зародилось, в конечном итоге, в демократических полисах античной Греции одновременно с представлением о гражданине как об индивиде, наделенном определенным комплексом прав и обязанностей. В античных полисах зародившаяся сфера частной жизни была ничтожной и полностью была подчинена интересам „большой“ общины-полиса, а следовательно, сфере публичной жизни. Таким образом, несмотря на идеально осознаваемую модель трихотомии жизни человека в Древней Греции, фактически значимой для индивида была публичная жизнь, в которой он находил свой основной смысл жизни. Реально действующими были только две сферы жизни — частная (для узкого круга лиц) и публичная (для всех), которые и получили в будущем свое развитие» [3].

Философы Нового времени рассматривали данную категорию в соотношении с правами человека, его свободой (Дж. Локк), безопасностью (Б. Спиноза), неприкосновенностью личности и собственности (Ж.-Ж. Руссо). При этом власть уже рассматривалась в качестве гаранта и защиты частной жизни человека (Т. Гоббс).

Пределы вмешательства в свободу человека нашли свое отражение в эпоху буржуазных революций, но подход при этом к такому праву был не комплексным, а автономным.

Осознание комплексного «права на невмешательство в частную жизнь» пришло только в 90-е гг. XIX в., когда почти одновременно появились «три разные концепции этого права — американская (англосаксонская) концепция (*privacy*); германская концепция „общего права личности“, понимаемого как право индивидуума „на телесную и духовную неприкосновенность и на проявление себя“; и французская доктрина „права личности“, возникшая под влиянием идеи „публичной свободы и потому развивавшаяся в русле публичного права“» [2, с. 27].

Рассматривая развитие права на неприкосновенность частной жизни человека в России, следует отметить, что оно шло по особому пути. Прежде всего, это выражалось в том, что, закрепляя основные права человека, государственные законы не определяли должным образом их гарантии и механизмы реализации и защиты, что приводило к постоянным нарушениям. До принятия Конституции РФ 12 декабря 1993 г. данный вопрос был практически не проработан. В настоящее время в ст. ст. 23 и 24 Конституции РФ гарантируется право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и уточняется, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия недопустимы.

Однако право человека на неприкосновенность его личной жизни нельзя считать абсолютным, так как всегда имеются определенные ограничения и нарушения со стороны государства. Изучение различных подходов к правовой категории «частная жизнь» в разные периоды истории указывает на то, что она несовершенна. Существующие подходы не дают в полной мере представления о том, какие структурные элементы входят в данное понятие, как в современном мире отграничить частную и публичную жизнь человека, каковы пределы вмешательства в нее. Развитие общества не стоит на месте, его цифровизация приводит к тому, что все чаще идет ограничение прав человека, вмешательство в частную жизнь. Именно понимание данной категории в социальной философии предопределяет ее активную разработку в правовой науке.

Список источников

1. *Современный философский словарь* / под общ. ред. проф. В. Е. Кемерова. М., 2004.
2. *Бородин С. С.* Правовые категории «личная жизнь» и «частная жизнь» в системе нематериальных благ: традиционное понимание и новые подходы // *Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательств* : сб. ст. М., 2015.
3. *Иванский В. П.* Генезис института частной жизни: историко-философский и правовой аспекты // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2006. № 1.

Е. С. Квасников

(г. Омск)

Право человека на безопасный труд.

Основные этапы эволюции

Философия безопасного труда является частью философии труда как междисциплинарного направления, исследующего различные аспекты трудовой деятельности человека [1, с. 79]. Размышления о вопросах, связанных с безопасностью труда на производстве, уже имели место в древности. Исторические этапы осмысления таких вопросов выступили основанием для приобретения трудовыми отношениями межотраслевого характера регулирования как на уровне внутригосударственного законодательства, так и на уровне международного права.

Первоначальные сведения об опасностях, возникающих в процессе труда, содержались в первых известных работах ученых эпохи Античности. Например, в медицине Гиппократ II Великого Косского прослеживаются попытки обобщения опыта гигиены труда. В его рассуждениях, в частности, анализируются тяжелые условия труда рабочих на рудниках, приводится перечень «свинцовых» профессий, а также описываются последствия для здоровья от работы со свинцовой пылью. Аристотель в своих трудах излагает некоторые представления о труде, опасности и рабах. В «Никомаховой этике» упоминается, что раб представлялся как одушевленное орудие, а орудие — как неодушевленный раб. В книге седьмой «Политика» им приводится пословица: «Нет досуга для рабов»; господину присущ от природы умственный труд, раб же создан исключительно для труда физического; там же Аристотель задается вопросом пригодности раба еще для чего-нибудь кроме работы. Можно сделать вывод, что Аристотеля заботили условия труда, но не всякого человека — рабы были инструментом в руках господ и, соответственно, составляли исключение. В целом в эпоху Античности физический труд носил эксплуататорский характер. Рабы не осознавали собственную ценность для господина (в плане труда). Производительность труда имела преимущество перед его безопасностью, поэтому осмысление проблем безопасного труда в то время было связано с необходимостью сохранения людского ресурса в целях его эксплуатации.

В период Средневековья юридическая забота государств о безопасности труда зависимых людей распространенной не была. Однако с ростом производительных сил и ремесла эксплуатация труда имела место. Так, в ремесленных цехах продолжительность рабочего дня подмастерьев варьировалась от 14 до 18 часов. Тем не менее общность производства

повышала собственную ценность рабочих. Для защиты работниками своих интересов последние создавали организации, напоминающие современные профсоюзы: братства, компаньонажи, целью которых были борьба с мастерами и взаимопомощь — выдвижение требований о сокращении рабочего дня, забастовки и бойкоты [2, с. 290]. В источниках, которые автору удалось найти, содержится мало информации о праве на безопасный труд в средние века. Вместе с тем примечательно, что в тот период наблюдаются зачатки формирования охраны труда в дальнейшем. Необходимость сохранения людского ресурса, жалобы рабочих на здоровье и условия труда, выяснение причин таких жалоб, умение врачей анализировать состояние здоровья трудящихся, знания о лечении профессиональных заболеваний, возникновение представлений рабочих о собственной ценности и предпринимаемые ими попытки улучшения условий труда составляют содержание очередного этапа эволюции формирования права человека на безопасный труд.

В эпоху Возрождения, с ее светским характером культуры, гуманизмом и антропоцентризмом, пришедшую на смену Средневековью, а также в эпоху Просвещения, характеризующуюся развитием научной, философской и общественной мысли, ее рационализмом и свободомыслием, охрана труда продолжила свою эволюцию. В XVI–XVIII вв. вопросы охраны труда освещались, в частности, в исследованиях областей условий труда отдельных профессий. Например, швейцарский врач и естествоиспытатель, философ, химик, фармацевт, астролог Парацельс (настоящее имя — Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) в работе «О горной чахотке и других горных болезнях» описал заболевания горняков, определив их причиной непродолжительности жизни в связи с тяжелыми условиями труда и вдыхаемой рабочими пылью. Немецкий учитель, врач, ученый и писатель Георг Агрикола характеризуется как один из предшественников профессиональной гигиены. Он описал встречающиеся у рудокопов заболевания, причинами которых являлись вдыхание газов и пыли в шахтах, большая влажность и вредное воздействие самих металлов. Особое внимание ученый уделял предупреждению профессиональных заболеваний.

Человеческий фактор в указанные эпохи стал играть ключевую роль. С развитием научной мысли модернизировалась медицина, появились новые лекарства и изобретения в целях безопасности труда, впервые были выделены профессиональные заболевания. Можно сказать, что увеличение масштабов производства сказалось на рисках получения производственных травм и заболеваний. Тем не менее преимущественным

фактором в решении проблемы безопасного труда, по нашему мнению, так и оставалось сохранение людского ресурса для увеличения производительности труда, а не его безопасность.

С развитием представлений о естественном праве, эволюцией гуманизма и антропоцентризма неотъемлемым правам человека, принадлежащим ему исходя из самого факта его принадлежности к человеческому роду, уделялось центральное внимание. Признается право на жизнь и здоровье каждого человека. Обеспечивается охрана таких прав и при осуществлении рабочими трудовой деятельности. Если вести речь о России, потребность в охране труда была обусловлена возникновением промышленного производства и увеличением его масштабов в XVIII в. Законодательное регулирование охраны труда имело место в фабрично-заводском законодательстве о труде еще до беспрецедентного по масштабу периода Великих реформ, проведенных в царствование Александра II. Эволюция производственных сил (труд во взаимодействии с источниками повышенной опасности, научно-технический прогресс, сложное оборудование и т. д.) повлияла на характер взаимоотношений работников с работодателем.

Толчком для развития безопасности труда в России стал вклад М. В. Ломоносова. В 1742 г. в своем труде «Первые основания металлургии и рудных дел» он рассмотрел различные аспекты безопасности и гигиены труда шахтеров. Во избежание несчастных случаев, заболеваний и травм рабочих Ломоносов говорил о необходимости анализа обстановки на местности, прежде чем приступать к работе; рекомендовал использовать рабочую одежду, подходящую для такого рода труда; обращал внимание на укрепление шахт и предлагал собственные варианты укрепления; ввел понятие вентиляции; разработал теорию естественного проветривания; предложил вентиляционные установки собственной конструкции и др.

В дальнейшем освещение проблемы рабочего вопроса и принцип гуманизма принадлежит П. И. Новгородцеву. Разработка фундаментальных основ формирования в России подлинно правового государства с гармоничным сочетанием индивидуальной свободы и общественного блага в интерпретации Б. Н. Чичерина (принцип формального равенства), наряду с другими факторами, сыграли немаловажную роль в формировании уже правового института охраны труда. Думается, что данные идеи впоследствии стали почвой для проработки проблемы, связанной с охраной труда, и путей ее решения на законодательном уровне. Так, законодателем разрабатывались нормы об охране труда работников, в том числе и для их отдельных категорий, нормы об обеспечении санитарии и гигиены на

производстве, а также нормы о контроле соблюдения таких требований. В итоге это привело к тому, что право человека на безопасный труд было признано в качестве одного из наиболее значимых и важных прав — такое право стало конституционным.

Таким образом, перенос знаний, умений, позиций, (иначе говоря, традиций) относительно охраны труда из эпохи в эпоху внес значительный вклад в юриспруденцию, оказав непосредственное влияние на развитие такой науки в рассматриваемой сфере. В настоящее время охрана труда регламентируется различными отраслями права в России; признается в качестве наиболее важного и значимого права как в отечественном законодательстве, так и на международном уровне.

Список источников

1. *Рогожникова В. Н.* Философия труда: в поисках свободы и смысла // Электронный журнал МГУ имени М. В. Ломоносова. Т. 9. Вып. 4.
2. *История Средних веков* : учебник. В 2 т. Т. I / под ред. С. П. Карпова. 6-е изд. М., 2008.

Т. А. Лозовская

(г. Омск)

Требование правовой определенности на примере малозначительности деяний

Законодательное закрепление принципа правовой определенности направлено на конструирование нормативных предписаний таким образом, чтобы содержание обязательных требований было понятно участникам правоотношений. Данный принцип формулирует единую концепцию определенности всего правового регулирования, для достижения которой этот принцип должен быть ясным, точным, недвусмысленным и непротиворечивым. Это в полной мере распространяется и на уголовно-правовые отношения.

Ясность характеризует собой равное уяснение содержания нормативно-правового положения каждым субъектом правоотношений; точность обозначает неукоснительное соблюдение сложившейся юридической терминологии; недвусмысленность предполагает четкость и однозначность смысла правового предписания; непротиворечивость свидетельствует о соответствии действующему законодательству.

Перечисленные признаки играют особую роль в сфере уголовного права, которое выступает способом реагирования государства на нега-

тивное противоправное поведение. Поэтому уголовно-правовые предписания должны быть настолько конкретно описаны в законе, чтобы каждый субъект правоотношений мог осознать для себя правовые последствия совершенных деяний [1].

Для верного способа выражения права (формы права) признак определенности является обязательным. Следовательно, отсутствие такого признака, как определенность, указывает на тотальное смешение права с другими социальными регуляторами, которые существенно усложняют правоприменительную практику. Неопределенность в правовом регулировании является недостатком и несовершенством.

Определенность права как неотъемлемый признак должна обеспечивать такое правовое регулирование, чтобы все участники правоотношений предполагали единый результат, который должен наступить при возникновении, изменении и прекращении правоотношений.

Сущность принципа правовой определенности выделяет связь стадии индивидуализации и конкретизации прав и обязанностей со стадиями применения и реализации права, так как строго определенное субъективное право и юридическая обязанность реализуются в конкретном поведении участников правоотношений. Следовательно, предположительное в обозначенных рамках поведение участников претворяется в жизнь в момент выполнения ими фактической объективной стороны, заложенной в нормативной модели поведения.

В свою очередь, использование оценочных категорий при конструировании отдельных норм права часто оказывается вынужденной необходимостью адаптивного изложения законодателем нормативных предписаний для возможности их более гибкого применения. Отмечается, что принцип правовой определенности необходимо верно понимать, избегая его абсолютизации. Незначительные отступления возможны и даже необходимы в случаях, если они обязательны в силу своего непреодолимого характера. Тем не менее на практике правоприменитель испытывает затруднения при применении нормы о малозначительности деяния, что обусловлено содержащейся оценочной конструкцией.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, как таковой принцип определенности не нарушает требования, предъявляемые к методу юридической техники уголовного закона: «требования... однако, не означают, что при формулировании его предписаний не могут использоваться оценочные или общепринятые понятия (категории), позволяющие учесть необходимость эффективного применения уголовно-правовых запретов к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций» [2].

Подобная разница между формой и содержанием преступного деяния обычно обусловлена первоначальным диалектическим противоречием между абстрактным характером уголовно-правового предписания и точным определением запрещенных ими деяний. Очевидно, что «формулируя конкретный состав преступления, законодатель абстрагируется от особенностей и исключительных признаков, присущих множеству деяний, выделяя в качестве юридически значимых только те признаки, которые являются обобщенными, необходимыми и достаточными при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности» [3]. Диспозиция в уголовном праве описывает конкретный вид преступного деяния через определение минимально необходимых признаков для квалификации деяния как преступления [4]. Данное нормативное положение используется правоприменителем для оценки поведения субъектов правоотношений, которое помимо указанных в законе признаков имеет также разнообразие собственных индивидуальных характеристик. Безусловно, не имеет смысла указывать в норме бесчисленное количество характеристик преступления, поэтому в реальности совершенное деяние может не обладать общественной опасностью, необходимой для преступного поведения, при этом полностью совпадать по форме выражения с преступлением.

Как отмечалось ранее, сам по себе оценочный характер понятия «малозначительность» не нарушает требований правовой определенности уголовного закона. По крайней мере, применительно к административно-правовой малозначительности это подтвердил Конституционный Суд РФ, указав, что «использование законом оценочного понятия малозначительности не свидетельствует о неопределенности правовой нормы, поскольку разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций» [5]. Такая правовая позиция Конституционного Суда РФ в полной мере распространяется и на уголовно-правовую малозначительность.

Список источников

1. *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июля 2020 г. № 38-П.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2018 г. № 1650-О.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Яцеленко Б. В. Противоречия уголовно-правового регулирования : монография. М., 1996.

4. Наумов А. В., Новиченко А. С. Законы логики при квалификации преступлений. М., 1978.

5. *Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2014 г. № 2521-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

В. Е. Мушаков

(г. Омск)

Философский взгляд на цифровизацию общества

Философская мысль постоянно стремится к осмыслению состояния общественных отношений и выдвижению прогнозов их развития. Научно-технический прогресс внес в повседневную жизнь новые цифровые технологии. Их появление и всеобщее распространение трансформирует современное общество. По мере виртуализации материальной среды онтологическая сущность цифровизации все более определяет экзистенциальные установки человека и ориентиры общественного развития.

Согласно распространенному подходу понятие цифровизации связано с использованием в технических устройствах каналов связи, основанных на бинарном (двоичном) коде. Данный факт обуславливает необходимость определить взаимосвязь общеизвестных философских течений с происходящими в настоящее время цифровизационными процессами.

Пифагорейская философская школа основывалась на понимании числа как начала всех вещей и познании мира посредством числовых закономерностей. По мнению философов, временная периодизация на годы, месяцы и дни, циклы биологического развития, инкубационные периоды зародышей и даже звуки музыки регулируются числовыми законами [1, с. 28]. Их идея противоположностей является попыткой описания двоичного мира. Возникают сомнения, что Пифагор и его последователи закладывали пророческий смысл своего философского учения. Конечно, в Древнем мире не было предсказаний о будущем цифрового мира, основанного на числовом кодировании программ. Однако пифагорейство так или иначе является древнейшим философским учением, объясняющим числовое бытие мира. Следовательно, применительно к современным условиям пифагорейская интерпретация подходит для философского обоснования двоичной сущности современных цифровых технологий.

Некая взаимосвязь прослеживается между мыслью Платона о дихотомии всего сущего (мир вещей и мир идей) и современным разделением материального и виртуального пространства. Как мир идей, так и виртуальное пространство противоположно осязаемому миру и необходимо для объяснения сущности материальных объектов.

В доктрине неопифагорейцев концепция мира идей была дополнена теорией чисел. Ж. Реале повествует о следующих философских взглядах неопифагорейцев: «Бытие не может быть материей, ибо она неопределенна, беспорядочна, иррациональна, непознаваема, в то время как бытие неизменно. Оно не может быть и телом, ибо, ясно, что тела подлежат непрерывному изменению и нуждаются в чем-то, что их скрепляет» [1, с. 238]. Числа же отсылали к чему-то более глубокому и сложному.

Обращение к древнейшим философским течениям показывает, что человек в своем сознании задолго до появления электронных цифровых устройств пытался выйти за рамки материального мира и постичь мир идеализированный. Выход за рамки привычного мира выступает идейной предпосылкой создания цифрового аналога общественных отношений.

При изучении взглядов современных мыслителей, полагаем, отдельного внимания заслуживает теория постиндустриального общества, выдвинутая американским социологом Д. Беллом. Его футурологическая концепция о смене экономических парадигм путем внедрения «умных» технологий сбывается. Д. Белл убежден, что в «эпоху разобщенности», где в рамках нескольких парадигм нельзя описать все мировые процессы, успехи общества все в большей мере определяются инновациями и нововведениями [2, с. 17].

В контексте существующих реалий информационно-цифровой трансформации прогнозируются следующие сценарии общественного развития.

1. Неизбежность оформления общества, основанного на цифровых технологиях. В настоящее время виртуальная реальность все больше вытесняет осязаемый материальный мир. Сегодня отмечается тенденция по увеличению со стороны населения спроса в повсеместном применении цифровых технологий. Человек все больше времени проводит в виртуальной среде. Доверие к продуктам, сгенерированным научно-техническим прогрессом, и цифровые мировоззренческие установки способствуют воспитанию молодого поколения, в том числе путем приобщения к продуктам виртуального мира. Родившиеся в XXI столетии уже не представляют собственную жизнь без цифровых устройств. Сегодня обойтись без

них значит стать информационно ограниченным субъектом социального взаимодействия. В современных реалиях человек, не пользующийся электронными устройствами, при значительной доли условности сравним с монахом-отшельником, отказавшимся от мирских благ. В обоих случаях нивелируются частота и интенсивность возможных социальных взаимодействий. Очевидно, что интернетизация и цифровизация последующих поколений только продолжится, а вместе с этим и повысится цифровая грамотность населения.

2. Возникновение состояния, угрожающего развитию свободного гражданского общества. Не следует исключать возможность наступления неблагоприятного исхода научно-технического развития. Обратной стороной привлекательности цифровизации общества выступает снижение приватности жизни каждого отдельного гражданина. Основной вопрос заключается в том, в руках какой политической элиты окажутся современные цифровые разработки. Серьезная проблема возникнет, если последние ею монополизированы. В антидемократическом обществе «цифра» может стать орудием глобальной слежки за гражданами. Не таким и утопическим может показаться сценарий Оруэлла о «Большом Брате». Уже сегодня в авторитарной Китайской Народной Республике установлено 200 млн камер видеонаблюдения, фиксирующих общественную жизнь. В подобном случае цифровизация является потенциальной угрозой. Цифровые продукты могут выступить инструментарием контроля, устрашения и даже подавления личности.

Однако снижению приватности жизни граждан может быть противопоставлено повышение транспарентности государства. Прозрачность властного государственного аппарата, подотчетность и ответственность должностных лиц перед народом выступит эффективным механизмом процветания общества. Таким образом, цифровизация общества может привести как к положительным, так и к отрицательным последствиям.

3. Отказ от цифровой реальности в связи с получением негативного опыта виртуализации либо удовлетворения всех информационных потребностей. В таком случае вектор технологического развития будет перенаправлен на удовлетворение иных интересов (альтернативная энергетика, телемедицина, генетика и другое). Цифровизация будет расценена в качестве пройденного этапа социального развития.

Философы с древнейших времен пытались сознательно выйти за рамки материального мира и постичь идейный мир. Подобные устремления стали безусловной предпосылкой для создания новой, цифро-

вой реальности. В настоящее время одним из условий общественного развития является применение цифровых технологий. Отрицательный или положительный исход цифровой трансформации зависит от опыта, полученного обществом в результате виртуализации материальной среды.

Список источников

1. Реале Ж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. М., 1997.
2. Белл Д., Иноземцев В. Л. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М., 2007.

П. А. Парадников

(г. Москва)

Соотношение гражданского и государственного правопорядка

Правопорядок — неотъемлемая часть правовой системы правового государства, своего рода инструмент «в руках государства», задачей которого является оказание регулирующего влияния на людей и их поведение, на их коммуникативные отношения и связи. Так, А. Ф. Черданцев рассматривает правопорядок как «определенную систему общественных отношений, складывающуюся на основе права и законности» [1, с. 197]. Данное определение является достаточно полным и наталкивает на мысль, что общественные отношения, возникающие при ежедневном и привычном нам контакте социальных акторов, урегулированные правом, конкретными законами и нормативными правовыми актами, олицетворяют некую систему порядка, помогающую мирно существовать современному обществу.

Правопорядок может иметь два модуса: гражданский и государственный. Целью данной работы является попытка прояснения соотношения государственного и гражданского правопорядка и возможностей гармонизации этого взаимоотношения.

Гражданское общество по своей природе обладает способностью к саморегуляции. Правильно организованное и стабильное общество, выстроенное в виде сложной социальной системы, позволяет преодолевать трудности, вызванные внешними раздражителями и другими внесистемными угрозами. Такая организованная система, регулирующая действия всех входящих в нее социальных акторов, образованная стихийно, в результате функционирования общества, выступает в качестве гражданского правопорядка.

Понятие гражданского правопорядка «отражает правовое состояние гражданского общества как самостоятельного и функционально первичного по отношению к государству. Различение этих смыслов важно потому, что, во-первых, отличный от государственного правопорядок складывается в любом обществе, а во-вторых, гражданский правопорядок может складываться только при условии действительности неофициального, спонтанно формируемого правопорядка». Согласно позиции А. В. Юдина, гражданское общество характеризуется тем, что оно образуется самостоятельно, в результате взаимодействия социальных групп, объединенных общими целями и задачами, возникает не по воле государственной власти и не по воле представителей общественной «элиты», гражданское общество формируется в результате общественной инициативы и самостоятельных действий социальных акторов тех или иных групп [2]. Эти особенности гражданского общества создают то, что называется гражданским правопорядком. Под гражданским правопорядком мы понимаем самоорганизующуюся и самовоспроизводящуюся деятельность, а также упорядоченный в социально значимых сферах общественной жизни государства (социально-культурной, экономической, политической и духовной), нормативно обеспеченный правопорядок. Целью гражданского правопорядка является благоустройство, налаживание систематичности и целостности тех или иных социальных сфер общественной жизни, причем все эти цели формируются в зависимости от базовых человеческих потребностей и возникают самостоятельно, без чьих-либо указаний и не в соответствии с неким законом, который принимается для образования гражданского правопорядка. Гражданский правопорядок, самоорганизованный и саморазвивающийся, является основой построения демократических и цивилизованных общественных отношений современного общества и современной России.

Гражданский правопорядок формируется на основе культурных и ценностных факторов. Это объясняется тем, что общество стремится к созданию комфортной окружающей среды, удовлетворяющей все его потребности, как духовные, так и материальные, а достигается это путем выстраивания четкого плана, который формируется в общественном сознании на основе зародившейся в таком обществе культуры. Можно утверждать, что гражданский правопорядок представляет собой состояние упорядоченности общественных отношений, образовавшееся в результате реализации культурно-нравственных и ценностных факторов в практике.

Государственный правопорядок, в отличие от гражданского, устанавливается государственными органами власти и напрямую зависит от

нормативно-правовой базы, регулирующей внутривнутриполитический государственный строй и общественные отношения. Нормативно-правовой аспект в вопросе о государственном правопорядке имеет фундаментальное значение. С момента выстраивания нормативно-правовой базы, которая будет отличаться не только легальностью, но и, как основополагающий фактор в современном демократическом государстве, легитимностью, начинается соблюдаться законность и последующая работа правовой системы. Таким образом, связь между законностью и государственным правопорядком является бесспорной. Законность, в свою очередь, это реализующееся право, а вследствие реализации права мы получаем правовой правопорядок, т. е. реализацию государственной воли.

Проведем сравнительную характеристику между гражданским и государственным правопорядком. У данных форм правопорядка действительно похожие цели, отличие заключается в деталях трактовки самих целей и задач, применимых исключительно в определенных сферах общественной и государственной жизни. Государственный правопорядок ориентирован на поддержание организованного состояния общества, на гарантирование законности и справедливости. Из этого следует, что государственный правопорядок гарантирует защиту политически организованного общества и отчасти поддерживает и гражданский правопорядок, во всяком случае, в демократическом государстве. Государственный правопорядок в определенном смысле защищает и гарантирует гражданский. Однако это не умаляет значения гражданского правопорядка, у которого свои цели и задачи, но они направлены именно на развитие и поддержание социальных, духовных и нравственных потребностей граждан этого государства.

Гражданский и государственный правопорядок взаимозависимы. Для создания модели легитимного и «правильного» порядка (с правовой и нравственной точки зрения) необходимы усилия государственных органов, которые, в свою очередь, формируются из граждан этого же государства. При плохо развитой системе гражданского правопорядка, где будут деградировать духовная, экономическая, культурная и тем более политическая сферы, невозможно формирование надежного и эффективного государственного аппарата и, как следствие, эффективного механизма реализации государственного правопорядка.

В Российской Федерации и государственный, и гражданский правопорядок, в случае их стабильной и правильной реализации, обеспечивают порядок в общественных отношениях, устойчивое социально-экономическое развитие, условия реализации материальных и духовных потребностей общества, достижение высокого уровня политической,

правовой и духовной культуры граждан, соблюдение гражданами Конституции РФ и ее законодательства, а также обеспечение реализации национальных интересов России, прав и свобод граждан.

Список источников

1. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2001.
2. Юдин А. В. Правопорядок гражданского общества // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12.

В. Ю. Пластун, Ю. А. Пластун

(г. Омск)

Развитие правового регулирования потребления

Современное общество живет в эпоху потребления, и законы, регулирующие потребительские отношения, достаточно развиты. В капиталистических странах потребление является ключевым фактором в развитии экономики и поддержании достойного уровня жизни. Сам уровень жизни определяется через потребительские возможности. В связи с этим потребление одобряется государством, стимулируется экономикой и поддерживается культурными индустриями.

Но так было не всегда. Долгое время потребление считалось предосудительной практикой. Начиная с античных времен и вплоть до середины XVIII в., в Европе действовали законы о роскоши, ограничивающие потребление тех или иных товаров. Они отображали царившую в обществе иерархию и предписывали, что и как можно было потреблять определенным слоям общества. Первые подобные законы появились в Древней Греции и Древнем Риме. Поначалу они устанавливали норму потребления некоторых предметов роскоши, ограничивая знать. Так, ряд законов содержал запреты, касающиеся объема денежных расходов на пиры и количества гостей.

Расцвет законодательного регулирования потребления пришелся на Средневековье. Библия представляла потребление как нечестивое и небогоугодное занятие. Излишество, роскошь считались одним из смертных грехов. По-прежнему было сильно влияние классической античной мысли с ее критикой стяжательства, а в некоторых случаях даже воспеванием аскезы. Известный религиозный философ средних веков Августин Блаженный называл страсть к деньгам и вещам одним из трех основных пороков падшего человека. Законы о роскоши основывались на постулате иерархии всего живого на земле. Й. Хейзинга в своей работе «Осень

Средневековья» пишет, что иерархия пронизывала все стороны жизни средневекового человека. Она была отражением Великой цели бытия — христианской концепции, заимствованной еще у философов Древней Греции. Й. Хейзинга называет законы о роскоши частью естественного космологического порядка, воплощением великого замысла Бога в праве [1, с. 216].

Изначально католическая церковь обратилась к подобным законам, чтобы ввести иерархию священнослужителей: так, сан духовного лица можно было определить по одежде [2]. Вскоре данные законы распространились на все слои общества. Например, под действие закона попадали цвета и ткани, которые можно или нельзя было носить, еда, количество лошадей в повозке [1, с. 216]. Функцией законов о роскоши в этом случае выступала социальная дифференциация.

В Новое время в ряде европейских стран отмечался стремительный рост торговли. Появление нового сословия купцов, обладающего значительными материальными ресурсами, насторожило аристократию. Законы о роскоши стали ее опорой против потери общественного статуса. Несмотря на то что знать критиковала экстравагантный образ жизни или обладание новыми товарами, которые в большом количестве хлынули в Европу благодаря международной торговле, себя в потреблении она не ограничивала. Жесточайшей критике подвергались и рабочие с крестьянами, у которых появилась возможность тратить свои скудные сбережения на недорогие новшества и более дешевые аналоги того, что могли себе позволить лишь аристократы. Верхушка общества видела в этой практике угрозу моральным устоям, опасалась народного бунта.

Изменившееся положение дел в обществе осмысливалось различными философами и теоретиками экономики, которые попытались представить потребление как ключ к процветанию нации (А. Смит, Д. Юм, Дж. Локк). В Новое время возникла идея, что человек имеет право на реализацию своих «суверенных» желаний (однако либералы часто отказывали в этом праве низам). В то же время в обществе все еще был значим ограничивающий подход к потреблению, подкрепленный традицией, религиозной доктриной и законодательством. Так, за 1724 г. в Лондоне арестовали более 90 тысяч человек за нарушение закона о роскоши [1, с. 216]. Интеллигенция в лице У. Шекспира и Д. Дефо призывала не нарушать границы социальной стратификации, оправдывая ее как приемлемую, естественную и необходимую [2, с. 47]. Шотландский писатель Т. Смоллетт поддерживал такую меру наказания для нарушителей, как повешение [1, с. 216].

В странах с развитой торговлей росло благосостояние наиболее социально защищенных категорий населения. Становилось очевидным, что законы, ограничивающие потребление тех или иных товаров, тормозят дальнейшее экономическое развитие страны. Церковь, защитница старого порядка, заинтересованная в сохранении законов, уже не была столь влиятельной, а тексты законов становились чересчур объемными, поскольку нововведений становилось все больше и больше. Последним законом о роскоши в Европе считается польский закон 1776 г. [3, с. 33].

В настоящее время мы наблюдаем правовое стимулирование потребления. В России это отражается, прежде всего, в Законе РФ «О защите прав потребителей». Отечественная судебная практика показывает, что правоприменитель в большинстве случаев встает на сторону потребителя. Помимо специального закона, защищающего права потребителя и предусматривающего штрафные санкции для производителя в пользу потребителя, существуют правовые институты, стимулирующие потребление. К последним, в частности, относится кредитование физических лиц, которое увеличивает потребление. Также существуют нормы, позволяющие уходить от обязательств по взятым кредитам, закрепленные в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)». В этот же ряд можно поставить Федеральный закон «О защите конкуренции». Хотя данный закон направлен на недопущение и устранение монополии на рынке, для потребителей он имеет большое значение, так как отсутствие монополистов положительно сказывается на доступности товаров.

Таким образом, мы можем наблюдать эволюцию правового регулирования потребления, которое уже прошло несколько стадий: 1) отсутствие правовой регламентации потребления; 2) ограничение потребления; 3) стимулирование потребления.

Список источников

1. *Being cultural* / Ed. by Bruce MZ Cohen. Auckland, 2012.
2. *Medieval sumptuary laws*. URL: <https://www.medievalchronicles.com/medieval-clothing/royal-clothing/sumptuary-laws/> (дата обращения: 11.05.2021).
3. *Reynolds C. Habit and taste: ethical consumption and the intellectual milieu*. Canberra, 2009.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ ПРАВА. ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Абжанов Б. С. О противодействии экстремизму в Казахстане	3
Артемов А. А. Аксиология и типология правовой культуры	6
Бучакова М. А. Конституционализм как феномен политико-правовой системы государства	10
Даллакян К. А. Трансформация права и свободы в эпоху цифровизации	11
Денисов С. А. Проблемы науки «конституционная аксиология»	14
Зайцева Е. С. Влияние ценностей на пределы правового регулирования	17
Кацубо С. П. О роли права в формировании гражданского общества	19
Ладушкин С. И. Формальная онтология права в контексте абстрактных логик	22
Матвиенко Е. А. Антропологизация права как актуальная задача современного этапа правового развития	25
Молчанова М. В. К вопросу соотношения права и правонарушения.	28
Никулин А. Г. Право как содержание сознания.	30
Петров А. В. Релятивное и константное в определении телеологии справедливости	33
Плетнев А. В. Религиозная аномия как источник нарушения правовых и социальных норм	36
Попов Д. В. Altissima paupertas в биополитическом пространстве чрезвычайного положения	38

Синченко Г. Ч. «Суд над врачами» и Нюрнбергский кодекс 1947 г.: часы или облако?	44
Филимонов А. Г. Российская государственность и опыт радикальных реформ XX в.....	47
Червяковский А. В. Государство, право и интернет-сообщество.....	52
РАЗДЕЛ II. ПРАВО В СИСТЕМЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ: ПРАВО И МОРАЛЬ, ПРАВО И РЕЛИГИЯ	
Абжанов Б. С. О взаимодействии права, государства и религии	55
Балахонский В. В. Проблема обоснования права в системе духовно-нравственных детерминаций	57
Васечко В. Ю. Проблема взаимосвязи права и нравственности в философско-этической системе Владимира Соловьева: современное звучание	60
Грязнова Т. Е. Идея ценности права в российской социологической юриспруденции рубежа XIX–XX вв.	64
Денисенко С. В. Моральная оценка правового бытия: современные формы.....	66
Денисова А. В. Правовая норма и мораль в произведениях Ф. М. Достоевского	69
Корчагина К. А. Формирование профессионально-этической, эстетической культуры обучающихся образовательных организаций МВД России при освоении ими образовательных программ	71
Морозов А. А. Религия между правом и политикой: конкуренция реконструктивных амбиций.....	74
Самойлов В. Д. Право в системе духовной жизни православных в период Великой Отечественной войны	76
РАЗДЕЛ III. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ДИАЛЕКТИКА СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ	
Бекряшев А. К. Проблемы исследования экономической безопасности в контексте понимающего и объясняющего подходов	80
Борков В. Н. Преодоление противоречий между формой и содержанием уголовного закона	83
Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Права человека в контексте цифровых глобальных процессов и вызовов.....	87

Векленко П. В. Социальный контракт эпохи Потребления: сущность и значение.	90
Голованова Т. В. Эффективность административного наказания в виде предупреждения	93
Демин И. В. «Право на достойное существование» в русском либерализме конца XIX — начала XX вв. (Б. Н. Чичерин и П. И. Новгородцев)	96
Засыпкин М. А. Права и свободы личности в системе взаимосвязанных понятий: потребности, интересы, ценности	99
Корабельникова Ю. Л. К вопросу о балансе свободы реализации и ограничений прав человека в городских условиях	101
Шавеко Н. А. Права человека и его достоинство: к вопросу о нормативных обоснованиях прав человека	104
РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ Трибуна молодого ученого	
Ахметзянова Д. Н. Степени свободы социального пространства «умного города»: новая утопия или цифровой паноптикон	109
Баталов Д. Е. Безопасность как общественная ценность	113
Горшкова В. С. Соблюдение профессиональной этики судебного эксперта как принцип судебно-экспертной деятельности	115
Дударева М. А. Проблемы понимания частной жизни личности: философский, исторический и правовой аспекты	118
Квасников Е. С. Право человека на безопасный труд. Основные этапы эволюции	121
Лозовская Т. А. Требование правовой определенности на примере малозначительности деяний	124
Мушаков В. Е. Философский взгляд на цифровизацию общества	127
Парадников П. А. Соотношение гражданского и государственного правопорядка	130
Пластун В. Ю., Пластун Ю. А. Развитие правового регулирования потребления	133

Научное издание

ОНТОЛОГИЯ И АКСИОЛОГИЯ ПРАВА

Редактор А. Н. Великих

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 29.09.2021. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 8,1. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 110 экз. Заказ № 206.

Редакционно-издательский отдел
Отделение полиграфической и оперативной печати
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7